

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена»

Мовчан Марина Константиновна

**ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ДИСКУРСНЫХ
КОМПЕТЕНЦИЙ НАРРАТИВА В ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ ГДР И ФРГ**

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки)
(филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Андреева В.А.

Санкт-Петербург
2025

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Проблема дискурсивной параметризации историко-биографического дискурса	13
1.1 Исторический дискурс в составе теоретического дискурса	13
1.2 Главные принципы текстообразования в историко-биографическом дискурсе	27
1.3 Историко-биографический дискурс ГДР и ФРГ	42
Выводы к главе 1	52
Глава 2. Неориторическая модель анализа историко-биографического дискурса	55
2.1 Основные исследовательские категории неориторики и историко-биографический дискурс	55
2.2 Дискурсные формации западно- и восточногерманского историко-биографического дискурса	66
Выводы к главе 2	75
Глава 3. Роль нарративных компетенций в развёртывании коммуникативных стратегий информирования и объяснения	77
3.1 Стратегия информирования и средства её реализации в структуре текста ...	77
3.1.1 Тактика рациональной аргументации	78
3.1.2 Тактика апелляции к личному авторитету	86
3.2 Стратегия объяснения и средства её реализации в структуре текста	88
3.2.1 Тактика субъективного аргументирования	89
3.2.2 Тактика апелляции к личному авторитету	93
3.2.3 Тактика апелляции к групповому авторитету	98
3.2.4 Тактика описания оценочных ориентиров	99
3.2.5 Тактика сравнения	101
3.2.6 Тактика апелляции к возможному прошлому	106
3.2.7 Тактика опровержения	111
Выводы к главе 3	117
Глава 4. Роль нарративных компетенций в развёртывании коммуникативных стратегий оценивания, самопрезентации и объективации	118

4.1 Стратегия оценивания и средства её реализации в структуре текста	118
4.1.1 Тактика описания оценочных ориентиров.....	118
4.1.2 Тактика приписывания оценочных характеристик	132
4.1.3 Тактика апелляции к авторитетам.....	144
4.1.4 Тактика сравнения.....	145
4.2 Стратегия самопрезентации и её реализация в структуре текста.....	154
4.2.1 Тактика персонализации.....	155
4.2.2 Тактика аттрактивации	159
4.2.3 Тактика апелляции к авторитетам.....	173
4.3 Стратегия объективации и её реализация в структуре текста	175
4.3.1 Тактика косвенного обращения.....	176
4.3.2 Тактика апелляции к авторитетам.....	178
4.3.3 Тактика указания на неточность	181
Выводы к главе 4.....	182
Заключение.....	185
Список использованной литературы.....	190
Справочные источники.....	211
Текстовые источники.....	212

Введение

Настоящее диссертационное исследование посвящено особенностям языковой реализации дискурсных компетенций нарратива в западно- и восточногерманском историко-биографическом дискурсе. Особенности историко-биографического дискурса в целом определяются особенностями нарративного и теоретического дискурсов. Поскольку нарратив является одним из основных способов фиксации, хранения, передачи и обогащения человеческого опыта в различных сферах деятельности, его изучение представляет научный интерес для современной лингвистики, стилистики и типологии текстов.

В отечественной германистике исследования исторического дискурса (и, в частности, историко-биографического субдискурса) с точки зрения языковой манифестации коммуникативных стратегий представляются перспективными, поскольку нарратив способствует само- и взаимопониманию людей, отбирая значимые для кого-либо моменты и события и соединяя в целостное повествование. В настоящее время нарратив активно изучается в различных устных и письменных дискурсах (не только художественном и повседневном, но и медийном, политическом и др.). Кроме того, перспективным представляется исследование нарратива как способа объяснения и аргументации в рамках теоретического дискурса, одной из важнейших черт которого является стремление субъектов коммуникации к объективности и, следовательно, исключение инстанции «я» (в то время как в нарративном дискурсе инстанция нарратора необходимо присутствует). Это определяет **актуальность** настоящей работы, заключающуюся в необходимости выявления и теоретического осмысления совокупности типологических черт историко-биографического дискурса посредством эмпирической интерпретации нарративных и лингвостилистических средств их выражения при помощи дискурсных компетенций: референтной, креативной и рецептивной.

Степень научной разработанности темы. В настоящее время нарратив активно изучается не только в художественном, но и в других, письменных и

устных, типах дискурса (повседневном, медийном, политическом и др.). При исследовании нарратива с языковой точки зрения внимание уделялось прежде всего фикциональному повествованию (в отечественной нарратологии – М. М. Бахтин, В. И. Тюпа, Б. А. Успенский и др.; среди зарубежных исследователей – Ж. Женетт, Р. Печ, К. Хамбургер, В. Шмид, Ф. К. Штанцель и др.). Что касается исторического (фактуального) повествования, оно, напротив, изучалось в основном с точки зрения философии истории: отражения особенностей познания в исторических трудах, затрагивались проблемы объективности, каузальности (в первую очередь зарубежными исследователями, такими как М. Вебер, А. Данто, П. Рикёр, Н. М. Baumgartner, М. Mandelbaum, W. J. Mommsen, J. D. Velleman и др., а также некоторыми отечественными исследователями: А. М. Амазовым, Н. Г. Козиным, Е. В. Мишаловой и др.), жанровой принадлежности историографических текстов (Ю. М. Лотман, Т. Н. Попова, Ю. В. Шатин, К. Acham, G. Mann, J. Rüsen, K. Stierle, H. White и др.), роли личности в истории (И. Л. Беленький, Л. И. Бородкин, Л. Е. Гринин, Th. Carlyle, C. Ni Dhuill и др.). Отмечены также типологические и лингвопрагматические исследования русскоязычного исторического дискурса (А. П. Миньяр-Белоручева, С. С. Субботенко).

Объектом исследования является историко-биографический нарратив разделённой Германии: тексты, созданные в ГДР и ФРГ в период существования этих двух государств; так называемые «параллельные биографии», посвящённые одним и тем же значимым деятелям немецкой истории.

В качестве **предмета** научного анализа выступают реализуемые в нарративных текстах западно- и восточногерманских исторических биографий нарративные компетенции: референтная, креативная и рецептивная. Они позволяют задать риторическую модель для параметризации высказываний по коммуникативным стратегиям и тактикам.

Цель работы заключается в том, чтобы на основе выявленных средств языковой манифестации референтной, креативной и рецептивной компетенций

нарратива в исторических трудах учёных ГДР и ФРГ, которые составляют специфику коммуникативных стратегий и тактик, формирующих данный тип дискурса, разработать модель анализа историко-биографического дискурса, исходя из реализации данных компетенций. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- определить особенности дискурсивной параметризации историко-биографического нарратива;
- проанализировать коммуникативную ситуацию, в рамках которой создавались анализируемые историко-биографические тексты в разделённой Германии;
- выделить доминирующие нарративные компетенции на основании параллельного анализа монографий западно- и восточногерманских историков;
- выявить в анализируемых текстах коммуникативные стратегии и тактики;
- разработать и обосновать аналитическую модель историко-биографического дискурса ГДР и ФРГ на основе систематизации выделенных дискурсных компетенций нарратива и средств их реализации.

Теоретическую и методологическую основу исследования формируют научные труды отечественных и зарубежных учёных в области:

- нарратологии: В. А. Андреева, М. М. Бахтин, Ж. Женетт, В. И. Тюпа, Ю. В. Шатин, В. Шмид, M. Fludernik, K. Hamburger, H. James, E. Lämmert, T. Köppe и T. Kindt, W. Schapp, F. K. Stanzel и др.;
- прагматики и риторики: А. А. Волков, А. В. Голоднов, Т. А. ван Дейк, В. И. Карасик, А. А. Колотов, К. Ф. Седов, И. В. Чернигова и др.;
- философии истории: М. Вебер, А. Данто, П. Рикёр, A. Demandt, A. Dorschel, N. Ferguson, A. Koschorke, M. Mandelbaum, K. Stierle и др.;
- стилистики и интерпретации текста: Е. А. Гончарова, М. Н. Кожина, Л. Б. Копчук, М. П. Котюрова, Ю. М. Лотман, Ц. Тодоров, И. П. Шишкина, H. L. Kretzenbacher, H. Weinrich и др.;

– биографики: И. Л. Беленький, А. Л. Валевский, Г. О. Винокур, Т. Н. Иванова и Г. П. Мягков, Д. С. Козлов, Л. Р. Репина, А. В. Терпугова, R. Breckner, C. Ni Dhuill, D. Riesenberger и др.;

– дискурс-анализа: В. А. Бурцев, Т. А. ван Дейк, М. Фуко, С. Н. Плотникова, В. Е. Чернявская, S. Chatman, M. Pecheux, J. Spitzmüller, I. H. Warnke и др.

В качестве **методов** исследования использовались общенаучный описательный метод (наблюдение, обобщение, интерпретация и классификация), методы сравнительного, контекстуального и дискурс-анализа текстов. Дискурс-анализ является ведущим методом исследования, поскольку при анализе историко-биографических текстов учитываются их институциональные рамки, социальная и интеллектуальная направленность, обусловленные как конкретной ситуацией общения, так и дискурсной формацией.

Материалом исследования служат тексты исторических биографий, написанные в ГДР и ФРГ в период с 1949 по 1990 г. и посвящённые одним и тем же эпохам и персоналиям («параллельные биографии»: термин Й. Г. Бринкса [Brinks 1992: 288–289]): королю Фридриху II (авторства И. Миттенцвай (ГДР) и К. О. фон Аретина (ФРГ)), Отто фон Бисмарку (авторства Э. Энгельберга (ГДР) и Л. Галля (ФРГ)), Мартину Лютеру (авторства Г. Брендлера (ГДР) и Ф.-В. Кантценбаха (ФРГ)) и императору Вильгельму I (авторства К. Х. Бёрнера (ГДР) и Ф. Герре (ФРГ)). Объём исследованного корпуса текстов составил свыше 3400 страниц.

Научная новизна исследования определяется постановкой и решением / разработкой проблемы: сравнением коммуникативных стратегий и дискурсных компетенций в трудах историков – представителей двух различных идеологий и, соответственно, различных дискурсных формаций. Впервые историко-биографические тексты, созданные в разделённой Германии, проанализированы как нарративные и в то же время как носители и трансляторы научного знания. Кроме того, в настоящем исследовании впервые создаётся и обосновывается модель анализа исторических биографий на основе систематизации выделенных

дискурсных компетенций нарратива и средств их реализации, позволяющая расширить базу научного осмысления научной коммуникации на материале немецкого языка.

Положения, выносимые на защиту:

(1) Специфика историко-биографического дискурса заключается в его синкретичности (конвергентности), проявляющейся во взаимодействии черт, присущих теоретическому, нарративному и риторическому дискурсам. Это даёт основание говорить о том, что историко-биографический дискурс является периферией теоретического дискурса.

(2) В историко-биографическом дискурсе действует ряд коммуникативных стратегий, а именно: стратегии информирования, объяснения, оценивания, самопрезентации и объективации, которые реализуют общую аргументативную стратегическую направленность историко-биографических текстов.

(3) Историческая биография, являясь прототипическим жанром исторического нарратива, соответствует ему по форме и содержанию, ставящему во главу угла взаимоотношение между личностью и ходом истории. Нарратив является основным инструментом аргументации в историко-биографическом тексте.

(4) Роль нарратива в развёртывании основных коммуникативных стратегий историко-биографического дискурса может быть описана с помощью триады нарративных компетенций: референтной, креативной и рецептивной. Референтная компетенция историко-биографического нарратива направлена на формирование содержания исторической биографии. Креативная компетенция направлена на аранжировку и ранжирование исторического событийного континуума. Рецептивная компетенция нацелена на учёт фактора адресата – формирование интерсубъективной повествовательной перспективы.

(5) Нарративные компетенции, обеспечивающие развёртывание коммуникативных стратегий в текстах историко-биографического дискурса, имеют разную значимость для каждой из стратегий, что позволяет говорить об одно- и двудоминантных коммуникативных стратегиях. Частные стратегии информирования и объяснения являются одnodоминантными: в них доминирует референтная компетенция. В частных стратегиях оценивания, самопрезентации и объективации доминируют две компетенции: в случае стратегии оценивания – референтная и креативная, в случае стратегий самопрезентации и объективации – креативная и рецептивная.

(6) В исторической перспективе нарративные компетенции по-разному проявляют себя в различных дискурсных формациях. Тем не менее историко-биографические тексты ГДР и ФРГ, соотносимые с разными общественно-политическими формациями, представляют собой единый дискурс, что объясняется конвергентным характером развития историко-биографического дискурса разделённой Германии (1949–1990 гг.). Различия между западно- и восточногерманским историко-биографическим нарративом прослеживаются только в наличии идеологических импликаций, объясняющихся спецификой соответствующей дискурсной формации, а также в особенностях развёртывания исследовательского «я» (креативной компетенции историографа).

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что полученные результаты вносят вклад в развитие общей теории текста и дискурса, нарратологии, теории научной коммуникации. Они позволяют уточнить сложившиеся представления об историческом повествовании в свете актуальных теорий дискурса, выявить особенности текстового построения историко-биографического нарратива, определить основные дискурсные компетенции участников речевого общения и способы их реализации в западно- и

восточногерманском историческом повествовании XX в. Разработанная модель анализа дискурса может найти применение в решении актуальных проблем теории коммуникации: адресации текста, описания способов речевого воздействия, типологии коммуникативных стратегий и тактик.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты применимы в дальнейшем изучении реализации нарративных компетенций на примере исторических дискурсов других государств и культур, а также исторических дискурсов одной культуры в диахронии. Практическое применение работа может найти также в рамках преподавания теоретических и практических дисциплин (общего языкознания, теории коммуникации, истории, стилистики и интерпретации текста, лингвокультурологии, лингвострановедения), а также спецкурсов по дискурс-анализу, нарратологии, риторике и лингвистической прагматике.

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования обсуждены и одобрены на заседании кафедры немецкой филологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена».

Основные положения диссертационного исследования представлялись в докладах на вузовских, межвузовских и международных конференциях и научных семинарах в Москве, Новосибирске, Челябинске, Липецке, Бонне, в 11 публикациях на русском, английском и немецком языках, 3 из которых опубликованы в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, входящих в перечень, утвержденный Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Материал диссертации использовался в рамках доцентской практики по интерпретации текста в РГПУ им. А. И. Герцена.

Объём и структура диссертации. Исследование изложено на 212 страницах печатного текста. Работа состоит из введения, четырёх глав, включающих десять параграфов, заключения, списка использованной литературы,

включающего 185 наименований (из них 98 – на иностранных языках) и списка текстовых источников.

Во *введении* обосновываются актуальность темы исследования, определяется степень её научной разработанности, цель и задачи, объект и предмет диссертационного исследования, его теоретическая и методологическая основы, сведения о языковом материале, обосновывается научная новизна и практическая значимость результатов работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся данные об апробации результатов исследования, сведения об объёме и структуре диссертации.

В *первой главе* «Проблема дискурсивной параметризации историко-биографического дискурса», состоящей из трёх параграфов, рассматриваются особенности исторического, биографического и теоретического дискурсов; выделяются основные принципы текстообразования в историко-биографическом субдискурсе, обосновывается его место в поле теоретического дискурса, а также анализируются особенности исторического познания в разделённой Германии.

Во *второй главе* «Неориторическая модель анализа историко-биографического дискурса», включающей два параграфа, рассматриваются основные понятия неориторики, даётся обзор основных коммуникативных стратегий в анализируемых текстах и обзор дискурсных формаций с позиции дискурсных компетенций.

Третья глава «Роль нарративных компетенций в развёртывании коммуникативных стратегий информирования и объяснения» включает два параграфа, каждый из которых состоит из двух и семи пунктов соответственно. В третьей главе устанавливаются доминирующие дискурсные компетенции и анализируются однодоминантные коммуникативные стратегии, развёртываемые при помощи этих компетенций.

Четвёртая глава «Роль нарративных компетенций в развёртывании коммуникативных стратегий оценивания, самопрезентации и объективации» включает три параграфа. Первый параграф состоит из четырёх пунктов, второй и

третий – из трёх. В четвертой главе также выделяются доминирующие дискурсные компетенции и анализируются двудоминантные коммуникативные стратегии, развёртываемые на их основе.

В *Заключении* подводятся общие итоги исследования коммуникативно-прагматической и лингвостилистической сторон дискурсной структуры западно- и восточногерманских историко-биографических текстов, намечаются перспективы исследования исторических биографий, созданных другими авторами и в другие эпохи, а также аналогичных немецкоязычных нарративных типов текста.

Глава 1. Проблема дискурсивной параметризации историко-биографического дискурса

1.1 Исторический дискурс в составе теоретического дискурса

В настоящее время к пониманию термина «дискурс» применимы три обобщённых подхода: когнитивистский, постструктуралистский и неориторический.

В рамках когнитивной лингвистики дискурс понимается как процесс объективации содержания сознания в языке [Никитин 2003: 5-6]. Когнитивный аспект дополняется прагматическим (коммуникативным): при порождении и развитии текста, помимо роли адресанта, всегда учитывается фактор адресата, его антиципируемое восприятие и реакция (ср. [Benveniste 1971: 22]). Прагматический подход к дискурсу позволяет трактовать его как речевое действие, коммуникативное событие [Ван Дейк 2000, 68: 121].

В основе постструктуралистского понимания дискурса, пришедшего на смену когнитивистскому, лежат идеи М. Фуко, трактовавшего дискурс как изменчивую, зависящую от конкретной исторической эпохи формацию, представляющую собой множество рассеянных высказываний. В них заключается способ видения и представления мира [Фуко 1996: 39]. Такое понимание дискурса получило распространение в общественных науках. На идеи М. Фуко опирается современная немецкая исследовательница политического нарратива А. Кнаут. Для неё дискурс, являющийся порядком власти и знания (ср. [Foucault 1966]), носителем аргументации и толкования, неотрывно связан с нарративом. Нарратив, в свою очередь, включает в себя накопленный поколениями опыт, символику и некие выдуманные компоненты (*Fiktion*). Дискурсы и нарративы «цементируются» благодаря институтам (рамкам коммуникации, в которых устанавливаются некие правила и порядки) [Кнаут 2014: 99].

Третий подход, неориторический, также связан с понятием формации, но этот термин приобретает в нём новое значение, о чём пойдёт речь далее.

Неориторика вслед за классической риторикой учитывает в текстах как лингвистические, так и экстралингвистические параметры. Учение о неориторике восходит к идеям Х. Перельмана [Perelman, Olbrechts-Tyteca 1971] и М. М. Бахтина [1963]. Неориторика не столько прескриптивная, сколько дескриптивная наука: она изучает природу человеческого общения и лежит в основе дискурсного анализа текстов [Тюпа 2007, электронный ресурс]. Классические риторические правила инвенции, диспозиции, элокуции, меморио и акцио в неориторике дополняются и уточняются тремя дискурсными компетенциями – референтной, креативной и рецептивной [Тюпа 2007, электронный ресурс].

Неориторика имеет прагматическую направленность и междисциплинарный характер: она изучает коммуникативное поведение участников речевого общения и стремится к решению проблем общения как такового [Тюпа 2007, электронный ресурс]. В неориторике формальным языковым средствам уделяется внимание постольку, поскольку они придают важность тем или иным содержательным моментам, позволяют по-разному расставить акценты на одних и тех же аспектах содержания [Perelman, Olbrechts-Tyteca 1971: 142-143]. Этот момент приобретает особую значимость при анализе нарратива, в частности, исторического, в котором события и факты подвергаются аранжировке и ранжированию в зависимости от значимости и оценки, которую даёт им историограф. Если говорить об историко-биографическом субдискурсе исторического дискурса, неориторический подход представляется особенно ценным при анализе «параллельных биографий» (нем. *Parallelbiographien* [Brinks 1992: 288-289]), в которых повествуется об одних и тех же исторических личностях и событиях, но с разных точек зрения. В рамках неориторики каждый текст можно считать полидискурсивным, поскольку он несёт несколько коммуникативно-прагматических (риторических) стратегий и модальностей [Андреева 2006: 40-41].

Историческое знание имеет научный характер: историческая наука относится к прототипическим гуманитарным, наряду с лингвистикой и

литературоведением [Weinrich 1995-2: 166]. Однако исследователями отмечается, что историческое знание имеет нарративную природу и обладает особым статусом, на который обратили внимание герменевты (история понимается ими как «идиографическая» наука, к которой применимы отдельные для каждого случая объяснения, а не общие законы, как в науках «номотетических») [Windelband 1984, электронный ресурс].

Рассматривая сложную структуру данного дискурса, А. П. Миньяр-Белоручева подразделяет его на первичный и вторичный дискурсы, относя к первичному все первоисточники (исторические документы), а ко вторичному – тексты, направленные на анализ и интерпретацию первоисточников [Миньяр-Белоручева 2015: 11]. В свою очередь, в рамках вторичного исторического дискурса выделяются научно-исторический и научно-художественно-исторический [Миньяр-Белоручева 2015: 12]. С этой позиции историографические (в том числе, историко-биографические) труды относятся к вторичному, научно-историческому дискурсу.

Поскольку исторические тексты отражают получение и фиксацию знаний об истории [Stierle 1979: 99], это характеризует их как тексты, принадлежащие научному дискурсу. Научный дискурс характеризуется особым строем, отражающим порядок получения новых знаний [Голоднов 2011: 86]. Научный дискурс является одним из статусных (институциональных) в ментально-речевой деятельности человека. Это означает, что субъектом научного дискурса является не отдельная языковая личность, а представитель социального института (в данном случае – учёный) [Карасик 2008, электронный ресурс].

В. И. Тюпа предлагает при анализе научной коммуникации использовать термин «теоретический дискурс» или «ментатив». Такое рассмотрение научной коммуникации связано с её трактовкой не как поиска знаний о мире, а как стремления к пониманию сущности «явлений и деятельностей» [Тюпа 2006: 41] (ср. [Андреева, Копчук 2020: 11-12]). Значимость понимания сущности эпохи для истории как науки подчёркивал немецкий философ истории И. Г. Дройзен [2004,

143, 232, 236]. Он трактует понимание и более узко – как значимость инстанции реципиента для анализа источников: по его мнению, объективен источник или нет, зависит от «момент[а] воспринимающего и того, что он должен воспринять» [Дройзен 2004: 121]. Поэтому вслед за В. И. Тюпой мы также будем использовать термин «теоретический дискурс» как синоним «научного дискурса», но делающий акцент на понимании и интерпретации исторических фактов и источников и на роли реципиента в исторической коммуникации.

В. Е. Чернявская [2007: 38-39], опираясь на русско-, англо- и немецкоязычный материал, выделяет следующие классы текстов (по М. П. Котюровой [2010: 79], подстили) научной речи:

- академические (научно-теоретические), реализующие исследовательскую цель и вербализующие новое знание;
- научно-информационные (дающие краткую информацию о текстах первого класса: например, реферат или резюме);
- научно-критические;
- научно-популярные;
- научно-учебные.

У [Czicza, Hennig 2011: 43] классификация также носит прагматический характер, и отправной точкой является классификация научного знания. В зависимости от сферы употребления и от участников коммуникации выделяются теоретические и экспериментальные науки и научные тексты, передача знаний внутри высшего учебного заведения и вне учебного заведения. С этой точки зрения, в ядре теоретического дискурса находятся субдискурсы, направленные на производство научного знания.

Однако успешная научная коммуникация невозможна без использования стратегии аргументирования: в научных текстах явления действительности не только описываются, но и объясняются [Морозов 2007, электронный ресурс; Савчук 2016: 33]. Реализуя стремление научной коммуникации к точности

[Czicza, Hennig 2011: 50], аргументирование является основной характеристикой научного дискурса [Голоднов 2011: 95, 97].

При этом объяснение в историческом дискурсе как в повествовательном осуществляется посредством нарратива. Именно нарратив в историческом дискурсе выступает как инструмент для аргументации и создания или иллюстрации теории, и в этом заключается отличие исторического дискурса от других субдискурсов ментатива.

Проблема исторического нарратива — в том числе проблема терминологического характера. В современной философии науки понятие «исторический нарратив» трактуется в различных смыслах: «от типа описательно-повествовательного исторического произведения или отдельного ... способа объяснения в гуманитарных науках ... до ментальной структуры, способа осознания и упорядочения окружающего мира в целом» [Мишалова 2012: 160].

В первом смысле «нарратив» понимает, в частности, немецкий историк и философ истории Г.-У. Велер. Он рассматривает «нарративную историю» как одну из тенденций, лишь создававшую «иллюзию движения» (без попытки научных объяснений), и противопоставляет её более современной историографии, в которой применяются научные теории [Wehler 1979-1: 32–33].

В ином смысле нарративность трактуется у Голо Манна: для него любое историческое произведение является нарративом, невзирая на форму и использование теорий. Всякий труд историка, по Манну, можно свести к стандартной повествовательной формуле „*Es war einmal*“ [Mann 1979: 40]. При этом Г. Манн, в отличие от Х. Уайта, утверждавшего, что в основе любого исторического произведения лежит не научное, а поэтическое «структурное содержание» (*structural content*) [White 1975: ix], признаёт, что история является наукой [Mann 1979: 47], но наукой «уникальной», т. е. идиографической (в неокантианских терминах), в которой законам места нет [Mann 1979: 56] (ср. тж. [Baumgartner 1979: 288]). К. Штирле использует понятие нарративности в двух смыслах: как одно из направлений в историографии [Stierle 1979: 88] и как основу

построения любого исторического повествования [Stierle 1979: 100]. Для Штирле «литературность» (*Literarität*) в историографии не является недостатком: она позволяет охватить прошлое с разных сторон и приумножить извлечённый из него опыт [Stierle 1979: 107].

Г. М. Баумгартнер [Baumgartner 1977: 428-429] выделяет типичные для исторического дискурса виды высказываний:

1) утверждения о существовании чего-либо (*Existenzbehauptungen*), опирающиеся на описания;

2) утверждения о каузальных или телеологических связях между событиями и действиями (ср. также [Rüsen 1979: 311]), опирающиеся на утверждения первого типа (*Behauptungen über kausale oder teleologische Verknüpfungen von Tatsachen und Handlungen, die sich auf Existenzbehauptungen stützen*);

3) утверждения о «направлении», в которое «ведёт» та или иная цепочка событий (*Richtungssinn*);

4) высказывания, в которых смысловая связь сочетается с ценностной ориентацией, заложенной в самом объекте (*Aussagen über Sinnszusammenhänge von Ereignissen, deren Sinnhorizont aus einer im Objekt vorfindlichen Wertbeziehung stammt*);

5) утверждения о значимых событиях истории (*Behauptungen über wesentliche Ereignisse einer Geschichte*);

6) оценка событий и цепочек событий по какой-либо шкале (например, добро / зло, прогресс / регресс, «должно» / «не должно») (*im Sinne ... des Guten oder Schlechten, des Fortschrittsfördernden oder des Verhängnissvollen... oder... was der Mensch sein soll, was er nicht soll...*);

7) высказывания, в которых выражается позиция историка в целом (*Stellungnahmen, die die erzählte Geschichte im ganzen... bewerten*): почему он отстаивает конкретную точку зрения, почему та или иная связь событий представляется ему верной, что он считает своей задачей. Данный тип высказываний, согласно Г. М. Баумгартнеру, является факультативным и

характерен для вступлений и заключений (т. е. метакоммуникации) [Baumgartner 1977: 429].

Первые три типа высказываний присущи научному дискурсу в целом, указывая на такие его стилевые черты, как логичность и доказательность, точность и ясность [Кожина 1977: 160; Weinrich 1995–2: 164; Кожина 1999: 26; Чернявская 2007: 22; Котюрова 2010: 43; Андреева, Копчук 2020: 12]. Последние же типы высказываний, выделяемые Г. М. Баумгартнером, позволяют говорить о том, что исторический дискурс не входит в ядро научного дискурса. Наличие ценностной ориентации и оценки, ранжирование событий по значимости и субъективная позиция историографа не вполне соответствуют таким стилевым чертам научного дискурса, как объективность и анонимность (интерсубъективность), некатегоричность (взвешенность оценок) [Кожина 1977: 160; Weinrich 1995–2: 164; Кожина 1999: 26; Чернявская 2007: 22; Steinhoff 2009: 100; Котюрова 2010: 43; Czicza, Hennig 2011: 40; Андреева, Копчук 2020: 12].

Седьмой тип высказываний в историческом тексте, выделенный Г. М. Баумгартнером, наиболее субъективный, примечателен тем, что позволяет нарушить «заповеди и запреты» научной речи, выделяемые немецкоязычными исследователями языка науки.

Немецкоязычные исследователи прослеживают в научном дискурсе стилевые нормы, характеризующиеся так называемыми «заповедями» (*Gebote*) и «запретами» (*Verbote*, *Tabus*). Среди заповедей выделяются экономность, точность изложения, дискуссионность и «исключение инстанции Я» (*Ich-Origo-Exklusivität*) [Kretzenbacher 1991: 118-137; Czicza, Hennig 2011: 50, 53]. Запреты, выводящиеся из заповедей, включают запрет на использование местоимения «я» (*das Ich-Tabu*), на повествование (*das Erzähltabu*) и на метафоры (*das Metapherntabu*). Использование заповедей и запретов объясняется стремлением к устранению опосредованности в научном дискурсе. Инстанция «Я», метафоры и повествовательность характеризуют текст как субъективный. Однако заповеди и запреты не являются абсолютными, поскольку их нарушение, напротив, может

привести к успешности коммуникации [Kretzenbacher 1995: 15-40] (ср. [Нефёдов 2013: 52]).

В частности, запрет на местоимение «я» подразумевает устранение роли адресанта и вслед за ней роли адресата (*Ich-Tabu und Du-Tabu*). Вместо этих ролей появляется роль референта, обозначаемая местоимениями третьего лица. Первое лицо в научном дискурсе, по наблюдениям отечественных исследователей, наблюдается во множественном числе, в виде такого грамматического тропа, как авторское (и читательское) «мы» [Кожина 1977: 171]; в немецкоязычном научном дискурсе также используется местоимение *wir*, а помимо него – неопределённо-личное местоимение *man* и пассивный залог. Подобная обезличенность как адресанта, так и реципиента [Голоднов 2011: 188] (ср. [Czicza, Hennig 2011: 40, 46, 47]) имеет своей целью как избежание субъективности, так и соблюдение этикета.

Однако в настоящее время, как отмечают исследователи современного немецкоязычного теоретического дискурса, данный запрет нарушается при представлении выводов и в метакоммуникации [Чернявская 2007: 101-102] (при отражении процесса текстотворчества, необходимом в научной речи [Steinhoff 2009: 104]). Так, анализируя немецкоязычные научные тексты на предмет использования местоимения *ich*, Т. Штайнхофф отмечает не только относительный характер выделенного Х. Л. Кретценбахером запрета (наиболее характерным местоимением *ich*, по Штайнхоффу, оказывается для лингвистических научных текстов), но и три разновидности употребления данного местоимения: так называемые *Verfasser-Ich*, *Forscher-Ich* и *Erzähler-Ich* [Steinhoff 2007: 2, 7, 9]. Первая разновидность, «“я” сочинителя», используется в метакоммуникативной функции, обязательно присущей научной речи [Steinhoff 2009: 104; Czicza, Hennig 2011: 40], и позволяет учёному представить план работы, описать, как и в каком порядке он намерен изложить процесс и результаты исследования. Вторая разновидность, «“я” исследователя», имеет дело с самим предметом исследования: используя эту форму, учёный выдвигает свою гипотезу [Steinhoff 2007: 12]. Наконец, «“я” повествователя» наиболее субъективно: его учёный

применяет, характеризуя своё личное отношение к теме, возможные трудности, с которыми он столкнулся при проведении исследования [Steinhoff 2007: 12-13].

Что касается запрета метафор, он также не является абсолютным в научной коммуникации. Он относится в первую очередь к метафорам риторическим, имеющим образный характер. Для научного же дискурса характерно использование «стёртых» метафор, например, номинально-вербальных коллокаций типа *einer Frage nachgehen*, *ein Beispiel anführen*, *einen Begriff prägen* и др. [Steinhoff 2009: 102]. Кроме того, многие специально-научные термины имеют метафорическое происхождение. В качестве примера Х. Л. Кретценбахер рассматривает метафору А. Кекуле о бензольном кольце, подобном змее, кусающей собственный хвост; приводя этот пример, Кретценбахер и сам нарушает табу, поскольку применяет к идее Кекуле метафору «повивальная бабка» (*Geburtshelferin*) [Kretzenbacher 1995: 29]. И указанные коллокации, и термины являются не риторическими, а когнитивными и отражают познавательные процессы (ср. [Никитин 2003: 16, 21, 25, 59]).

Однако и запрет на риторические метафоры может нарушаться в научных (и, в частности, в исторических) текстах в соответствии с риторическим принципом выдвижения: благодаря образным и эмоционально-оценочным средствам внимание реципиента привлекается к важной информации.

Среди научных текстов наиболее выраженный риторический характер имеют тексты научно-популярного подстиля.

Позиция научно-популярных текстов в научном дискурсе является дискуссионной [Воронова 2016: 7]. Так, если В. Е. Чернявская, а также М. Н. Кожина [1977: 51, 54] относят его к научному функциональному стилю, то Н. Н. Маевский предлагает выделять самостоятельный научно-популярный стиль на том основании, что он «в противоположность научному стилю реализует не одну языковую функцию сообщения (коммуникативно-информативную), а две...: функцию сообщения и функцию воздействия, что определяется особой сферой общения, деятельности, в которой этот стиль используется, — сферой научной

популяризации» [Маевский 1979: 11]. Э. А. Лазаревич разграничивает научный и научно-популярный стили с точки зрения не только целевой установки, но и аудитории (специалисты – неспециалисты) [Лазаревич 1984: 297].

Однако именно по этой причине научно-популярный дискурс считается подтипом теоретического дискурса, хотя и находящимся на его периферии [Андреева, Копчук 2020: 10]. А. В. Голоднов отмечает, что научный дискурс, стремясь к социальной открытости, охватывает различные аудитории [Голоднов 2011: 91], в связи с чем и возникает надобность в научно-популярном подтипе, рассчитанном на реципиентов-неспециалистов.

Кроме того, немецкий исследователь языка науки Х. Вайнрих выдвигает для современных учёных следующую максиму: при написании работы представить себе, будто в читательской аудитории есть хотя бы один адресат, не являющийся специалистом в данной области. Из этой максимы выводится другая: в любую научную работу следует включать хотя бы одну отсылку к какой-либо иной предметной области. Эти максимы («неизвестного адресата» и «неизвестного адресанта») отражают междисциплинарный подход в науке [Weinrich 1995–1: 4] (ср. [Perelman, Olbrecht-Tyteca 1971: 34]) и сближают научные тексты с научно-популярными [Weinrich 1995–1: 5].

Научно-популярные тексты, как уже было упомянуто, имеют выраженный риторический характер и могут быть отнесены к дальней околядерной зоне риторического метадискурса, т. е. занимать не центральную позицию, но и не периферийную [Голоднов 2011: 151]. Для текстов, задача которых – образование, характерно не побуждение к действию, а только принятие той или иной точки зрения, расположение к ней [Perelman, Olbrechts-Tyteca 1971: 53, 54].

Риторический характер научно-популярных текстов проявляется в модификации таких стилевых черт научного текста, как отвлечённость, обобщённость, объективность и безличность изложения. Кроме того, научно-популярный текст может быть более эмоциональным и образным, чем научный [Воронова 2016, 9].

В. Е. Чернявская [2007: 43-45] выделяет следующие признаки научно-популярного текста, имеющие значение и при дальнейшем анализе историко-биографических текстов:

- введение новой информации в текст без указания на когнитивные фазы её получения «проблема – гипотеза – доказательство – вывод», без интертекстуальных связей (вследствие этого – отсутствие сносок, ссылок и библиографии, приблизительные указания на источники);
- информационная избыточность за счёт дополнительных деталей и пояснений для неспециалиста;
- минимальное использование специальных терминов, пояснения к ним;
- использование иллюстраций, примеров из повседневной жизни, акцент на практическом значении сообщаемых фактов;
- использование стилистических приёмов апелляции к среднестатистическому читателю: риторические вопросы, императивы-обращения (содержащие, например, советы и рекомендации), а также использование наглядных графических средств (выделение цветом, рисунки, схемы и т. д.); риторические опровержения;
- экспрессивные стилистические средства: вопросно-ответные комплексы, парцелляция, эллипсис, эмоционально-оценочная лексика, средства образности.

Третий запрет (на нарратив в науке), по Х. Л. Кретценбахеру, отчасти теряет силу в последние десятилетия в отдельных гуманитарных и социальных науках [Kretzenbacher 1995: 30]. Запрет выражается в редком использовании «повествовательных» времён (претерита и плюсквамперфекта) в научных текстах [Czicza, Hennig 2011: 40, 50]. Кроме того, в научном дискурсе обычно не соблюдается хронология в том смысле, в котором она присутствует в нарративе. Если и можно говорить о каких-либо «событиях» (например, о ходе эксперимента), то они располагаются в порядке, заданном композицией научной речи [Kretzenbacher 1995: 31] (ср. [Weinrich 1995–2: 160-162]). Согласно исследованию [Czicza, Hennig 2011: 40, 50], предпочтение настоящего времени

(детемпорализация, нем. *Detemporalisierung*) в научных текстах напрямую связано с запретом «я» и обезличенностью (деагентивацией, нем. *Deagentivierung*).

Для настоящего исследования наиболее важно, что запрет на наррацию теряет смысл в фактуальных текстах, поскольку при повествовании невозможно обойтись без инстанции нарратора [Lubbock 1921: 186; Petsch 1942: 11, 111; Lämmert 1955: 4–5; Stanzel 1989: 15; Scholes et al., 2006: 4; Köppe, Kindt 2014: 41–42], хотя в фактуальном нарративе, представленном в исторических трудах, больше внимания уделяется самому тексту, чем нарратору и его самопрезентации [Viehöver 2014: 83].

Следует особо отметить такую стилевую черту теоретического дискурса в целом и исторического в частности, как диалогичность. Эта черта определяется адресованностью научного текста [Кожина 1977: 160; Weinrich 1995–2: 164; Кожина 1999: 26; Чернявская 2007: 22; Котюрова 2010: 43; Андреева, Копчук 2020: 12] и его дискуссионностью, изложением в нём различных точек зрения [Кожина 1999: 26; Czicza, Hennig 2011: 48, 53]. Благодаря дискуссионности в научных текстах открываются возможности для конструктивного диалога, дополнений и опровержений [Чернявская 2007: 89]. В этом заключается текстотипологическая интертекстуальность научных текстов. Т. Штайнхофф также отмечает интертекстуальность научных текстов, выражающуюся в ссылках и цитировании источников, как одну из важнейших «научных процедур» (нем. *wissenschaftliche Prozeduren*) [Steinhoff 2009: 104]. Интертекстуальность также является проявлением диалогичности теоретического дискурса.

Диалогичность исторического дискурса определяется в первую очередь опорой на материал: источники и памятники. В качестве источников выступают дневники, письма, воспоминания, интервью и иные подобные тексты [Дройзен 2004: 130–141; Биографический метод, электронный ресурс]. Памятниками (в отличие от источников) являются оставленные историческими личностями официальные документы типа указов, законов и т. д., а также литературные и научные труды исторических личностей [Дройзен 2004: 102–106]. В качестве

исторического материала выступает также народное творчество; его И. Г. Дройзен относит не к памятникам, а к так называемым «остаткам», наряду с различными артефактами [Дройзен 2004: 97].

Остатки и памятники полимедиальны: к ним относятся картины, написанные современниками, карты и иные графические изображения. Полимедиальность и полидискурсивность придаёт историческому дискурсу синкретический характер; А. П. Миньяр-Белоручева [2015: 12] характеризует исторический дискурс термином «полифоничность», восходящим к М. М. Бахтину. При этом под «полифоничностью» понимается не только разнообразие исторических источников и памятников, но и специфика «восприятия содержащейся в них информации, которая интерпретируется в зависимости от мировоззрения историков» [Миньяр-Белоручева 2015: 12].

Диалогичность в историческом дискурсе также подразумевает дискуссионность: историографы полемизируют с представителями иных точек зрения (например, историки-марксисты с «буржуазными» (ср. [Börner 1984: 278; Mittenzwei 1987: 42])). Кроме того, исторический дискурс приобретает диалогический характер благодаря текстотипологической интертекстуальности. По К. Штирле, между историческим фактом и его фиксацией в произведении перед историком всегда стоят предшествующие истории, в которых речь также шла об этом факте. Поэтому задача историка – конфигурировать факты каждый раз по-новому и превращать Историю в одну из историй („*die Geschichte zu einer Geschichte*“) [Stierle 1979: 100]. Следовательно, каждый исторический труд становится членом континуума историографии в целом, являясь при этом как целостной нарративной единицей, так и совокупностью нарративных элементов, всякий раз организуемых заново. При этом для каждой новой истории в историографическом дискурсе образуется лакуна, которую новая организация событий не может не заполнить [Stierle 1979: 100].

В. И. Моммзен приводит два этапа создания исторического произведения: работу с фактами и отбор наиболее релевантных (кроме того, вычленение

каузальных и телеологических структур, в которые интегрируются эти факты, согласно избранной историком модели) [Mommsen 1977: 455-458]. Схожие этапы выделяются и в научном дискурсе в целом (ориентировка, планирование (выделение тем) и реализация стратегий в соответствии с выбранной концепцией [Никульшина 2008: 247-248]).

Примечательно, что упомянутые каузальные и телеологические структуры представляются «данными свыше», то есть объективно [Mommsen 1977: 456] (ср. также: [Mann 1979: 48]). Объективный характер носит и привязка историка к эпохе: со временем становятся известными всё новые и новые источники [Mommsen 1977: 458-459]. Следовательно, такая черта научного дискурса, как объективность, наличествует в историческом дискурсе.

Соединяя «атомарные» события смысловой линией, историографы обязательно фиксируют между ними связь, в первую очередь темпоральную [Körpe, Kindt 2014: 43, 53]. Однако повествование, где события связаны лишь темпорально, является не «историей», а «хроникой» [Körpe, Kindt 2014: 43, 53] (ср. [Benjamin 1991: 451-452; Chatman 1989: 30; Forster 2000: 87; Lämmert 1955: 25; Тодоров 1975: 79]). Чтобы наррация стала научной «историей», необходимы ещё какие-либо связи, помимо темпоральных; связи, *объясняющие* события [Данто 2002: 228, 237]. Среди таких связей выделяют каузальную и телеологическую [Lämmert 1955: 152; Körpe, Kindt 2014: 58], тематическую [Körpe, Kindt 2014: 61], противопоставительную [Lämmert 1955: 25, 243] и пространственную, из которой, в сочетании с временной, по мнению А. Кошорке, формируется каузальность [Koschorke 2012: 75], а также эмоциональную [Velleman 2003]. Этот тип связи подразумевает не только чувства и мысли исторической личности по поводу события, но и его мотивы, намерения, планы и желания. Следовательно, эмоциональный тип связи является субъективным и позволяет реализовать риторический принцип выдвижения.

Помимо прототипических черт, в историческом дискурсе важно учитывать и проявления индивидуального стиля учёного. Он формируется в силу трёх

комплексов причин, также соответствующих уровням дискурса: экстралингвистических (культурно-исторических, включающих общекультурный, общенаучный и предметно-научный контекст), лингвистических (готовностью языка на данном этапе к презентации знания) и категориально-стилистических (формированием стилевых черт / текстовых категорий) [Котюрова 2010: 176-177]. Кроме того, всякий учёный (и, в частности, всякий историк) обладает персональным познавательным стилем, складывающимся из различных стилей переработки информации; различны и познавательные стили адресатов [Котюрова 2010: 52-54; Миньяр-Белоручева 2015: 12].

Итак, исторический дискурс носит синкретический (конвергентный) характер, являясь дискурсом научным и в то же время нарративным. На конвергентный характер исторического дискурса указывает его диалогичность и наличие элементов связанных дискурсов в его составе.

1.2 Главные принципы текстообразования в историко-биографическом дискурсе

Особое место среди текстов исторического дискурса представляют тексты биографические. Внимание к биографии в общественных науках XX века характеризуется как «биографический поворот» [Eßbach 2001; Попова 2012: 266; Иванова, Мягков 2013, электронный ресурс], который можно рассматривать в рамках «нарративного поворота» [Брокмейер, Харре 2000, электронный ресурс]. В социологии, психологии и иных гуманитарных науках это выражается в распространении биографического метода (или подхода [Попова 2012: 282-283]), т. е. метода, «в котором источниками эмпирических данных служат личные документы (дневники, письма, автобиографии, мемуары), а также ... нарративные интервью» [Биографический метод 2019, электронный ресурс] (ср. [Беленький 2010: 47]).

Немецкие нарратологи признают биографии чрезвычайно удобным для исследования жанром исторического нарратива, поскольку жизнь исторической

личности и историографу, и адресату легко представить в виде сюжета с началом и концом, с «предысторией» и «послеисторией» (*Vorgeschichte und Nachgeschichte*) [Lämmert 1955: 30]. Композиция биографического повествования формируется не только благодаря связанным между собой сюжетам и мотивам; «линия жизни» героя биографии, позволяющая проследить вехи его развития, становится прочным костяком биографического повествования [Petsch 1942: 129-130, 141]. Неслучайно В. Шапп приравнивал нарратив к личности [Schapp 1953: 1-8, 103].

По словам Д. Лукача, нарративное произведение тяготеет к биографии не только по форме, но и по содержанию: личность героя, раскрываемая в биографии, противопоставляется и противостоит обществу, тому миру, в котором он живёт [Lukács 1965: 75-76]. Ц. Тодоров утверждает, что «жизнь – это биография, мир – это социо-графия» [Тодоров 1975: 98]: поскольку историография антропоцентрична, любая история неизбежно связывается с историей личности (ср. [Сморгунова 2012: 43]). Р. Печ отмечает, что эпическое повествование в основе своей призвано показывать становление персонажа или группы персонажей [Petsch 1942: 67], и с этой точки зрения биографический нарратив представляется наиболее типичным повествовательным жанром.

Нарративный характер биографии прослеживается и под другим углом: с позиции культур и дискурсных формаций. Биография, как и любая история, создаётся согласно принятым в обществе нарративным канонам и при этом без отрыва от индивидуального видения и опыта [Franceschini 2001: 9].

Рассмотрение биографических текстов как нарративных представляется особенно актуальным, поскольку историческое знание, как отмечалось выше, характеризуется нарративной природой. События прошлого соединяются в целостное повествование при помощи смысловой («идеальной») линии [Зиммель 1996: 526]. Каждое историческое событие строго зафиксировано во времени [Зиммель 1996: 521], но ни одно историческое повествование не может включить в себя все события. В самом ходе истории, т. е. в референциальной основе

исторического труда, нет ни одной «пустоты», каждый момент каждого события имеет своё место во времени и пространстве. Но историограф не может воспроизвести абсолютно всё, что происходило в том или ином временном отрезке референциальной основы. Во-первых, потому, что знания историка об изучаемой эпохе ограничены, как ограничена и фантазия, позволяющая додумать картину на основе имеющихся событий; таким образом, получается, что «историческая картина... состоит из прерывных отдельных картин» [Зиммель 1996: 525]. Во-вторых, потому, что для своего повествования историограф отбирает только те события, которые считает важными. Историческое повествование производит при этом впечатление непрерывного, поскольку выделенные историографом «атомарные» события соединены «идеальной линией» [Зиммель 1996: 526].

Вопрос о принадлежности биографий к научному дискурсу долгое время являлся спорным. Исследователи биографий отмечают, что в античности, во времена Плутарха, жанр биографии процветал; в Средние века ограничился житиями святых, в эпоху Ренессанса «возродился», а в Новое время пережил расцвет и стал самым популярным историческим жанром. В XIX – первой половине XX века биография была популярным жанром политической истории, делающим акцент на жизни государственных деятелей; во второй же половине XX века появилась тенденция к более подробному рассмотрению личной жизни исторических персонажей наравне с их карьерой [Репина 2010: 5-6].

О спорном характере биографического жанра говорилось ещё со времён античности: биографику издавна предлагали отделять от историографического дискурса [Plutarch 1994: 9]. Примечательно, что эта идея не утрачивает актуальности и в наше время [Zimmermann 2009: 71-73; Беленький 2010: 48-49].

Противниками включения биографии в историю были гегельянцы XVIII–XIX вв. И. Э. Эрдманн и Э. Ганс. Первый считал прерогативой биографии размышления о психологии, в историческом повествовании неприемлемые [Erdmann 1834: 43]. Второй считал только историю, а не биографию, связанной с

движением Мирового духа; ограничившись жизнеописанием отдельных людей, история, по его словам, теряет свою сущность. Также Э. Ганс утверждает, что историк может лишь сообщать о том, что произошло, и не имеет права критиковать «действующие лица» [Gans 1843: 224-236]. Биография же ставит во главу угла не «движение истории», а отдельную личность, рассматривая ее не исторически, а с точки зрения ее достижений [Gans 1843: 227-228].

В этом плане важно рассмотреть труды Л. Ранке, которые он сам позиционирует как «исторические», а не биографические. К. фон Циммерман называет Л. Ранке одной из важнейших фигур на пути «онаучивания» историографии в целом [Zimmermann 2009: 83]. По мнению Л. Ранке, биографический дискурс отличается от исторического установками на мораль и дидактику, в то время как историк должен, отвлекаясь от ценностей, показывать события конкретной эпохи и их взаимосвязи [Ranke 1885: 7].

Особое мнение по данному вопросу высказывает И. Г. Гердер [Herder 1993: 565-608]. Это мнение связано с тем, что от Реформации до начала XVIII в. биография не отделялась от жанра эпитафии и риторические приемы играли в ней немаловажную роль [Heinrich 2009: 15]. Основной функцией такой биографии являлось прославление. В понимании Гердера, в биографии должны присутствовать эмоциональные элементы, призванные воссоединить читателя и того, чья жизнь описана в труде. Воссоединение также несет дидактическую функцию: жизнь и творчество «героя» биографии становятся примером для подражания и «продолжения» [Herder 1993: 565-608]. Биограф в концепции Гердера выступает в роли посредника между «героем» и реципиентом [Herder 1993: 569]; авторское и читательское «я» при этом сливаются [Heinrich 2009: 24]; биограф сам является читателем, а все читатели – потенциальными авторами. По Т. Хайнриху, такая тесная связь между текстопроизводством и -восприятием, выделенная Гердером, принадлежит к основным свойствам биографии [Herder 1993: 59; Heinrich 2009: 29].

Позже, в эпоху Просвещения, биографии приобретают дидактическую функцию [Heinrich 2009: 19]. Эта функция и ныне признаётся противниками отнесения биографии к историческому дискурсу как очень важная, отличающая биографию от иных исторических текстов [Zimmermann 2009: 83]. Наличие этической и дидактической функций у биографий (подачу положительного или отрицательного примера) отмечает исследователь XX века Г. Шейер, указывая на активную позицию реципиента. Читатель биографии может отождествлять себя с её «героем», восхищаться им и подражать ему либо учиться на его ошибках [Scheuer 2001: 302-303] (ср. тж. [Репина 2010: 5-6]). Следовательно, можно говорить о наличии в биографическом дискурсе элементов не только риторического дискурса, но и педагогического.

Вопрос о принадлежности биографии к историческому дискурсу поднимается и в современных монографиях [Zimmermann 2009: 71-73]. Так, К. Майер считает биографии не научной, а исключительно научно-популярной литературой, и их цель – не «служить» историей непосредственно, а облегчать доступ к истории [Meier 1979: 100-111].

Тот же автор в более ранней статье отмечает важность нарративной дистанции между позицией историографа и описываемыми им событиями [Meier 1979: 230]. По К. Майеру, современный читатель сталкивается с трудностями при восприятии жизнеописания личности из другой эпохи; чем больше временная удалённость этой эпохи, тем сложнее восприятие и понимание [Meier 1979: 230].

Однако известны и стремления отнести биографическое повествование к историческому. Прежде всего следует упомянуть И. Г. Дройзена, выделявшего биографию как один из видов исторического нарратива (наряду с монографическим, прагматическим и «катастрофическим») [Дройзен 2004: 413-425]. Историческим жанром биографию считали также историк литературы И. Эшенбург и его последователь М. Пиндер [Eschenburg, Pinder 1836: 353], а в XX–XXI вв. – Г. Барудио [Barudio 1985] и Д. Ризенбергер [Riesenberger 1977: 25].

Так, И. И. Эшенбург разделяет «поэтику» (к которой относит эпос и драму) и «риторику» (подразделяющуюся, в свою очередь на дидактические, исторические произведения (в том числе биографии) и речи) [Eschenburg 1783]. При этом, однако, биография оказывается близка роману, поскольку оба жанра имеют антропологическую основу [Eschenburg, Pinder 1836: 353].

Современный историк и автор биографий Г. Барудио [Barudio 1985: 9] также является сторонником причисления биографии к историческому дискурсу, не отрицая при этом упомянутой выше этической и дидактической направленности, о которой говорили его противники, в частности, И. Г. Гердер [Herder 1993: 565–608]. В русской традиции выполнение биографиями этической и дидактической функций отмечено М. М. Бахтиным [1975: 287].

Принадлежность биографии к историческому дискурсу признаёт и Голо Манн, превознося роль любой, даже не самой значительной, исторической личности в отражении эпохи. Биография, по Манну, обладает большим нарративным потенциалом, поскольку на примере жизнеописания удобно проследивать каузальные связи, столь важные для исторического повествования [Mann 1979: 52-53]. Отечественные исследователи Ж. В. Пузанова и И. В. Троцук также указывают на родство нарративного анализа и биографического метода: обе методологии «используют субъективные биографические повествования в конструировании ... описаний и интерпретаций» [Пузанова, Троцук 2003: 64] (ср. тж. [Müller 1968: 561; Stierle 1979: 103-104]). Следовательно, с этой точки зрения биография не просто является жанром историографии, но и лежит в основе любого другого исторического нарратива.

В российской традиции биографии трактовались прежде всего как научные тексты, однако возможность их принадлежности к художественному нарративу также признавалась. См., например, статью из энциклопедии Брокгауза и Ефрона за 1891 г.: «Биографией называется изображение жизни данной личности, удовлетворяющее требованиям исторической науки. Как произведение *научное*, биография не ограничивается изложением внешних фактов из жизни избранного

лица, а стремится проследить ход духовно-нравственного развития этого лица; как произведение *художественное*, она должна уловить сущность его характера и представить его в ярком образе» [Цит. по: Беленький 2010: 39] (Курсив наш. – М. М.). Ср. тж. [Винокур 1927, электронный ресурс]. И. Л. Беленький также полагает, что биография как культурно-историческая форма является единством науки и искусства (понимая при этом, что существуют различные субжанры биографии, как научные и научно-популярные, так и художественные; кроме того, живописное произведение (портрет), по И. Л. Беленькому, также является формой биографии) [Беленький 2010: 49-50] (ср. тж. [Breckner 2013]).

Авторы статей современного сборника *Die Biographie – Beiträge zu ihrer Geschichte* (в частности, [Ni Dhuill 2009–1; Ni Dhuill 2009–2; Zimmermann 2009]) также придерживаются компромиссной позиции. Она состоит в том, что в рамках биографического дискурса имеет место размежевание жанров: среди биографий выделяются исторические, популярные, литературные и др. [Meier 1979: 231; Baumgartner 1979: 261].

По словам Л. П. Репиной, также сторонницы компромиссного взгляда на принадлежность биографии к историческому дискурсу, биография является исторической только в том случае, если личность в ней рассматривается без отрыва от исторического контекста во всех его аспектах [Репина 2010: 14-15].

Различия в современных подходах к биографиям (в дискуссионном характере их принадлежности к историческому дискурсу) объясняются также различиями между научными школами. Так, биографии XIX в., в т. ч. школа Л. Ранке, характеризуются исследователями как стремящиеся к объективности. С этим стремлением связана тенденция «исчезновения» биографа «за спиной» его «героя» (деперспективация). Такой имплицитный характер историографа позволяет «инсценировать» объективность и отнести исторические биографии к научному дискурсу.

А. Л. Валевский, признавая исторический характер биографии, называет следующие основные особенности биографии именно как нарративного дискурса, определяющиеся её акцентом на индивидуальности [Валевский 1993: 16-28]:

- текстуальность («многообразие диалогических отношений между биографом и его персонажем, биографом и временем, персонажем и временем, биографом и культурным кодом, персонажем и культурным кодом»);
- идентичность (комплекс обозначений, отвечающих на вопрос «кто я?», т. е. «конструкция самосознания»);
- вопрошание («вопросы», задаваемые биографом материалу при исторической реконструкции (ср. [Дройзен 2004: 79]); благодаря вопрошанию биография приобретает диалогический характер);
- игра (игровая природа самой индивидуальности и биографической интерпретации) (ср. [Хейзинга 2011, электронный ресурс]).

Другая проблема биографики связана с выбором «героя». Перед каждым биографом встает вопрос, достойна ли жизнь избранной им личности быть освещённой в жизнеописании.

Ответ на этот вопрос связан с понятием «величия» и / или «героизма» (ср. [Carlyle 2011; Meier 1979: 235]) и с достижениями выбранной личности, например, с созданными ею произведениями, художественными, научными или философскими. В случаях, если личность не является признанным «гением», «героем» и т. д., написание её биографии может служить привлечением внимания к этой личности, подтверждением того, что она все-таки заслуживает подробного жизнеописания [Ni Dhuill 2009–1: 123; Репина 2010: 6; Терпугова 2011, электронный ресурс].

В композицию биографического произведения включается не только передача событий из жизни личности «от ситуации до ситуации», но также этапы становления личности, ее оценка современниками, определение её роли и идентичности (*Identität*) [Meier 1979: 231]; образ личности обязательно разворачивается на фоне событий и логических связей, определяемых эпохой

[Meier 1979: 237]. По утверждению Д. С. Козлова, биографам, стремящимся придать повествованию логическую стройность, удобно выстраивать нарратив как «роман воспитания» (ср. дидактическую функцию); биография также может быть подобна «авантюрному роману», и в подобных жизнеописаниях важную роль играет фактор случайности [Козлов 2013: 297].

Рассматривая «значимость» исторической личности, Л. Е. Гринин отмечает, что для биографа важны ответы на вопросы: «как повлияла ... личность на выбор той или иной альтернативы развития? изменил ли ход истории результат ее деятельности и насколько? было ли неизбежным такое изменение ...?» [Гринин 2010, электронный ресурс] (ср. также [Meier 1979: 229]). По замечанию А. Кошорке, в историографии и публицистике протагонистами и носителями перспективы обычно не являются откровенно «отрицательные» персонажи, например, преступники [Koschorke 2012: 95].

Говоря об альтернативе развития, следует отметить, что данная проблема является особенно актуальной в изучении исторического повествования с эпистемологической позиции, поскольку отношение к «сослагательному наклонению» в истории было и остаётся неоднозначным [Нехамкин 2006: 135; Степанова 2013].

На вопрос о том, возможно ли в истории сослагательное наклонение, сторонники нарративного подхода отвечают утвердительно. По словам С. Чатмана, сюжет нарратива в основном строится на устранении альтернатив, т. е. сужении выбора между возможными вариантами развития событий [Chatman 1989: 46]. Хотя это утверждение относится главным образом к художественному повествованию, историческое повествование также оказывается не чуждым подобных спекуляций. Поскольку любое повествование, в том числе и историческое, так или иначе субъективно и в нём возможны различные трактовки и интерпретации, то историк вправе в отдельных случаях ставить вопрос «что было бы, если бы события развились по-другому?» и отвечать на него.

К альтернативности в историографии в философии истории имеют место различные подходы. И. В. Бестужев-Лада, в частности, утверждает, что история как наука не терпит сослагательного наклонения и в ней «неуместны» «виртуальные конструкции», однако в трудах по философии истории их использование правомерно [Бестужев-Лада 1997: 112]. Советский историк М. Я. Гефтер, напротив, оправдывает альтернативность в историографии, поскольку она иллюстрирует волеизъявление индивидуума – персонажа исторического повествования: «...в не меньшей мере актуальна вся коллизия ищущей мысли исторического деятеля – ее взлеты и ее спуски, ее победы и ее трагедии» [Цит. по: Бочаров 2023, электронный ресурс]. Во взглядах М. Я. Гефтера примечательна диалогичность. Он утверждает, что единоличного автора у истории быть не может и любое историческое повествование создаётся в соавторстве: «...один из самых опасных мифов на свете – о единственном авторе у единственной истории...коллективный ли это автор, либо единоличный – разница мифологем существенная, но все же не коренная. Признание соавторства – верная примета реалистического мышления, нравственного и политического здоровья» [Цит. по: Бочаров 2023, электронный ресурс]. Следовательно, можно сказать, что из нормативно-ролевой формации М. Я. Гефтер, минуя дивергентную, оказывается сразу в конвергентной.

В. А. Нехамкин выделяет в российской историографии и философии истории три парадигмы, в рамках которых рассматривались альтернативность и сослагательность: ретропрогностическую парадигму, парадигму «возможность – действительность» и бифуркационную [Нехамкин 2006: 135]. Первая парадигма заключается в применении прогностических методов не к будущему, а к прошлому [Козин 1980; Бестужев-Лада 1997]. Вторая – в выделении периодов, в которых существовало несколько альтернативных возможностей развития, и в рассмотрении этих возможностей [Волобуев 1987]. Данная парадигма является доминирующей в советской историографии, однако в ней возникает противоречие: рассмотрение альтернатив остаётся только на теоретическом

уровне, но в конкретном, эмпирическом познании отвергается, и рассматривается только то событие, что из многочисленных возможностей воплотилось в действительность [Нехамкин 2006: 135-136; Бочаров 2023, электронный ресурс]. Третья парадигма, бифуркационная (по В. А. Нехамкину), связывается с учением о синергетике [Лотман 1988; Пригожин, Стенгерс 1994; Бородкин 2004]: в ней варианты развития событий предстают как некие хаотичные образования, сосуществующие наравне друг с другом и пересекающиеся в «точках бифуркаций», где из множества вариантов выбирается один. Сложность этой концепции представляет разделение исторических периодов на «альтернативные» и «безальтернативные»: это связано с вопросом о том, какие события следует считать ключевыми для возникновения альтернатив, т. е. о «важности» [Нехамкин 2006: 136-137].

Попытка разработать единую методологию для моделирования альтернативных историй предпринята М. Ю. Мухиным. Исследователь предлагает в качестве основного подхода сравнительно-исторический: альтернатива основывается на сравнении «до» и «после», а также на сопоставлении развития конкретных явлений в истории различных государств. После тщательного изучения всех взаимосвязей строится модель, включающая реальные связи в реальном историческом процессе. Потом один из факторов, составляющих модель, изменяется, и исходя из этого изучаются получившиеся изменения в историческом процессе и степень их значимости [Цит. по: Степанова 2013: 32-33].

Альтернативе применительно к немецкой истории посвящена работа В. В. Степановой [2013], в которой при помощи отсылок к историческим альтернативам анализируется фактическая ситуация. Так, в главе об идеях патриотизма и национализма в Германии автор прослеживает корни этих социальных явлений, отмечает их значение для развития страны, подчёркивая это значение альтернативой: как могли бы развиваться неосуществлённые национальные идеи [Степанова 2013: 21-22, 82-83]. При этом альтернативы у

Степановой не прописаны в подробностях, а лишь намечены как повод для размышления над ключевыми моментами немецкой истории.

По В. А. Нехамкину, у альтернативной истории могут быть три объекта исследования: личности, события и факторы исторического развития (или «состояния» на какой-то момент: например, факт наличия железных дорог в государстве). Эти объекты, как утверждает В. А. Нехамкин, соответствуют трём уровням анализа: персоналистскому, событийному и факторальному [Нехамкин 2006: 137-138]. Приёмы контрафактического исследования В. А. Нехамкин делит на универсальные и специфические в зависимости от того, ко всем ли уровням они могут применяться. Так, удаление является универсальным приёмом: для рассмотрения альтернативы можно удалить из исторического процесса как личность (например, Наполеона или Бисмарка), так и событие (например, войну 1812 года) или фактор (железные дороги в США). Однако перемещение универсальным приёмом не является: переместить в другую локацию можно только историческую личность, но не событие и не фактор [Нехамкин 2006: 138].

Говоря о зарубежной альтернативной истории, следует назвать имена Н. Фергюсона и А. Демандта, авторов эссе, посвящённых моделированию исторических альтернатив и исследованию значимости событий и факторов [Ferguson 1999; Demandt 2001]. Эти работы носят не столько научный или методологический, сколько спекулятивный характер. На примере подобных работ интерес представляет изучение «проблемных» эпох, открывающих широкий простор для рассуждения о возможных вариантах; так, одной из популярных тем является Вторая мировая война [Virtuelle Geschichte 1999; Rosenfeld 2005; Evans 2014]. Отдельные немецкие историки серьёзно подходят к моделированию альтернатив; в частности, современный историк М. Полиг, занимающийся Реформацией и деятельностью М. Лютера, прибегает в своих моделях к рассмотренному выше приёму удаления исторической личности, утверждая, что лютеранства не было бы без Яна Гуса [Pohlig 2017, электронный ресурс].

Т. А. ван Дейк трактует сослагательность в нарративе как проявление «возможных миров», существующих наряду с основным повествуемым миром. Наряду с миром, о котором говорят в сослагательном наклонении, «возможными мирами» могут быть миры, репрезентируемые в передаче мыслей персонажей [Ван Дейк 2000: 62-63].

П. Рикёр, ссылаясь на М. Вебера, сторонника критической философии истории, отмечает, что поиск альтернативы и сослагательность имеет своей целью объяснить происходящее на уровне событий (фабулы). Такое объяснение, в котором альтернатива является средством объяснения причин, показывающим «объективную возможность», характеризует именно историческую науку [Рикёр 1998: 213-216]. По словам М. Вебера и впоследствии П. Рикёра, нереальные связи конструируются для понимания реальных каузальных связей [Вебер 1990: 483]; «Всякий историк, чтобы объяснить то, что было, задаётся вопросом о том, что могло бы быть» [Рикёр 1998: 213] (ср. тж. [Dorschel 2008: 33]).

Современный исследователь А. Доршель, обращая внимания на языковые показатели альтернативности, выделяет в историографии два типа сослагательности (конъюнктива). Первый тип применяется для того, чтобы «закрыть» эпистемологическую лакуну, т. е. рассказать, что «могло бы быть» там, где неизвестно, что было. Такой конъюнктив, по Доршелю, находится «на службе окружающих его индикативов» [Dorschel 2008: 33]. Второй же тип конъюнктива носит «критический» характер и связывается с необходимым в историческом нарративе объяснением событий: «Если было так, значит, так и должно было быть, поскольку в ином случае всё бы вышло по-другому. Если мы находим то, что сделало событие необходимым, значит, мы объяснили это событие» (перевод наш – М. М.) (*„Wenn es so gewesen ist, muß es notwendig so gewesen sein, denn sonst wäre es schließlich anders gekommen. Wenn wir finden, was das Ereignis notwendig gemacht hat, haben wir das Ereignis erklärt“*) [Dorschel 2008: 33-34].

Помимо конструирования логической связи, необходимой для любого нарратива, альтернатива в историографии имеет ещё одно значение. Едва ли

историк приводил бы в своём труде альтернативы, рассказывая о каждом отдельном событии. По мнению К. Майера, альтернативе находится место там, где наличествует кризис и / или какой-либо спорный аспект, на предмет которого могут бытовать разные мнения [Meier 1979: 242-244] (ср. тж. [Степанова 2013: 39]). Для своего повествования историограф отбирает из множества событий наиболее важные; но события, к которым предлагается альтернатива, должны иметь исключительную важность и значимость для хода истории. Они связаны с общественным резонансом, и их интерпретация не может быть однозначной. Поэтому можно сказать, что исторические альтернативы в рамках тактики апелляции к возможному прошлому реализуют не только каузальную («это было, потому что в противном случае было бы по-другому»), но и эмоциональную связь.

А. Доршель обращается к альтернативе в историографии с грамматической позиции, подчёркивая оппозиционные отношения между индикативом и конъюнктивом, *kann* и *könnte*. При этом оппозиция «возможное – невозможное» находится в другой плоскости: «возможное» выражается и индикативом (реальное), и конъюнктивом (потенциальное), но тот же индикатив (а не конъюнктив) используется для передачи невозможного. Особую позицию занимает конъюнктив прошедшего времени, нейтрализуя в себе оппозицию «возможное – невозможное»: с одной стороны, он указывает на упущенную возможность, с другой, позволяет объяснить реальные события [Dorschel 2008: 36]. А. Доршель также отмечает, что важность события, альтернативность которого подчёркивает историограф, является относительной [Dorschel 2008: 44-45].

Современная классификация биографий, в соответствии с которой выделяются разные её виды, принадлежащие и не принадлежащие теоретическому дискурсу, приводится А. В. Терпуговой. Данный автор выделяет два основных типа биографий:

- «написанные о себе» (автобиографии), подразделяющиеся на «строго документальные» (официальные документы, такие как автобиографические заметки и резюме) и «нестрого документальные» (к ним относятся как художественные, так и историко-документальные тексты);

- написанные о другом лице, также подразделяющиеся на строго и нестрого документальные, причём научные биографии относятся к первому типу, а историко-документальные (например, эссе и очерки) – ко второму [Терпугова 2011, электронный ресурс].

Т. Н. Попова предлагает классификацию биографий исходя из отношения историографа к материалу и личности «героя». По данным критериям биографии делятся на научные, научно-популярные, научно-художественные и романизированные [Попова 2012: 279].

Научная биография, исходя из этой классификации, представляет собой монографию, анализирующую жизнь и деятельности «героя» без отрыва от эпохи с пониманием хронотопа как «социально-политической реальности» [там же]. Такая биография отличается академичностью, научным мировоззрением, отсутствием субъективизма, наличием библиографии и научно-справочного аппарата, акцентом на профессиональную деятельность героя, его место и роль в истории. Прямая речь в научной биографии допускается только с опорой на документы. Научно-популярная биография обладает теми же свойствами, но материал излагается в ней более упрощённо.

В научно-художественной биографии акцент делается на «эволюции души героя», для которой исторический процесс служит только фоном. В такой биографии возможны домыслы как дополнения к научным методам. В романизированных биографиях обращение с фактами и вымыслом ещё более вольное [Попова 2012: 279-280].

Научные биографии находятся на периферии научно-теоретического (академического) субдискурса, поскольку, хоть и представляя новое знание, не постулируют новой теории, а лишь иллюстрируют имеющиеся теории, например:

- марксистскую теорию общественно-экономических формаций (в частности, у восточногерманского историографа И. Миттенцвай): „**Preußen ist Teil unserer Vergangenheit... Die revolutionäre deutsche Arbeiterklasse ist groß geworden und hat ihre unverwechselbaren Züge im Kampf gegen die reaktionären junkerlich-bourgeois Kräfte des preußisch-deutschen Militärstaates angenommen**“ [Mittenzwei 1987: 231];

- теорию о величии, о значимости личности в истории (в частности, у западногерманского историографа Л. Галля): „*Erst in dieser Relativität allerdings enthüllt sich das Eigentümliche dessen, was man **historische Größe** nennen mag und was zunächst **historische Bedeutung** meint: die **spezifische Rolle eines einzelnen in der Geschichte**. Denn deren eigentlich bestimmendes Element ist nicht die Willkür, die angebliche Freiheit des erfolgreich Handelnden, sondern dessen **Bindung an die Vergangenheit wie an die Zukunft**... In diesem Sinne ist fast jeder große Handelnde wie Bismarck ein konservativer Revolutionär gewesen, der der Vergangenheit Tribut zollte, ohne ihr zu verfallen, und mit der Zukunft das Element der eigenen Macht und Freiheit beschwor... Weitgehend wider Willen ist er an entscheidender Stelle zum **Mitschöpfer dieser Welt** geworden – hierin liegen **seine historische Größe und die Grenze**, die ihm gesetzt war*“ [Gall 2002: 844-845].

1.3 Историко-биографический дискурс ГДР и ФРГ

Западно- и восточногерманский историко-биографический дискурс, являющийся объектом рассмотрения в диссертации, представляет собой как коммуникативное событие опосредованное общение историографа (биографа) и читателя: учёного-историка или любого человека, интересующегося историей Германии.

Поскольку дискурс как целенаправленная деятельность обязательно предполагает соответствующий культурный и социальный контекст, то исторический дискурс ГДР и ФРГ следует рассмотреть отдельно: цель коммуникации в рамках обоих субдискурсов может быть различной.

Представляется очевидным, что в ГДР исторические труды создавались в основном в рамках марксистской идеологии, в то время как в ФРГ в историографии допускался плюрализм мнений: работы могли быть выполнены в либеральном, консервативном, социал-демократическом и других ключах [Корнева 2007: 5] (ср. [Wehler 1979–2: 59]).

Историографии ГДР немецкие исследователи посвятили много статей и монографий ([Fischer, Heydemann 1988; Brinks 1992; Alter 1993; Lozek 2001; Kruppa 2001; Bergmann 2001; Mertens 2006] и др.), при этом акцент на специфике исторического повествования в западной части разделённой Германии делается в меньшем количестве работ [Rüsen 1987; Pape 1993]. Наиболее подробно развитие исторической науки на Западе и Востоке Германии изучено в работе Г. Хайдемманна [Heydemann 1980], изданной в ФРГ. Выводы Г. Хайдемманна следует отметить, несмотря на то, что данный анализ проведён с точки зрения не нарратологии, а философии истории, методологии науки и с точки зрения институциональной организации исследований.

Так, историография ФРГ, по мнению автора, характеризуется свободой взглядов и, как следствие, значительным теоретическим и методологическим плюрализмом, из-за чего её трудно анализировать как целое [Heydemann 1980: 20]. Однако в 60-е годы отмечаются две общих тенденции:

- кризис в начале 60-х в связи со сменой поколений и возникновением новых дискуссионных концепций, пришедших на смену историзму (смена парадигмы);

- противопоставление двух школ в конце 60-х: традиционной (прагматической) и новой, позиционирующей историю как науку, близкую к социологии, и использующей теории из смежных дисциплин: социологии, политологии и экономики. Эта новая историографическая школа развивалась преимущественно в рамках новейшей истории и была примечательна также тем, что подчёркивала связь между историческим и политическим дискурсами [Heydemann 1980: 21-22, 40, 134-135; Rüsen 1987: 279].

По поводу плюрализма следует заметить, однако, что имелся хотя бы один ограничивающий его фактор, наличествовавший и в ГДР: «очищение историографии» (по выражению Й. Рюзена и З. Вашичека) от национал-социалистических воззрений [Rüsen, Vasicek 1988: 313].

Кроме того, в более новой западногерманской историографии прослеживается тенденция обосновывать деятельность исторической личности исходя не столько из её индивидуальных мотивов, сколько из внешних обстоятельств (дополняя ими индивидуальные мотивы) [Heydemann 1980: 42].

Историография ГДР противопоставляется историографии ФРГ как строго марксистско-ленинская (М. Сабров называет её отдельным закрытым дискурсом [Sabrow 1996]), позволяющая себе отдельные «вольности» лишь в рамках государственной идеологии (некоторый простор для методологии предоставляла широкая трактовка понятия «общественно-экономическая формация») и крайне ограниченная в возможности вести научные дискуссии. Критике в историографии ГДР подвергаются преимущественно немарксистские взгляды «буржуазных» историков [Heydemann 1980: 137-138, 173, 196, 205, 233-234; Corni 1996: 67; Lozek 2001: 21]; по словам Г. Корни, этой критикой занималась отдельная отрасль восточногерманской историографии [Corni 1996: 67]. При этом марксизм-ленинизм не только объявляется господствующим мировоззрением, но и фактически обретает статус научной базы [Heydemann 1980: 202]. Характер историографии ГДР обозначается как «функциональный и инструментальный», и восточногерманская историография позиционируется как общественная наука, формирующая самосознание нации. В этом, однако, Г. Хайдеманн не видит особых отличий от историографии в государствах с иным политическим строем [Heydemann 1980: 191]. В качестве основной идеи признаётся прогрессивность классовой борьбы, достигшей высшей точки в образовании Германской демократической республики [Heydemann 1980: 194].

Прогрессивной особенностью историографии ГДР Г. Хайдеманн считает её «социальное» направление: представляется, что именно восточногерманские

историки первыми разработали в историографии обществоведческий подход (в рамках марксистского учения), в то время как в ФРГ это направление считалось новым [Heydemann 1980: 225] (ср. тж. [Rüsen, Vasicek 1988: 316]). Отмечается и такое прогрессивное направление в историографии ГДР, как её специализация на отдельных эпохах [Heydemann 1980: 188].

В целом характер историографии ГДР определялся не только внутренними факторами (партийным диктатом), но и внешними: стремлением противостоять «буржуазной монополии» западных историков. С этим, в частности, связывалось отделение историков ГДР от общегерманской организации *Verband der Historiker Deutschlands (VHD)* и создание собственного, не «буржуазного» союза историков (*Deutsche Historiker-Gesellschaft*) в 1958 г. [Fischer, Heydemann 1988: 10-11]. Влияние на историографию оказывали и важнейшие внешнеполитические события, например, Пражская весна [Heydemann 1980: 221-222].

Различие между западно- и восточногерманским историческим дискурсом связано и с темами исследований. Так, отдельные темы (например, Парижская коммуна) активнее освещались на Востоке, чем на Западе [Paetau 1993], и наоборот: история Пруссии и Германской империи долгое время была в ГДР фактически под запретом [Engelberg 1985: XIII]; то же можно сказать и об истории национал-социализма (в системе терминов ГДР – фашизма) [Sheehan 1993: 28-29].

Отмечено, что при рассмотрении отдельных исторических эпох историографы обоих германских государств, будучи идеологическими оппонентами, в то же время не допускали в своих изысканиях полного разрыва между двумя большими «школами», знакомились с работами друг друга [Brinks 1992; Mertens 2006]. Однако это было не столько сотрудничество, сколько своеобразное соревнование между «капиталистами» и «социалистами» [Fischer, Heydemann 1988: 9; Mertens 2006: 50; Корнева 2007: 6]. Г. Хайдемманн указывает, что на протяжении существования обоих государств в каждом из них не угасает интерес к исследованиям коллег соседней части и даже наблюдается взаимное

рецензирование работ [Heydemann 1980: 185-186] (ср. [Brinks 1992: 6; Lozek 2001: 18; Berthold 2001: 55]). Однако этот интерес имеет и обратную сторону. Изучение историографии ФРГ стимулировалось партийной верхушкой и осуществлялось с необходимой осторожностью. Различие в научных школах и течениях в историографии ФРГ понималось идеологами ГДР как диверсионная работа, направленная на подрыв авторитета марксистско-ленинской историографии (ср. [Lozek 2001: 20; Berthold 2001: 55]). В свою очередь, историки ФРГ долгое время считали историографию ГДР ограниченной и «недоразвитой» из-за жёсткой приверженности идеологии и отсутствия плюрализма мнений [Lozek 2001: 21; Berthold 2001: 33-35]. Однако плюрализм в ФРГ тоже не был абсолютным: там, как и в ГДР, историографы не признавали национал-социалистических идей [Rüsen, Vasicek 1988: 313].

При этом, говоря о взаимном интересе историков ГДР и ФРГ к работам друг друга, исследователи указывают на то, что историки ФРГ «не принимали всерьёз» марксистско-ленинских воззрений и поначалу вовсе не интересовались трудами, написанными в Восточной Германии. Однако приблизительно с 1968 г. интерес западногерманских историков к работам и методологии их восточногерманских коллег начинает возрастать, и даже наблюдается некоторое влияние работ первых на работы последних [Heydemann 1980: 224-225, 237, 244] (ср. тж. [Paetau 1993: 326]).

Примечательно, что контакты между западно- и восточногерманскими историками начали развиваться активнее в конце 70-х – 80-х гг. XX века [Kupre 1988: 105; Lozek 2001: 22; Корнева 2007: 38]. Это время можно считать переломным периодом в развитии исторической науки ГДР [Kupre 1988: 105] (ср. тж. [Fischer, Heydemann 1988: 16; Corni 1996: 72]). Данный период ознаменован возникновением у восточногерманских идеологов интереса к «историческому наследию и традициям социалистической нации» в ГДР [Mittenzwei 1987: 74; Fischer, Heydemann 1988: 17-24; Neuhäüßer-Wespy 1988: 141; Alter 1993: 23; Kruppa 2001: 106]. Признание всей германской истории «историческим наследием

ГДР» означало признание того, что ГДР и ФРГ имели общую историю, о чём до 70-х гг. XX века речь в ГДР никогда не заходила [Raetau 1993: 328].

Поворотный период обращения к новым темам в историографии ГДР А. Фишер и Г. Хайдеманн обозначают как переход от «селективной интерпретации» немецкой истории к «интегральной», более целостной [Fischer, Heydemann 1988: 3].

В связи с возникновением установки на «наследие» в Восточной Германии появляются исторические труды, посвящённые личностям, отношение к которым ранее было отрицательным по идеологическим причинам. Полностью положительным оно, впрочем, не стало, однако в их деятельности начали замечать «прогрессивные» черты [Kruppa 2001, 108]. К таким личностям, чьи биографии, написанные в ГДР, как раз приходятся на 70–80-е годы, относятся, в частности, Мартин Лютер, прусский король Фридрих II («получивший право снова называться Фридрихом Великим» [Mertens 2006: 61]) и Отто фон Бисмарк [Kuppe 1988: 103, 113; Iggers 1988: 166; Brinks 1992: 9, 11; Alter 1993: 13-15; Sheehan 1993: 29; Corni 1996: 73; Kruppa 2001: 107].

В исследованиях восточногерманской историографии упоминается и о возросшем значении биографий в целом [Iggers 1988: 163]. Немецкие авторы говорят о так называемых «параллельных» биографиях (*Parallelbiographien*), написанных об одних и тех же персоналиях в ФРГ и ГДР (например, жизнеописания Бисмарка, созданные Л. Галлем на Западе и Э. Энгельбергом на Востоке) [Brinks 1992: 288-289]. П. Альтер проводит небольшой сравнительный анализ этих двух биографий на предмет причинности и характеристики персонажей [Alter 1993: 25]. Именно такие «параллельные биографии», посвящённые одним и тем же историческим личностям, являются материалом настоящего исследования.

Что касается эпох, ознаменованных деятельностью Фридриха II и Бисмарка, то Я. Г. Бринкс видит две причины исследовательского интереса к ним идеологов ГДР. Первая причина – «поиск собственной идентичности ГДР», которая без

обращения к эпохам Фридриха и Бисмарка, по мнению данного автора, никогда не была бы полной. Вторая причина – конкуренция с историками ФРГ, тоже активно занимавшимися историей Пруссии [Brinks 1992: 10]. Возможно, первая причина также имеет место в переоценке образа Лютера. Сам период Реформации и крестьянской войны изначально оценивался идеологами как «прогрессивный» [Brinks 1992: 8], однако личность Мартина Лютера положительно не оценивалась вследствие его классовой принадлежности и отрицательного отношения к крестьянской войне и её лидеру Томасу Мюнцеру. Однако в 70–е гг. деятельность и воззрения Лютера также стали трактоваться как прогрессивные [Brinks 1992: 11-12, 222]. Возросший интерес к Лютеру и его эпохе в целом связывается также с юбилеем Реформации в 1967 г., юбилеем крестьянской войны, отмечавшимся в ГДР в 1975 г. [Brinks 1992: 225, 300], а также с «годом Лютера» – 1983 [Neuhäüßer-Wespy 1988: 143].

Любопытно, что, в отличие от немецко- и англоязычных авторов, оценивающих данный период в историографии ГДР положительно, российский историк Л. Н. Корнева характеризует его как кризис, вызванный политической и экономической стагнацией в ГДР. Именно с кризисом Корнева связывает более активное сотрудничество историков из обоих германских государств, их работу над совместными проектами. При этом она замечает, что контакты и неагрессивные полемики между коллегами не привели к «размыванию» идеологической базы ГДР [Корнева 2007: 38]. Более того, различные идеологические базы стали одной из причин, по которым совместная проектная работа не увенчалась успехом. В качестве других причин можно назвать давление со стороны властей ГДР и претензии обоих государств на более «объективное» изложение истории и на более давние традиции изучения отдельных вопросов [Корнева 2007: 38-39].

Как уже отмечалось, в связи с идеологическими различиями в западно- и восточногерманских текстах одни и те же личности, явления и события могут оцениваться по-разному. Это касается и непосредственно материалов

исследования: западно- и восточногерманских «параллельных» исторических биографий, в которых задаются различные оценочные ориентиры.

В частности, при повествовании о рождении «протагониста» восточногерманские историографы указывают на политическую и экономическую ситуацию в государстве, имевшую место на тот момент, со ссылкой на марксистскую теорию общественно-экономических формаций. Например: „**Zur Zeit der Geburt Prinz Wilhelms befanden sich die Staaten des Heiligen Römischen Reiches Deutscher Nation schon im Sog der revolutionären französischen Ereignisse. Auch im friderizianischen Preußen... beschleunigte sich der Verfall des politischen und gesellschaftlichen Systems. Der Feudalismus, dessen Anfänge in den deutschen Territorien ein Jahrtausend zurücklagen, war nunmehr in das Stadium der Agonie getreten, und immer augenfälliger verschärften die bestehenden Produktionsverhältnisse die Krise des Gesellschaftssystems**“ [Börner 1984: 13].

В данном примере положение дел в государстве объясняется общественными процессами, как частными (влияние Французской революции), так и общими, с точки зрения применяемой историографом марксистской теории (смена формаций).

Также у И. Миттенцвай (ГДР) в панораме государства на момент рождения Фридриха повествуется о «трудных временах»; особенно подчёркивается голод и бедность крестьян:

„**Gegen Ende des ersten Jahrzehnts befand sich das Land kurz vor der Katastrophe. Die Einnahmen aus Steuern und Domänen reichten ... nicht mehr aus... Am meisten litten unter den katastrophalen Zuständen die Bauern...**“ [Mittenzwei 1987: 12-13].

При описании оценочных ориентиров в западногерманских историко-биографических текстах не указана идеология, которой могло бы быть отдано окончательное предпочтение. Однако западногерманские историографы позиционируют свои оценочные ориентиры как основанные на демократических ценностях. Например: „...**die Unterschiede zwischen den Menschen sind durch die**

Entwicklung der Menschenrechte in der Zeit der Aufklärung, durch das demokratische Freiheitsdenken, das die Moderne prägt, aufgehoben“ [Kantzenbach 1972: 34].

В данном отрывке из биографии Лютера, написанной Ф.-В. Кантценбахом в ФРГ, подчёркивается значимость демократических ценностей, зародившихся, по мнению историографа, в эпоху Просвещения (ср. [Мовчан 2019: 94]). Ср. также рассуждения К. О. фон Аретина (ФРГ), в котором он возводит отрицательные стороны правления Фридриха к абсолютистскому режиму: *„Preußen wurde am Ende der Regierungszeit Friedrichs nicht schlechter regiert als einige andere Länder in dieser Zeit. Es zeigte sich nur immer deutlicher **die Schwäche der absoluten Regierung**, die über die Kräfte eines einzelnen ging*“ [Aretin 1985: 127].

Кроме того, с оценочными ориентирами в рамках политической идеологии связывается дихотомия «прогрессивный / реакционный». Например, негативной оценкой окрашена характеристика Бисмарка у Э. Энгельберга (ГДР), согласно которой протагонист «не понимал рабочего движения»: *„**Die historische Entwicklung der Arbeiterbewegung** verstand Bismarck zeitlebens nicht, aber er hatte von früh an ein wachendes Auge auf sie als auf eine politische Gefahr, die er bannen zu können glaubte*“ [Engelberg 1991: 323]. В данном отрывке историограф противопоставляет отрицательной оценке Бисмарка положительную оценку самого рабочего движения, подчёркивая невозможность «победить его», чего «хотел» Бисмарк.

Западногерманские историографы также используют этот ориентир. Так, описывая конфликт между королём и парламентом, в котором на выборах победили либералы, Ф. Герре (ФРГ) при помощи антонимов и перечисления подчёркивает противопоставление «старого» и «нового», «реакции» (позиция «протагониста» Вильгельма) и «революции»:

*„Es war nicht nur ein Konflikt, es waren vier Konflikte, die Wilhelm... durchzusetzen hatte. Erstens, der grundsätzliche zwischen **Monarchensouveränität und Volkssouveränität**, zweitens der gesellschaftliche zwischen **Adelsprivilegien und Ansprüchen des Bürgertums**, drittens der verfassungspolitische zwischen **Krone und***

Parlament, viertens der militärpolitische zwischen Königsheer und Volksarmee... In der Defensive stand ein Altpreuße gegen die neue Zeit und ein Reaktionär gegen die Revolution – auf verlorenem Posten...“ [Herre 1983: 303]. Перечисляя различные конфликты с использованием синтаксического параллелизма, историограф создаёт фигуру градации, которая достигает кульминации в последнем предложении отрывка, где Вильгельм прямо характеризуется как «реакционер».

И западно-, и восточногерманские историографы оценивают консервативные партии отрицательно: „*Sie waren unfähig zu historisch vorwärtsweisenden Initiativen, aber auch hasenherzig und mitunter repressiv bei der Abwehr der nationalen Bewegung selbst in der gemäßigten Form des Nationalvereins*“ (об объединении немецких князей) [Engelberg 1991: 429] (помимо оценки в рамках категории «прогресса» и «регресса» (*historisch vorwärtsweisende Initiativen*), Э. Энгельберг (ГДР) использует экспрессивные предикаты *hasenherzig* и *repressiv*).

Ср. также: „*Massiv versuchte die Regierung, die Neuwahlen zum Abgeordnetenhaus am 28. Oktober 1863 in ihrem Sinne zu beeinflussen. Der König griff höchstpersönlich in den Wahlkampf ein... In Preußen war nichts gewonnen und in Deutschland viel verloren. Der König und sein Ministerpräsident hatten die liberale, propreußische, kleindeutsche Bewegung zurückgestoßen... So oder so – Preußens Position in Deutschland war geschwächt*“ [Herre 1983: 319]. Здесь Ф. Герпе (ФРГ) повествует о борьбе прусского короля против либерального движения, проводя при этом причинную связь при помощи глагольных форм (*beeinflussen* (также телеологическая связь), *zurückstoßen*, *geschwächt sein*) между борьбой с либеральным движением и ослаблением позиции Пруссии. Само либеральное движение характеризуется эпитетами, позволяющими говорить о его «прогрессивности» и о положительной оценке историографа: *die liberale, propreußische, kleindeutsche Bewegung*.

Однако оценка социалистов как отдельной партии в различных исторических дискурсах является разной. Так, Э. Энгельберг (ГДР) посвящает

истории социалистического движения в Пруссии / Германии отдельные главы, подробно рассказывая об идеологах и демонстрациях. Положительная оценка в этом случае реализуется благодаря акценту именно на противостоящих консерваторам партиях (главы *Die Partikularisten* [Engelberg 1991: 577-590] и *Die sozialistische Linke* [Engelberg 1991: 590-595]).

В тексте К. Х. Бёрнера *Kaiser Wilhelm I. 1797 bis 1888. Deutscher Kaiser und König von Preußen. Eine Biographie*, написанном в ГДР, раздел *Sozialistengesetz*, посвящённый закону против социалистов, подробно рассматривает историю вопроса, повествуя о развитии рабочего движения в Германии [Börner 1984: 239-241]:

„Nach 1871 nahm mit der weiteren Entfaltung des Kapitalismus **die proletarische Bewegung** einen schnellen Aufschwung. **Der gemeinsame Kampf** der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei (SDAP) und des lassalleanischen Allgemeinen Deutschen Arbeitervereins (ADAV) gegen die soziale Unterdrückung und den Militärstaat bildete die Grundlage für die Annäherung beider Gruppierungen und das Verlangen nach einem organisatorischen Zusammenschluss“ [Börner 1984: 239].

Об оценке, помимо отдельного акцента на данной аналепсе, свидетельствуют идеологически окрашенные лексические средства (*die proletarische Bewegung, der gemeinsame Kampf*).

Выводы к главе 1

Поскольку историческое знание является прототипическим гуманитарным знанием, исторический дискурс входит в состав научного (теоретического) дискурса. В нём выделяются те же стадии производства научного знания, какие отмечаются в теоретическом дискурсе в целом.

Однако инструментом для аргументации и построения необходимых логических связей в историческом дискурсе является нарратив, поскольку любой исторический текст является повествовательным. В связи с тем, что в историческом дискурсе совмещаются нарративность и научность, его можно

считать синкретическим (конвергентным) и находящимся на периферии научного дискурса. Исторический дискурс имеет диалогический характер: он характеризуется интертекстуальностью, полидискурсивностью и полимедиаальностью, а также дискуссионностью, подразумевающей изложение различных точек зрения и полемику между историками.

Одним из прототипических жанров исторического нарратива является биография, поскольку она позволяет наглядно представить жизнь исторической личности в виде сюжетной линии с началом и концом. Выбор личности является важнейшим аспектом биографии: он напрямую связан с представлением о значимости данной личности для истории. Вопрос значимости позволяет также поднять вопрос о построении исторических альтернатив в тот или иной момент повествования о событиях. Наличие альтернатив в историческом дискурсе в целом (и в историко-биографическом в частности) представляется допустимым.

Научные биографии находятся на периферии академического субдискурса, поскольку они не создают новых теорий, а только подтверждают существующие (в той мере, в какой можно говорить о теориях применительно к историческому дискурсу).

Историко-биографический дискурс ГДР и ФРГ как коммуникативное событие представляет собой опосредованное общение историографа и читателя, интересующегося историей Германии. Западногерманская историография характеризуется значительной свободой мнений и методологическим плюрализмом, ограничивающимся лишь негативным отношением к национал-социалистической идеологии (это ограничение присутствует и в историографии ГДР). Исследователи отмечают такие новые, прогрессивные тенденции в историографии ФРГ, как близость к социологии и другим смежным гуманитарным дисциплинам (наличие связанных дискурсов).

Восточногерманская историография, напротив, характеризуется строгой приверженностью идеям марксизма и позиционированием истории как общественной науки, формирующей самосознание нации. Близость истории к

социологии признаётся прогрессивной чертой, появившейся в ГДР раньше, чем в ФРГ.

Обе научные школы не были изолированы друг от друга, что определяет дискуссионный, диалогический характер западно- и восточногерманских историко-биографических текстов. Наиболее активные контакты между историографами ГДР и ФРГ прослеживаются в 70–80-х гг. XX века благодаря смене идеологического вектора в историографической школе ГДР и обращению к общегерманскому историческому наследию. В связи с этим возникают «параллельные» биографии одних и тех же значимых персоналий немецкой истории, в которых задаются различные оценочные ориентиры, определяемые научной школой.

Итак, историко-биографический дискурс, входящий в состав исторического дискурса, характеризуется диалогичностью, которая определяется дискуссионностью, наличием смежных дискурсов (интертекстуальностью и междисциплинарностью).

Глава 2. Неориторическая модель анализа историко-биографического дискурса

2.1 Основные исследовательские категории неориторики и историко-биографический дискурс

В настоящее время, как было сказано, особую актуальность приобретает изучение исторического дискурса с позиции неориторики – науки о коммуникативной деятельности, её природе, типах, возможностях и средствах.

Одним из основополагающих понятий в неориторике является понятие дискурсивной практики: стереотипно воспроизводимой речевой деятельности, направленной «на решение рекуррентных коммуникативных проблем и интенций» [Никонова 2023: 129]. Как практики социальные, дискурсивные практики закрепляются за соответствующими коммуникативными ситуациями и рассматриваются в рамках конкретной традиции общения. Благодаря этой привязке к традициям дискурсивные практики имеют устойчивый характер, однако могут и изменяться, если меняется социальная реальность [Иссерс 2011: 230; Никонова 2023: 129].

Дискурсивные практики классифицируются исходя из институциональных контекстов (тогда можно говорить о научной (в случае настоящего исследования – историко-биографической), политической, рекламной и других дискурсивных практиках) [Иссерс 2011: 228, 230] или исходя из особенностей построения дискурса (нарратив, ментатив, перформатив и др.) [Тюпа 2006; 40].

Коммуникативная интенция, на реализацию которой направлена дискурсивная практика в каждой конкретной ситуации, представляет собой общее (глобальное) намерение, цель участника коммуникации (определённое воздействие на других участников) и позволяет регулировать речевое поведение партнёров [Коммуникативное намерение (интенция), электронный ресурс; Ван Дейк 2000: 50].

В основе любого дискурса или метадискурса, включающего несколько дискурсов, лежит макростратегия, то есть «доминирующая в рамках диалогического взаимодействия стратегия, которая является первичным текстообразующим фактором и состоит из микростратегий – компонентов, направленных на реализацию общей коммуникативной интенции» [Агеева 2021: 57-58]. С точки зрения теории дискурса можно говорить о «дискурсивных стратегиях», являющихся способами построения дискурса, применяемыми в той или иной ситуации общения [Плотникова 2018: 78; Агеева 2021: 54].

Макростратегия рассматривается на двух уровнях: уровне общей стратегии и частных стратегий. Общая стратегия является основной функциональной характеристикой дискурса, которая определяется коммуникативной интенцией, реализуется на транстекстуальном уровне и соотносится с речевым макроактом в целом.

В историко-биографическом нарративе в качестве основной коммуникативной интенции выступает объяснение исторических событий и действий исторических личностей. Следовательно, общей стратегией для данного дискурса является стратегия аргументирования. При этом характерной особенностью аргументации в историко-биографическом дискурсе является её нарративная природа.

Частные стратегии реализуют главную интенцию при помощи отдельных элементов содержания, включённых в структуру конкретных пропозиций. Они находят своё отражение на уровне субъектов дискурса и соотносятся с речевыми актами, в своей совокупности реализующими основную интенцию. Каждой частной стратегии соответствуют частные цели [Иссерс 2008: 50; 105; Голоднов 2011: 163-164].

О. С. Иссерс также разделяет стратегии на основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные. Если первые являются наиболее значимыми с точки зрения целей и мотивов (как правило, в конкретной ситуации основная стратегия только одна, например, дискредитация или подчинение), то вторые

способствуют эффективному диалогу и оптимальному воздействию на адресата. Вспомогательные стратегии могут быть трёх типов: прагматические (коммуникативно-ситуационные, т. е. зависящие от конкретной ситуации общения, например, стратегия самопрезентации, формирование эмоционального настроения), диалоговые (позволяющие управлять диалогом: контролировать тему, инициативу, отслеживать степень понимания) и риторические (использование конкретных риторических приёмов воздействия) [Иссерс 2008: 106-108].

В коммуникативном акте выбранные стратегии находят оформление в виде коммуникативных тактик – одного или нескольких действий, способствующих реализации стратегии [Иссерс 2008: 109-110]. В отличие от стратегий, выбираемых в соответствии с целью коммуникации, тактики принадлежат не выбору, а изобретению [Тюпа 2001–1, электронный ресурс] и включают в себя, в свою очередь, методы и инструменты, определяющие языковую манифестацию стратегий.

Эти инструменты называются коммуникативными ходами (шагами, техниками) и в своей совокупности ведут к решению основной задачи коммуникации. К понятию «коммуникативного хода» близко риторическое понятие приёма (фигуры речи и мысли) [Голоднов 2003: 10; Иссерс 2008: 110; Голоднов 2011: 167, 168, 173].

Т. А. ван Дейк называет приёмами риторические структуры на уровне фонологии (ассонанс, рифма), синтаксиса (например, параллелизм), а также семантические выразительные средства (сравнения, метафоры и др.) [Ван Дейк 2000: 133]. Коммуникативные ходы, или шаги, Т. А. ван Дейк рассматривает как составные элементы стратегий. Эти ходы выделяются на основе целей, которым они служат: поправке, уступке и др. [Ван Дейк 2000: 277].

При изучении нарративных текстов с позиции коммуникативных стратегий нарратология предстаёт как аналитика повествовательного дискурса: особая методология, позволяющий анализировать не только художественные, но и

фактуальные повествовательные тексты [Тюпа 2001–2: 6], такие, как историко-биографические.

При этом отмечается, что при анализе дискурса тактики и реализующие их языковые манифестации представляют наибольший интерес, поскольку именно языковые манифестации являются единицами, доступными для изучения, а с точки зрения коммуникации – основными практическими инструментами говорящего [Иссерс 2008: 111].

Одни и те же языковые средства могут способствовать реализации различных коммуникативных стратегий – в зависимости от того, какая дискурсная компетенция преобладает над другими в том или ином случае. В. И. Тюпа выделяет три дискурсных компетенции в зависимости от коммуникативной интенции: референтную, креативную и рецептивную [Тюпа 2006: 37; Тюпа 2007, электронный ресурс]. Все эти компетенции присутствуют в любом дискурсе и неотделимы друг от друга, но при реализации тех или иных стратегий и тактик одна или две из трёх компетенций могут преобладать и вследствие этого в большей степени влиять на языковую манифестацию.

Под референтной компетенцией понимается формирование картины мира, общей для адресанта и адресата, соотнесённость дискурса с действительностью, а кроме того, концепция героя [Carlyle 2011]. Следуя А. Кошорке, в проявления этой компетенции можно также включить интертекстуальность (ср. [Koschorke 2012, 88]). Если провести параллель между дискурсными компетенциями и классическими канонами античной риторики, можно отметить, что референтной компетенции соответствует инвенция как поиск предмета речи.

В историко-биографическом дискурсе референтная компетенция подразумевает события из жизни исторической личности – героя биографии, обстоятельства его жизни, общий контекст эпохи – всё то, что историографу предстоит осветить в тексте. Немецкий историк XIX века Л. Ранке постулировал историю как науку о том, «как было на самом деле» (*wie es eigentlich gewesen*)

[Ranke 1885: 7] (ср. тж. [Roth 1988: 12; Iggers 1996: 23] и др.), однако в разных научных сообществах понятие «история» может иметь различный охват.

В реальной жизни, которую стремятся отобразить историки, событием становится далеко не всё, что происходит. Событие всегда связано с некоторым субъектом (участником события или его наблюдателем / интерпретатором) [Андреева 2009: 93]. Отбор же событий для конкретного повествования связан со следующей, креативной, компетенцией.

Креативная компетенция являет собой «типовое (модальное) риторическое поведение субъекта коммуникации», своего рода роль говорящего, которую он играет в процессе коммуникации: роль учителя, ученика, судьи, пророка и т. д. Иными словами, данная компетенция определяет авторскую позицию, «кто и как говорит» [Тюпа 2001–2: 7] (ср. [Petsch 1942: 284]). Креативная компетенция позволяет соотнести дискурс с языком, она проявляется на уровне внешней речи. Повествование (в частности, биографическое) несет статус знания, убеждения, мнения или понимания [Тюпа 2001–1, электронный ресурс: 157-158]. В классической античной риторике креативной компетенции соответствуют диспозиция (расположение «изобретённого» в соответствии с целью высказывания) и отчасти элокуция (собственно красноречие, применение выразительных средств).

В историко-биографическом дискурсе креативная компетенция отражается в отборе, аранжировке и ранжировании исторических событий в соответствии с замыслом историографа. Пользуясь терминологией В. Шмида, можно утверждать, что креативная компетенция нарратива реализуется на уровнях истории и наррации, на которых разрозненные события объединяются в логическую связь (при этом не обязательно хронологическую), в то время как референтная компетенция соответствует уровню событий [Шмид 2003: 158-159]. Возможное нарушение хронологии связано с тем, что историографы, делая акцент на различных событиях, могут располагать их не в хронологическом порядке, прибегая к пролепсам и аналепсам (см. далее 3.2.1, 3.2.5, 4.1, 4.2.2).

Креативная компетенция в исторических биографиях реализуется в различных аспектах:

- аналитическом, подразумевающим роль историографа как исследователя и отражающем его подход к организации материала;
- текстостилевом, подразумевающим роль историографа как повествователя, владеющего словом;
- прогностическом, в рамках которого историограф применяет прогностические методы к историческому материалу.

Рецептивная компетенция связана с учётом фактора адресата говорящим. Она соотносится с феноменом идеального адресата, существующего в авторском представлении, обладающего коммуникативной компетенцией и также играющего определённые роли. Инстанция реципиента имеет для наррации огромную важность. Подача в рассказе релевантной информации и опущение нерелевантной зависит не только от учёта адресантом знаний и опыта реципиента, но и от дистанции между первым и вторым, в том числе и от того, к какому обществу принадлежат оба [Koschorke 2012: 39-41]. Следовательно, рецептивная компетенция связана с читательской компетентностью адресата [Тюпа 2001–1, электронный ресурс: 155]. Она позволяет соотнести дискурс с внутренней речью, с мыслительной стороной её содержания [Тюпа 2004, электронный ресурс]. В классической риторике рецептивной компетенции соответствует элокуция (стилистические приёмы, способствующие успеху коммуникации), а также акцио гипокризис – само воспроизведение речи, предполагающее её восприятие.

В историко-биографическом дискурсе рецептивная компетенция реализуется на уровне презентации наррации, при вербализации текста [Шмид 2003: 158-159]. Однако рецептивная компетенция, помимо воспроизведения текста, включает в себя и способность адресата воспринять текст в соответствии с замыслом адресанта. Для этого необходимо учитывать культуру мышления в рамках исторической науки и, в частности, конкретной исторической школы

(восточногерманской марксистской или же западногерманской плюралистической).

Коммуникативная стратегия, понимаемая как модель взаимодействия участников в рамках дискурса, позволяет участнику коммуникации идентифицировать себя с некоей метасубъектной позицией, т. е. особой ролью, характерной для данного дискурса. Само коммуникационное пространство дискурса, в свою очередь, образуется конфигурацией трёх упомянутых компетенций. Креативную компетенцию можно также назвать метасубъектной, референтную – метаобъектной, а рецептивную – метаадресатной, что указывает на роли участников коммуникации в пространстве дискурса. Позиционируя себя в коммуникации, субъект присваивает соответствующую роль и адресату, и объекту [Тюпа 2007, электронный ресурс].

К мыслям, сходным с идеями дискурсных компетенций В. И. Тюпы, приходят и немецкие исследователи Т. Кёппе и Т. Киндт. В качестве основных признаков повествования они называют «событийную референтность» (*Ereignisreferenz*, т. е. наличие референтных событий), напряжение (*Spannungsbogen*), под которым понимается наличие начала, середины и конца истории [Köppe, Kindt 2014: 64-67] (ср. также [Stierle 1979: 96; Koschorke 2012: 61]) и наличие информации, важной для нарратора и адресата в фактическом и в эмоциональном плане [Köppe, Kindt 2014: 70].

Триада нарративных компетенций отражается и в комплексной (интегративной) модели дискурс-анализа, разработанной Ю. Шпицмюллером и И. Г. Варнке. Эта модель объединяет три указанных ранее подхода к изучению дискурса: когнитивистский, постструктуралистский и неориторический. Комплексный подход позволяет рассмотреть дискурс на трёх уровнях: интратекстуальном (непосредственно текстовом), уровне акторов («действующих лиц») и транстекстуальном (знаниевом) уровне [Spitzmüller, Warnke 2011: 201].

Интратекстуальный уровень включает в себя три аспекта анализа: ориентацию на текст, пропозицию и слово. В рамках первого аспекта

принимаются во внимание внешние характеристики текста (оформление, в частности, шрифт и дизайн), а также тематическая организация (макро- и микротемы и средства их реализации, такие, как семантические поля). Второй аспект предполагает акцент на синтаксисе, риторических фигурах и передаче различных имплицитных значений. В рамках третьего аспекта рассматривается роль в тексте определённых слов и словосочетаний, например, ключевых слов, имён, окказионализмов и т. д. Следовательно, интратекстуальному уровню соответствует в первую очередь креативная компетенция нарратива.

На уровне акторов выделяются три подуровня: интеракционные роли (адресант и предполагаемые адресаты), дискурсные позиции (включая социальную стратификацию, дискурсные сообщества и идеологический аспект) и медиальность (т. е. с помощью каких форм и средств осуществляется коммуникация, а также, какие образцы текстов можно выделить для достижения цели). Итак, уровню акторов соответствует главным образом рецептивная компетенция.

На транстекстуальном уровне осуществляется дискурсный анализ, при котором принимаются во внимание интертекстуальные элементы, возможные фреймы и скрипты, социальная символика [Spitzmüller, Warnke 2011: 201]. Следовательно, данному уровню соответствуют референтная и рецептивная компетенции. На транстекстуальном уровне для анализа дискурса необходимо учитывать дискурсные формации, о которых пойдёт речь далее.

Для выделения доминирующих дискурсных компетенций и реализующих их средств на интратекстуальном уровне необходим анализ структурной организации историко-биографического текста, особенности членения на главы, паратекстуальные элементы, а также особенности языка историографов: выразительные и оценочные средства, планы точки зрения (в частности, пространство и время).

На уровне акторов в качестве интеракционных ролей выделяется адресант (историограф) и адресат (читатель: учёный-историк или любой человек,

интересующийся историей Германии). На данном уровне также следует принять во внимание медиальность, поскольку, как будет рассмотрено далее, исторические биографии разделённой Германии имеют полимедийный характер и снабжены иллюстративным материалом (см. 3.1.1, 4.2.2.).

На транстекстуальном уровне предполагается рассмотреть исторические биографии как единый континуум, в котором каждый труд призван заполнить не заполненные ранее эпистемологические лакуны, а также в контексте дискурсных формаций с выявлением характерных для той или иной формации особенностей. Идеологические особенности дискурсных формаций пересекаются с реализацией уровня акторов.

Если рассматривать историко-биографический дискурс как подтип теоретического дискурса, можно предположить, что его основная стратегия – аргументирование, характерное для научного дискурса [Голоднов 2011: 95, 97; Gansel, Jesan и. а. 2018: 56]. Однако специфика его заключается в нарративном характере историко-биографического дискурса. Поскольку нарратив в историческом повествовании предстаёт как инструмент для аргументации, в основе коммуникативных стратегий и тактик лежат три компетенции нарратива.

Стратегия аргументирования в историко-биографическом дискурсе находит отражение в различных частных стратегиях.

Так, частная стратегия информирования направлена на получение и передачу знаний о мире, а также на указание на их недостаток в каких-либо областях, и в этом её когнитивная функция. Что касается коммуникативной функции, информирование как стратегия не только позволяет реципиенту получить доступ к знаниям (в случае с исследуемым материалом – к историческим знаниям), но и создаёт образ адресанта как беспристрастного учёного, указывающего на имеющиеся и не имеющиеся факты (ср. [Субботенко 2020: 258]).

Частная стратегия объяснения ставит своей целью поиск и представление логических связей между событиями в повествовании (ср. [Ван Дейк 2000: 288]).

В случае историко-биографического нарратива речь идёт об установлении логических связей между историческими событиями (ср. [Koschorke 2012: 75]).

Информирование о чём-либо и объяснение событий и явлений при помощи логических связей характерны для научного дискурса [Хомутова 2015: 20], направленного на получение и передачу знания и стремящегося к объективности, и в то же время для нарративного дискурса, поскольку нарратив является важнейшим средством хранения и передачи знаний и опыта между людьми и поколениями (ср. [Stierle 1979: 86, 92; Benjamin 1991: 440]).

Так как стратегии информирования и объяснения подразумевают работу с историческим материалом, представление и анализ событий, имевших место в прошлом, доминирующей компетенцией в рамках данных стратегий является референтная компетенция. Поскольку креативная и рецептивная компетенции менее выражены в стратегиях информирования и объяснения, данные стратегии являются ододоминантными.

Частная стратегия оценивания носит ярко выраженный риторический характер и служит для создания нарративного ракурса при представлении личностей и событий (в случае с анализируемыми текстами – исторических) определённым образом. Следовательно, когнитивная функция данной стратегии – ранжирование персоналий и фактов, а коммуникативная – убеждение реципиента в их значимости или незначимости, положительном или отрицательном характере (ср. [Голоднов 2011: 181, 318]). Примечательно, что риторическая стратегия оценивания выделяется некоторыми исследователями как одна из значимых стратегий и в научном дискурсе [Хомутова 2015: 20; Покотыло 2017: 168].

Поскольку стратегия оценивания подразумевает оценку содержательных элементов исторического материала (повествуемой картины мира) при помощи выразительных и изобразительных языковых средств, данная стратегия реализуется при помощи как референтной, так и креативной компетенции. Следовательно, стратегия оценивания является двудоминантной.

Частная стратегия самопрезентации реализует принцип идентичности, позволяет представить личность историографа определённым образом, с выгодной для самого историографа стороны, а в повествовании – создать особый нарративный ракурс (ср. [Ван Дейк 2000: 277; Steinhoff 2009: 104–105]).

Самопрезентация – одна из важнейших частных стратегий аргументирования (ср. [Валевский 1993: 16-17]). Положительная самопрезентация адресанта (в данном случае – историографа) позволяет организовать аргументативные последовательности, создающие эффект достоверности в нарративе и положительный образ говорящего в целом (ср. [Ван Дейк 2000: 296-297, 300]). По Л. М. Бондаревой, акт самопрезентации субъекта речи является одним из признаков ретроспективного дискурса, к которому, в частности, принадлежат исторические труды [Бондарева 2019: 21]. В современной немецкоязычной научной коммуникации стратегия самопрезентации отражает три аспекта «я»: сочинителя, исследователя и повествователя [Steinhoff 2009: 104; Czicza, Hennig 2011: 40].

Стратегия объективации, напротив, создаёт эффект интерсубъективности и обезличенности, характерных для научной коммуникации (ср. [Кузьменко 2017]), и отражает стремление текстов ментатива к объективности [Голоднов 2011: 188; Czicza, Hennig 2011: 40, 46, 47]. С когнитивной точки зрения стратегии самопрезентации и объективации позволяют проследить соотношение субъективного и объективного в историко-биографическом повествовании.

Стратегии объективации и самопрезентации связаны с сигналами авторского присутствия в историко-биографических текстах и читательскими ожиданиями от повествования. Они направлены на создание образа историографа как учёного, стремящегося к объективности, и в то же время как повествователя, апеллирующего к ценностям (ср. дидактическую функцию биографии). Следовательно, данные стратегии являются двудоминантными, реализуя в первую очередь креативную и рецептивную компетенции.

2.2 Дискурсные формации западно- и восточногерманского историко-биографического дискурса

Как уже отмечалось, дискурсивные практики могут модифицироваться под влиянием изменений в социальной реальности. Эти изменения продиктованы сменой так называемых дискурсных формаций.

Изначально понятие «дискурсная формация» было введено М. Пешё как «то, что и как говорить с определённой позиции в определённых обстоятельствах» [Pêcheux 1969: 127]. Более детально дискурсная (или дискурсивная) формация определяется «1) как информационная структура, регистрирующая специфическое знание; 2) как материальная структура, образуемая совокупностью высказываний, ограниченных пределами того, что может и что должно быть сказано, и того, что сказано быть не может в том или ином пространстве знания» [Бурцев 2008: 14]. Таким образом, дискурсная формация оказывается связанной с «пространством знания», с конкретной его областью. В таком понимании идея дискурсной формации оказывается близка понятиям «дискурс» и «дискурсивная практика».

В. И. Тюпа расширяет и в то же время уточняет эту трактовку. В своём понимании дискурсной формации он объединяет смыслы понятия «парадигма» Т. Куна и идею общественно-экономических формаций. Дискурсную формацию В. И. Тюпа определяет как «систем[у] риторических компетенций, определяющ[ую] параметры коммуникационного поведения (производства и восприятия текстов), отвечающего исторически актуальному состоянию общественного сознания, его культуuroобразующей ментальности» [Тюпа 2007, электронный ресурс]. В процессе развития общества дискурсные формации сменяют друг друга, но при этом могут сосуществовать.

Значимость дискурсных формаций для исследования нарратива (в данном случае – историко-биографического) определяется тем, что в каждой из сменяющихся формаций по-разному реализуются три дискурсных компетенции: референтная, креативная и рецептивная. Особенности реализации компетенций

нарратива в соответствии с дискурсной формацией являются основой для избираемой адресантом коммуникативной стратегии. Выбор стратегии исходит из того, как участниками коммуникации осознаётся её цель: как хоровая гармония, монологическое доминирование, диссонирующая провокация или диалогическое согласие [Тюпа 2014, электронный ресурс].

В связи с различными целями коммуникации и различными картинами мира для её участников В. И. Тюпа выделяет следующие дискурсные формации: статусно-роевую, нормативно-ролевую, дивергентную и конвергентную.

Статусно-роевая формация возникла в первобытном обществе, она наиболее архаична и мифологична. В основе этой формации лежит «мы»-ментальность: под «мы» подразумевается общность людей, каждый из которых обладает определённым статусом, естественной социальной ролью, но участвует в «хоровом единогласии» [Тюпа 2007, электронный ресурс; Тюпа 2014, электронный ресурс]. В статусно-роевой формации *референтная* компетенция «базируется на прецедентной картине мира, где значимо лишь то, что повторяется». Адресант реализует некую функцию, предназначение, а адресат реален и существует за пределами текста [Тюпа 2007, электронный ресурс]. Прототипическим жанром статусно-роевой формации является сказание, повествующее о событиях общенародной жизни. Каждый персонаж этого сказания реализует предназначение, заданное «судьбой» [Тюпа 2001–2: 8].

Креативная компетенция в данной формации определяется индексальным логосом, т. е. использованием языка как системы указательных знаков, что характерно для мифа и рекламы [Тюпа 2007, электронный ресурс]. Субъект речи в данной формации является анонимом: участвуя в «хоровом пении», говорящий заявляет о своей принадлежности всеобщему достоянию, о приверженности традициям.

Рецептивная компетенция роевой формации определяется «этосом покоя как основополагающей ценности» [Тюпа 2007, электронный ресурс]. В роевом

дискурсе реципиент, как и адресант, должен уметь воспроизвести текст как «всеобщее» достояние, сохраняя принадлежность ему.

В современном обществе элементами статусно-роевой формации можно назвать общности людей, члены которых подчёркивают свою принадлежность данному сообществу с помощью традиций, атрибутов и т. д. (например, секты или субкультуры).

Следующая в хронологическом порядке формация называется **нормативно-ролевой** и исторически соотносится со Средневековьем и Просвещением. Всякий индивид в рамках этой формации идентифицирует себя с некоей заданной ролью и подчиняется конкретным обязательствам («он»-ментальность). Роль отличается от статуса тем, что индивид, вживаясь в неё, мыслит не коллективным, а личностным сознанием [Тюра 2014, электронный ресурс]. В коммуникативном пространстве данной формации доминирует монологическое согласие. Любое высказывание внутри неё есть утверждение или отрицание легитимности каких-либо действий или мыслей. Главную роль в подобных дискурсах играет авторитетное, сверхличное референтное сознание – источник легитимности. Эта формация радикально монологична, даже если внешне облечена в диалогические формы.

Её *референтная* компетенция – императивная картина мира, где актант выбирает между истинным и ложным. Ложным при этом предстаёт любое субъективное суждение (в то время как в роевом дискурсе субъективных высказываний не существует) [Тюпа 2007, электронный ресурс]. Прототипическим жанром в данной формации является притча, задающая нравственный закон, соблюдаемый или не соблюдаемый персонажем в типовой ситуации [Тюпа 2001–2: 8].

Креативная компетенция характеризуется нормативной формой авторства: автор текста ограничивает себя избранной канонической формой. Говорящий соответствует норме и тем самым поддерживает определённую систему

воззрений. Такие тексты стремятся к моносемии, которая не терпит не только полисемии или омонимии, но и синонимов [Тюпа 2007, электронный ресурс].

Рецептивную компетенцию определяет этос долженствования по отношению к образцу, регламенту, которому подчиняются человеческие отношения и мысли. Реципиент должен уметь одновременно оценивать текст по шкале «истина – ложь» и корректировать свое мышление и поведение в соответствии с воспринятым императивом.

В современном мире (и в XX веке) нормативно-ролевой формации соответствуют уклады тоталитарных режимов [Тюпа 2007, электронный ресурс].

Третья дискурсная формация, *дивергентная*, зародилась в культуре барокко, достигла расцвета в эпоху романтизма и поныне продолжает доминировать. В основе этой формации лежит диалогическое разногласие, поскольку она ориентируется не на пассивно слушающего, а на отвечающего. В дивергентной формации индивид обладает автономным сознанием. Это индивидуалистская формация, творить в ней – значит отличаться от прочих, и стиль понимается не как норма, а как отклонение от неё [Тюпа 2014, электронный ресурс].

Референтная компетенция этой формации представляет собой релятивистскую картину мира, где актант «выступает субъектом частной инициативы, где отсутствует единство истины и возможно, в известном смысле, все что угодно» [Тюпа 2007, электронный ресурс]. Референция – не объективная реальность, а продукт субъективного воображения. Прототипическим жанром дивергентной формации является анекдот, повествующий о случайном событии, нарочито маловероятном и беспрецедентном [Тюпа 2001–2: 8-9].

Креативная компетенция «характеризуется провокативностью самоутверждения инициатора коммуникационного события» [Тюпа 2007, электронный ресурс]. Это означает, что автор не опирается на традицию, а выражает свое индивидуальное «я». Следовательно, дискурсия данной формации

непрозрачна с точки зрения смысла, и одни и те же знаки в ней можно интерпретировать по-разному.

Рецептивную компетенцию дивергентной формации В. И. Тюпа обозначает как этос свободы или неподчинения. Реципиент обладает собственным мнением о предмете общения, и это мнение отлично от авторского [Тюпа 2007, электронный ресурс]. Рецепция таких текстов одновременно является их скрытой критикой. Здесь на смену «мы»- и «он»-ментальности приходит «я»-ментальность, эгоцентричное самосознание субъекта.

Если восточногерманскому историко-биографическому нарративу, созданному в рамках марксистской идеологии, противопоставить западногерманский, характеризующийся методологическим плюрализмом, можно предположить, что исторические биографии ГДР и ФРГ принадлежат нормативно-ролевой и дивергентной формациям соответственно. Однако анализ историко-биографических текстов разделённой Германии требует более широкого подхода, в частности, рассмотрения особенностей четвёртой дискурсной формации, *конвергентной*.

Это наиболее современная формация, впервые прослеженная М. М. Бахтиным [1975: 225]. Данная формация не является культурной доминантой, но уже развивается как культура диалогического мышления. В рамках коммуникационного пространства конвергентной формации происходит наложение одного голоса или смысла на другой, причём смыслы не отождествляются, а сохраняют свою самобытность и дополняют друг друга [Тюра 2014, электронный ресурс].

Референтная компетенция в конвергентной формации – «вероятностная картина мира, где актант является соучастником события жизни другого (других)» [Тюпа 2007, электронный ресурс]. В этом вероятностном мире единая истина присутствует, но требует множественности разных сознаний, т. к. рождается в точке их соприкосновения [Бахтин 1975: 92]. Такую картину мира можно назвать кореферентной. На основе вероятностной картины мира

смысловое содержание одного сознания может быть «конвертировано» в содержание другого, эквивалентное, но не тождественное первому. Примечательно, что в качестве прототипического жанра этой компетенции выступает жизнеописание (биография). Её герой может выполнять или не выполнять предназначенную судьбой роль, быть или не быть субъектом нравственного выбора или «инициативного самообнаружения», как герой анекдота, но в первую очередь он выступает субъектом самоопределения, реализуя самобытный смысл своей жизни. По утверждению В. И. Тюпы, использующего терминологию М. М. Бахтина, «биография возможна только в *вероятностном* и многосмысленном («полифоническом») мире всеобщей межличностной соотносительности» [Тюпа 2001–2: 9]. Исходя из этой мысли В. И. Тюпы, можно предположить, что анализируемые историко-биографические тексты находятся на пересечении формаций. Их принадлежность к нормативно-ролевой и дивергентной формациям определяется доминирующей культурой мышления в ГДР и ФРГ соответственно, а принадлежность к конвергентной формации – жанровыми особенностями текстов.

Креативная компетенция в рамках данной формации интересна тем, что коммуникационное поведение предстает как реальность, вызывающая к жизни другую реальность (реальность сознания реципиента) (ср. также [Chatman 1989: 28; Genette 2010: 170]). Коммуникация, таким образом, оказывается совместным «проектом», сотворчеством и порождает новые intersубъективные смыслы (ср. [Lubbock 1921: 23]).

Этос конвергентного дискурса характеризуется как «этос ответственности: взаимной озабоченности коммуникантов реализацией открывающейся им возможности некоторого коммуникационного события как со-бытия» [Тюпа 2007, электронный ресурс]. Ответственная позиция адресата – позиция восполнения предложенного высказывания ответным пониманием. Эта позиция позволяет реализовать содержащийся в тексте смысловой потенциал, и в такой реализации заключается *рецептивная* компетенция четвертой формации.

В основе конвергентной формации лежит, в свою очередь, «ты»-ментальность, в пределах которой «я» ищет себя в «другом» и «другого» в себе. Поле конвергентного сознания полицентрично, и «я» в нём – один из множества центров [Тюпа 2007, электронный ресурс].

Р. Печ, анализируя эволюцию повествования с древнейших времён, выделяет изменения в построении нарратива, схожие с идеями о формациях. Так, для мифологического повествования (по Тюпе, для статусно-ролевой формации) характерна такая «форма построения», как «соположение» (нем. *Zuordnung*): взаимосвязь между всеми событиями и деталями, значимость каждой черты и особенности. «Соположению» противостоит «подчинение» (нем. *Unterordnung*), появляющееся уже в средневековых историях (по Тюпе – в нормативно-ролевой формации). Это более сложная форма построения повествования, при которой в истории возникают дополнительные линии, зависящие друг от друга. Именно на этой стадии развития повествования оно становится искусством [Petsch 1942: 34–36]. В качестве характерной черты повествования нового времени (по Тюпе – дивергентная формация) назван акцент на чувствах отдельной личности [Petsch 1942: 75–76].

Примечательно, что, сменяя друг друга, дискурсные формации не исчезают навсегда. Поэтому одна из целей риторики и дискурсного анализа – диагностировать ментальности и, следовательно, формации в различных дискурсных практиках [Тюпа 2007, электронный ресурс].

Идею, близкую к теории В. И. Тюпы о дискурсных формациях, высказывает немецкий нарратолог Йорн Рюзен, применяя свою концепцию именно к историческому повествованию [Rüsen 1987: 91–93]. В его исследовании представлены четыре типа исторического нарратива, близкие к дискурсным формациям: традиционный, «эталонный» (*exemplary*), критический и генетический [Ibid.: 92].

Так, традиционный нарратив содержит память о происхождении имеющихся форм жизни. Пространство и время представлены в рамках этого

нарратива как вечные, перманентные, а идентичность говорящего – как часть заранее заданных культурных паттернов. Такие нарративы, в настоящее время устаревшие, утверждают значимость и сохранность чего-либо в веках (например, истории религий или генеалогии правителей, указывающие на их избранность) [Rüsen 1987: 91].

Эталонный нарратив содержит память о причинах действий, демонстрирующих применение общепринятых правил поведения. Мир в нём строго подчиняется законам, а идентичность говорящего заключается в обобщении жизненного опыта сообразно нормам. В контексте эталонного нарратива история как наука выполняет дидактическую функцию и становится «учительницей жизни» [Rüsen 1987: 92].

В основе критического нарратива лежит отклонение от нормы, разрушение устоев и создание новых паттернов. Установленные нормы в нём осуждаются, отрицаются. Для этого историографы прибегают к случаям, когда подчинение законам приводило к отрицательным результатам, а неподчинение – к положительным [Rüsen 1987: 93].

Генетический нарратив отличается от критического тем, что не просто подменяет одну парадигму другой, а делает акцент на самом изменении и на изменчивости мира в целом. Именно изменение в рамках этого нарратива способствует самоопределению личности; оно же позиционируется как прогресс [Rüsen 1987: 93-94].

Итак, нетрудно провести параллель между традиционным нарративом и статусно-роевой формацией, «эталонным» (*exemplary*) нарративом и нормативно-ролевой формацией, критическим нарративом и дивергентной формацией, и наконец, генетическим нарративом и конвергентной формацией.

Однако к западно- и восточногерманскому историческому нарративу классификация Й. Рюзена может быть применена иначе. Восточногерманские тексты, ставящие во главу угла смену формаций и прогрессивные течения, с этой позиции можно отнести к генетическому нарративу (см. 4.1.1).

Западногерманские тексты также могут обнаруживать акцент на значимости изменения: например, на становлении личности (см. 4.1.1).

Говоря о нарративном тексте, следует отметить, что в нём коммуникативные стратегии реализуются при помощи общих элементов повествования, направленных на достижение автором цели и объединяющие три компонента: *нарративную модальность* (также «риторическую компетенцию» субъекта речи или риторическую модальность [Тюпа 2016, электронный ресурс]), *нарративную картину мира* и *нарративную интригу* [Тюра 2014, электронный ресурс].

Если нарративная картина мира отождествляется с референтной компетенцией, то нарративная модальность определяется креативной компетенцией. Сам термин «риторическая модальность» близок к понятиям «точка зрения» (*point of view* [James 2001, электронный ресурс; Lubbock 1921: 69, 188]) и «фокализация» [Genette 2010]. По В. И. Тюпе, риторическая (и, в частности, нарративная) модальность – это «единая позиция субъекта речи, оцельняющая фрактальность повествовательного текста» [Тюпа 2016, электронный ресурс], причём под фрактальностью понимается варьирование точки зрения.

В зависимости от дискурсной формации нарративная модальность может быть четырёх типов: знания (статусно-ролевая формация), убеждения (нормативно-ролевая), частного мнения (дивергентная) и понимания (конвергентная) [Тюпа 2016, электронный ресурс].

Модальность убеждения можно проследить в восточногерманских текстах, подчёркивающих верность политической идеологии, например, при повествовании о развитии общества (см. 3.2.4, 4.1.1, 4.1.2). Модальность частного мнения может проявляться, в частности, в лейтмотиве «поиска себя» в западногерманском историко-биографическом нарративе (см. 4.1.1).

Дискурсные формации, модальности и картины мира могут рассматриваться не только в хронологическом порядке, но и в синхронии с точки зрения

причастности / непричастности к излагаемой истории. На полюсе максимальной непричастности находится модальность знания, на противоположном полюсе – мнения; промежуточные позиции занимают модальности убеждения и понимания [Тюпа 2016, электронный ресурс]. Непричастность в историческом нарративе подразумевает стремление историографа к объективному изложению событий (ср. [Acham 1977: 394; Mommsen 1977: 455-458]). С этой точки зрения промежуточное положение между полюсами максимальной объективности и максимальной субъективности занимают такие разные дискурсные формации, как нормативно-ролевая и конвергентная.

Что касается нарративной интриги, то под ней понимается «объяснительное сопряжение событий» (т. е. их последовательность, организованная определённым образом), «связывающее начало истории с её концом» [Рикёр 1998: 219-221]. Ср. идею о «напряжении» (*Spannungsbogen*), присущему нарративу благодаря обязательному наличию начала, середины и конца, объединённых интригой [Lämmert 1955: 23; Stierle 1979: 96; Koschorke 2012: 61; Köppe, Kindt 2014: 64-67]. Связывая начало и конец истории, интрига основывается на способности проследить цепочку событий между ними, а также ограничить ими повествование наподобие рамки [Lukács 1965: 80]. Х. Уайт в работе *Metahistory* [White 1975] и сборнике эссе *Tropics of Discourse* [White 1992] рассматривает конфигурацию эпизодов в соответствии с литературными традициями (трагедии, комедии, романа и сатиры), используя в значении, близком к «интриге» П. Рикёра, термин *emplotment*. Примечательно, что в методологии Х. Уайта категории литературного нарратива также применяются к фактуальному, историческому повествованию.

Выводы к главе 2

Историко-биографическая дискурсивная практика реализует коммуникативную интенцию объяснения исторических событий. Следовательно, в основе этой дискурсивной практики лежит стратегия аргументирования.

Эта общая стратегия реализуется при помощи частных стратегий информирования, объяснения, оценивания, самопрезентации и объективации. Они, в свою очередь, находят отражение в коммуникативных тактиках, имеющих в коммуникативном акте определённую языковую манифестацию.

С помощью одних и тех же средств языковой манифестации могут реализоваться различные коммуникативные стратегии, поскольку в основе каждой частной стратегии лежат нарративные компетенции – референтная (связана с формированием общей для историка и реципиента картины мира), креативная (связана с организацией автором событийной канвы повествования) и рецептивная (связана с учетом фактора адресата, или его читательской компетентности). Они неотделимы друг от друга и образуют триаду, но в рамках одной стратегии та или иная компетенция (или две компетенции) могут доминировать над другими. В зависимости от того, какая компетенция является доминирующей, коммуникативные стратегии реализуются различными способами.

Историческая школа и меняющаяся социальная реальность, в свою очередь, напрямую связана с соответствующей дискурсной формацией (статусно-ролевой, нормативно-ролевой, дивергентной или конвергентной). В рамках четырёх дискурсных формаций каждая нарративная компетенция реализуется по-разному.

Рассмотрение дискурсных формаций в диахронии позволяет отнести восточно- и западногерманский исторический дискурс к нормативно-ролевой и дивергентной формациям соответственно, однако такая строгая классификация представляется слишком обобщённой. При анализе западно- и восточногерманского историко-биографического дискурса особое значение имеет конвергентная формация, в частности, потому, что её прототипическим жанром является биография. Кроме того, генетический нарратив, соответствующий конвергентной формации в историческом дискурсе, делает акцент на изменении как двигателе прогресса, и подобная тенденция прослеживается в восточно- и западногерманских историко-биографических текстах.

Глава 3. Роль нарративных компетенций в развёртывании коммуникативных стратегий информирования и объяснения

Анализ референтной, креативной и рецептивной дискурсных компетенций в западно- и восточногерманском историографическом дискурсе даёт возможность проследить их общую аргументативную стратегическую направленность: исторические тексты имеют повествовательный характер, и нарратив выступает в них инструментом для аргументации. Также действие этих трёх компетенций позволяет выделить в рамках общей стратегии аргументирования частные стратегии: информирования, объяснения, оценивания, самопрезентации и объективации. Они, в свою очередь, отражаются в различных тактиках: рациональной аргументации, персонализации, аттрактивации, приписывания оценочных характеристик, сравнения и др.

Частные стратегии информирования и объяснения являются однодоминантами: в них основной нарративной компетенцией является референтная.

3.1 Стратегия информирования и средства её реализации в структуре текста

Стратегия информирования в историко-биографических текстах в первую очередь направлена на передачу информации об исторических событиях, явлениях и фактах, прямо и опосредованно связанных с личностью персонажа (ср. [Субботенко 2020: 258, 260]). Поскольку при информировании делается акцент на референтных событиях, на повествуемом мире и его особенностях, референтная компетенция при информировании доминирует над креативной и рецептивной.

Стратегия информирования реализуется в западно- и восточногерманском историческом нарративе при помощи тактик рациональной аргументации и апелляции к личному авторитету. Информирование опирается на исторические документы (источники, памятники), а также на утверждения о существовании чего-либо, указания на конкретные даты и точные цифры.

3.1.1 Тактика рациональной аргументации

Рациональная аргументация является аргументацией фактологической и опирается на источники, памятники и остатки.

Тексты, цитируемые историографами как источники и памятники, а также иллюстрации и комментарии к ним (о них пойдёт речь далее) являются паратекстуальными элементами. В терминологии Ж. Женетта [Genette 1989] паратекстами являются метанарративные элементы, включающие в себя:

- указание имени автора, посвящения, эпитафия, аннотации и любые иные сопровождающие указания, например, на тираж или количество страниц (т. е. средства, имеющие формальный характер);
- предисловия, заголовки и подзаголовки, примечания, а также дополнения содержательного характера, например, интервью или дневники.

Паратексты выполняют важную прагматическую функцию, информируя реципиента о том, какого рода текст перед ним находится и подходит ли он конкретно данному адресату (ср. [Genette 1989: 10, 15]). Паратексты можно считать элементами метанаррации, несущими метадискурсивную функцию: воспроизводить ситуацию создания и восприятия произведения [Пономарёва 2016: 6].

Паратекстуальные элементы выступают как сильные позиции, обращающие на себя внимание реципиента и позволяющие ему идентифицировать текст как принадлежащий тому или иному жанру. Поэтому их использование также определяется рецептивной компетенцией.

В качестве источников, служащих цели информирования, западно- и восточногерманские историографы используют дневники, письма, воспоминания и иные подобные тексты. В частности, биографы О. фон Бисмарка ссылаются, помимо прочего, на интервью своего протагониста, данное им журналисту Морицу Бушу [Engelberg 1991: 109; Gall 2002: 637].

В биографиях Мартина Лютера на основе оставленных им самим и современниками свидетельств историографы предоставляют информацию о

диспутах, которые вёл протагонист, о произносимых им «застольных речах» (*Tischreden*) [Kantzenbach 1972: 75; Brendler 1983: 406], о ходе Реформации и Шмалькальденском союзе князей [Kantzenbach 1972: 73; Brendler 1983: 409]. Историографы предоставляют ссылки на конкретные документы с указанием на названия и даты, например:

*„Neben den kürzeren **Schmalkaldischen Artikeln** (1536) und der aus dem Jahre 1539 stammenden Schrift „**Von den Conciliis und Kirchen**“ eignet sich der Große Katechismus am besten für eine erste Begegnung mit dem Theologen Luther“* [Kantzenbach 1972: 70].

*„...verfasste [Luther] ein Bekenntnis, bekannt geworden als die „**Schmalkaldischen Artikel**“. Sie muten an wie eine Korrektur zum „**Augsburgischen Bekenntnis**“...“* [Brendler 1983: 416].

В данных отрывках Ф.-В. Кантценбах (ФРГ) и Г. Брендлер (ГДР) не только информируют о трудах Лютера, из которых можно почерпнуть информацию о его взглядах и действиях, но и указывают на значимость и возможную интерпретацию этих трудов. Кроме того, на нарраториальную точку зрения указывает настоящее время глагола, что свидетельствует об интерференции референтной компетенции с креативной.

Приведение историографом свидетельств исторических личностей говорит об интертекстуальном характере историко-биографического нарратива. Письма, дневники и подобные эпитексты являются пре-текстами по отношению к основному историко-биографическому тексту. Наличие цитат и ссылок является приёмом аргументации, типичным для текстов научного дискурса [Steinhoff 2009: 104-105; Карчаева 2010: 14].

Биографы Фридриха II не только цитируют письма протагониста и членов его семьи, но и передают их содержание при помощи косвенной речи, что свидетельствует о наложении нарраториальной и персональной точек зрения.

Например:

„Liest man die Briefe der Beteiligten, so fühlten sich vor allem die Heranwachsenden zeitweilig in der Hölle. Die Mutter teilte ihre Gunst je nach Willfähigkeit der Kinder, hetzte gegen den König und lieferte Sohn und Tochter den Unwillen des Vaters aus“ [Mittenzwei 1987: 19].

На нарраториальную точку зрения указывает начало предложения (*Liest man*), на персональную (Фридриха и его сестры) — глагол *sich fühlen* и эмоционально-оценочная лексика (*in der Hölle, hetzte gegen den König*). Наличие эмоционально-оценочной лексики позволяет говорить о взаимодействии стратегий информирования и оценивания.

Цитирование и комментирование воспоминаний Отто фон Бисмарка информирует о способностях, которые «герой» биографии проявлял ещё в юности:

„...darf man dem alten Bismarck glauben, wenn er in seinen Lebenserinnerungen schrieb, dass er mit siebzehn Jahren von den historisch gewordenen Lebensverhältnissen „mehr zu beobachten Gelegenheit gehabt hatte als die meisten jener durchschnittlich älteren Studenten““ [Engelberg 1991: 99].

Приведение точной цитаты, а также использование настоящего времени и местоимения *man* также указывает на интерференцию персональной и нарраториальной точек зрения.

Стратегия информирования при косвенном цитировании свидетельств (например, писем) может взаимодействовать со стратегией оценивания. На основе писем историограф делает выводы о мыслях и намерениях исторической личности.

Например: *„...auf dem Gebiet der Außenpolitik entwickelte Friedrich in seiner Küstriner Zeit Ideen und Pläne, die er bis an sein Lebensende weiter verfolgte. ... Aus der Küstriner Zeit, dem Jahre 1731, stammt der berühmt-berüchtigte „Natzmer-Brief“ Friedrichs, der sein außenpolitisches Konzept für die Zukunft enthielt“* [Mittenzwei 1987: 27].

На документальную точность в данном отрывке указывает дата (год) и название письма, под которым оно известно историкам (письмо камергеру Нацмеру). При этом письмо, о котором историограф информирует реципиента, наделяется выразительным эпитетом *berühmt-berüchtigt*, что свидетельствует о негативной оценке высказываемых в письме идей. Тот же эпитет использует по отношению к этому письму и западногерманский историограф:

„*Damals ... schrieb der Zwanzigjährige [Friedrich] seinen berühmt-berüchtigten Brief...*, in dem er zum erstenmal seine Absicht bekundete, seine Außenpolitik auf Eroberungen abzustellen“ [Aretin 1985: 38].

К. О. фон Аретин (ФРГ) информирует здесь не только о содержании письма, но и о возрасте Фридриха на момент его написания (документальная точность) при помощи номинации (субстантивированное числительное «двадцатилетний»).

Памятниками, в отличие от источников, можно считать официальные документы типа королевских указов, а также литературные и научные труды исторических личностей. Памятники, как и источники, указывают на референтную компетенцию, поскольку они взяты историографом напрямую из того «мира», о котором он повествует.

В частности, биографы Фридриха II ссылаются на его философский труд *Antimachiavell* [Aretin 1985: 9, 45, 106-107; Mittenzwei 1987: 33-36] и два политических завещания (*Politische Testamente*) [Aretin 1985: 106; Mittenzwei 1987: 101, 145]. К. О. фон Аретин (ФРГ) даже приводит в качестве паратекстуального иллюстративного элемента копию рукописи «Антимакиавелли» [Aretin 1985: 10].

Биографии Мартина Лютера содержат ссылки на его богословские сочинения, например:

“*Das Thema der im März 1517 erschienenen Erklärung der sieben Bußsalmen, auch der 62. These [Luthers] berühmten 95 Sätze von 1517 wird schon angeschlagen in seinem Brief an einen Ordensgenossen...*” [Kantzenbach 1972: 26]. За

приведённым отрывком следует ссылка на письмо Лютера и цитация этого письма. На точную информацию об источнике указывают названия работ и даты.

Кроме того, в биографиях Мартина Лютера историографы информируют об особенностях и типах таких исторических документов, как индульгенции:

*„Ein solcher Diener der Kirche... war der Dominikaner Johannes Tetzel aus Pirna, ein **Ablasshändler... Ablasszettel...** waren gedruckte Briefe, die man kaufen konnte und auf denen zu lesen stand, dass der auf diesem Papier namentlich genannten Person oder dem Vorzeiger des Briefes die... **Bußstrafen für begangene Sünden auf soundsoviele Jahre erlassen** seien...“* [Brendler 1983: 107]. Далее биограф классифицирует индульгенции по типам (*„von Beichtbriefen und Butterbriefen“*) [Brendler 1983: 113].

Особый вид документов в историко-биографических текстах – элементы литературного и народного творчества (И. Г. Дройзен относит их к так называемым «остаткам» [Дройзен 2004: 97]). В частности, в обеих биографиях Фридриха приводится текст народной песни о его победах в Семилетней войне:

„Wenn unser großer Friedrich kommt

Und klatscht nur auf die Hosen,

So läuft die ganze Reichsarmee

Noch mehr als die Franzosen“ [Mittenzwei 1987: 124] (ср. также [Aretin 1985: 80, 88]).

Цитируя эту песню, историографы не только информируют адресата об отношении народа к Фридриху, но и подчёркивают эмоционально-оценочный характер песни. Оба автора «параллельных» биографий называют её «песней-насмешкой» (*Spottlied*) [Aretin 1985: 88; Mittenzwei 1987: 124]; следовательно, данный коммуникативный ход (цитация песни), помимо стратегии информирования, реализует и стратегию оценивания.

Документы, являющиеся литературными произведениями, не только цитируются в исторических биографиях, но и упоминаются в них косвенно. Примером служит автобиографический роман американского писателя Дж. Л.

Мотли *Morton's Hope*, отмеченный в обеих «параллельных» биографиях Отто фон Бисмарка [Engelberg 1991: 116; Gall 2002: 39]. Историографы приводят информацию об этом романе в связи с тем, что его автор был товарищем Бисмарка по студенчеству и изобразил будущего канцлера в одном из персонажей (что в глазах историка делает литературный документ также историческим).

Говоря о свидетельствах и документах в историко-биографическом нарративе, важно отметить их полимедиальность. Информацию об эпохе и персоналиях, помимо письменных документов, содержат также репродукции картин, написанных современниками. В частности, отдельными иллюстративными секциями с такими репродукциями дополнен текст К. О. фон Аретина, западногерманского биографа Фридриха II [Aretin 1985: 17-32; 49-64; 81-96; 129-144].

Кроме упомянутого иллюстративного материала, немаловажным паратекстуальным элементом историко-биографического текста, реализующим стратегию информирования в рамках рациональной аргументации, являются примечания (*Anmerkungen*). Они приводятся в конце текста, как финальные паратекстуальные элементы [Herre 1983: 547-562; Börner 1984: 279-285; Mittenzwei 1987: 233-240; Engelberg 1991: 650-703; Gall 2002: 849-893]. Примечания являются перитекстами (т. е. элементами в рамках основного текста), отсылающими к эпитекстам (элементам внетекстового происхождения; терминология Ж. Женетта [Genette 1989: 12]) и в отдельных случаях содержащими вкрапления эпитекстов (например, писем, воспоминаний или дневников).

Примечания позволяют говорить о взаимодействии референтной компетенции с креативной и рецептивной. Креативная компетенция примечаний выражена в их оформлении как «сильных позиций» (при этом у разных историографов оно может быть разным), а рецептивная – в возможности пользоваться ими как справочными элементами (в их прагматической значимости).

Ссылки на примечания оформляются в виде цифр, встречающихся в тексте по ходу повествования. Такой вид примечания имеют в историко-биографических текстах Э. Энгельберга, И. Миттенцвай и К. Х. Бёрнера (ГДР) [Börner 1984: 9, 16, 20, 25, 29, 38 usw.; Mittenzwei 1987: 17, 21, 27, 34, 55 usw.; Engelberg 1991: 17, 51, 131, 147 usw.]. Информрующие примечания могут быть пространны и представлять собой дополнения к основному повествованию (ср. [Engelberg 1991: 665-666; 678]) и даже отдельные исторические дискуссии, вынесенные за рамки основной наррации. Так, в одном из примечаний приводится письмо невестки Бисмарка историку Э. Марксу, где она оспаривает мнение историка о том, что письма молодого Бисмарка другу Шарлаху являются недостоверным источником [Engelberg 1985: 778-779]; ср. также [Engelberg 1991: 650; 654; 655; 660 и. а.].

Подобный характер носят и некоторые примечания у Л. Галля (ФРГ). Например, отдельные примечания, объясняющие термины и выражения, содержат продолжение повествования: краткий экскурс в биографии «второстепенных» исторических личностей, в частности, графа фон Хаугвица при объяснении окказионализма, принадлежащего персональной точке зрения:

„S. 171 „*Haugwitzeleien*“: An Leopold von Gerlach, 2. 8. 1852, GW 14, 275 (*Christian Graf von Haugwitz hatte als Gesandter in Wien und dann als preußischer Außenminister zu Beginn des 19. Jahrhunderts durch seine widersprüchliche Politik das Land schließlich in die völlige politische Isolierung und in die Niederlage von 1806 geführt*)“ [Gall 2002: 859].

Информирование в примечаниях может также апеллировать напрямую к разным видам потенциальных реципиентов текста и, следовательно, указывать на рецептивную компетенцию. Так, примечания к труду Л. Галля (ФРГ) предварены небольшим замечанием о том, что в первую очередь они содержат ссылки на непосредственные цитаты. Это замечание информирует, как могут пользоваться примечаниями разные читатели, специалисты и неспециалисты:

„Die Anmerkungen beschränkten sich mit wenigen Ausnahmen auf den unmittelbaren Zitatnachweis. ... Der **Fachmann** wird die Auseinandersetzung mit den

verschiedenen Interpretationen, Thesen und Kontroversen der Forschung auf Schritt und Tritt widergespiegelt finden. ... Und dem **allgemein interessierten Leser** ist nach aller Erfahrung an einem komplizierten wissenschaftlichen Apparat wenig gelegen. Daher begnügt sich **dieser** neben dem Nachweis der Zitate mit einer Quellenauswahl und einer die einzelnen Abschnitte der Darstellung folgenden Auswahlbibliographie“ [Gall 2002: 849].

В качестве свидетельств, не являющихся паратекстами, при реализации стратегии информирования используются статистические данные, например, результаты выборов в парламент:

*„Schon die Neuwahlen zum Abgeordnetenhaus am Tag **der Schlacht von Königgrätz, am 3. Juli 1866**, also noch bevor der Sieg bekannt war, hatten gezeigt, dass die Stimmung massiv umzuschlagen begann. Die Konservativen waren um mehr als hundert Sitze **von bisher fünfunddreißig auf einhundertsechunddreißig** emporgeschneilt. Demgegenüber hatten Linkes Zentrum und Fortschrittspartei fast ebensoviel eingebüßt und waren **von bisher zweihundertsiebenundvierzig auf einhundertachtzig** Mandate zurückgegangen“* [Gall 2002: 438].

Информируя о результатах выборов в прусскую палату депутатов, Л. Галль (ФРГ) поясняет возможную причину потери мест либералами. В качестве причины названо изменение настроений в обществе в ходе австро-прусской войны: названа дата (1866 г.) и локация значимой битвы (Кёниггрец, или Садова).

Тактику рациональной аргументации в рамках стратегии информирования реализует также толкование специальных терминов, обозначающих исторические реалии. Как уже упоминалось, сопровождение терминов пояснениями является особенностью, характерной для научно-популярного подтипа теоретического дискурса.

Например: *„**Ganz-, Halb- und Viertelbauern** – das stufte sich meist nach der Zahl der Zugpferde ab: etwa acht Pferde..., ansonsten vier oder... zwei Pferde“* [Engelberg 1991: 57] (пояснение к классификации крестьян в поместье Шёнхаузен);

„...[der Neuling] hatte sich vorzubereiten auf die „**Profeß**“, auf das Ablegen der Gelübde von Armut, Keuschheit und Gehorsam...“ [Brendler 1983: 27] (пояснение термина, обозначающего монашеский обет, в биографии Лютера).

Как видно, специальная лексика может быть выделена графически (заключена в кавычки). Она может вводиться и словом *sogenannt* («так называемый»): „[Der Kandidat hatte Kenntnisse] im Bereich der Staats- und Volkswirtschaftslehre, der **sogenannten Kameralwissenschaften**, ...nachzuweisen“ [Gall 2002: 40]; „...eine **sog. Kreisassoziation**, d. h. einen freiwilligen Zusammenschluss der Reichskreise...“ [Aretin 1985: 47]; „...artes bedeutet nicht nur Künste; es ist auch die <...> Bezeichnung für die Handwerke“ [Brendler 1983: 21] (латинские термины в целом типичны для биографий Лютера: ср. [Мовчан 2019: 96]).

Толкования терминов, свидетельствующие о пограничном положении историко-биографических текстов в структуре теоретического дискурса, можно считать «утверждениями о существовании» (*Existenzbehauptungen*) по классификации Г. М. Баумгартнера [Baumgartner 1977: 428]. Объяснение терминов указывает также на рецептивную компетенцию: при помощи языковых средств историограф истолковывает лексические единицы, которые могут быть не поняты целевой аудиторией, и, таким образом, расширяет эту аудиторию, в которую могут включаться реципиенты с разной степенью подготовки.

3.1.2 Тактика апелляции к личному авторитету

Тактика апелляции к личному авторитету в рамках стратегии информирования связана с тактикой рациональной аргументации, но более важна с позиции нарратологии. Она находит отражение в цитировании паратекстов: писем, дневников и других свидетельств, оставленных исторической личностью и формирующих её образ.

Тактика апелляции к личному авторитету позволяет сформировать образ исторической личности благодаря отсылкам к конкретным деталям, которые

представляются значимыми для передачи характера исторической личности и создания нарративного ракурса для её рассмотрения. Подбор необходимых деталей, дополняющих образ личности, из процитированных свидетельств и документов указывает не только на референтную компетенцию, но и на креативную.

Например, документом, создающим образ исторической личности, является история болезни Лютера [Kantzenbach 1972: 79-80]. Приведённые западногерманским историографом Ф.-В. Кантценбахом заметки врача информируют реципиента не только о состоянии здоровья протагониста, но и о его трудолюбии, о продуктивной работе вопреки плохому самочувствию:

„1530: 10 Monate krank mit Magenbeschwerden und Ohrensausen,

Produktion: 60 Predigten, 170 Briefe, 30 Schriften.

1536: 8 Monate krank, Schwindel, Hüftschmerzen und Nierenstein,

Produktion: 50 Predigten, 90 Briefe, 10 Schriften.

1543: 10 Monate kränklich,

Produktion: 3 Predigten, 85 Briefe, 10 Schriften.“ [Kantzenbach 1972: 80].

Тактика апелляции к личному авторитету находит своё выражение и в цитировании документов — памятников литературы. Например, при анализе переписки Бисмарка с его подругой Мари фон Тадден Э. Энгельберг (ГДР) приводит, в частности, посвящённые ей шуточные стихи авторства самого Бисмарка:

„Am letzten Dienstag sagten Sie,

Es fehlte mir an Poesie.

Damit Sie nun noch klar ersehn,

Wie sehr Sie mich da missverstehn,

So schreib ich Ihnen, Frau Marie,

In Versen, gleich des Morgens früh“ [Engelberg 1991: 180].

Приводя стихотворные и прозаические цитаты из писем, историограф представляет адресату авторов писем как разносторонних и талантливых личностей, не лишённых чувства юмора.

3.2 Стратегия объяснения и средства её реализации в структуре текста

Объяснение является одной из основных стратегий, присущих и историческому нарративу в целом, и теоретическому дискурсу в частности (ср. [Baumgartner 1979: 269; Данто 2002: 228, 237; Pfeifer 2014: 261-262]). Объяснение отличается от информирования установкой причинно-следственных или иных смысловых связей между событиями / фактами / явлениями [Benjamin 1991: 451-452; Forster 2000: 87; Lämmert 1955: 25; Тодоров 1975: 79; Chatman 1989: 30; Körpe, Kindt 2014: 43, 53].

Стратегия объяснения в историко-биографическом дискурсе позволяет проследить причинные и другие логические связи, функционирующие в представленной историографом картине мира (в том числе связь между исторической личностью и эпохой), ценности, лежащие в основе этой картины мира, а также построить аналитическую модель возможного мира, подобного повествуемому (ср. [Голоднов 2011: 310]).

В попытках установить в истории логические связи и, возможно, подвести историю под теорию референтная компетенция взаимодействует с креативной. Поиск логических связей между различными историческими событиями и явлениями демонстрирует авторскую позицию историографа и позволяет его тексту реализоваться как знание (коллективное), убеждение, мнение или понимание им определённых исторических событий (ср. [Тюпа 2001–1: 157]).

Наиболее простым и при этом наиболее важным типом смысловой связи представляется связь каузальная [Данто 2002: 81, 94; Körpe, Kindt 2014: 51]. Она может основываться на общих законах (дедуктивно-номологическое объяснение [Nempe 1964: 47-49]), или иметь вероятностный характер (вероятностно-

статистическое объяснение [Hempel 1964: 49-50] или частичная каузальность [Körpe, Kindt 2014: 52]).

Помимо каузальной связи, как говорилось ранее, в историческом нарративе выделяют также следующие типы связи:

- телеологическую [Lämmert 1955: 152; Körpe, Kindt 2014: 58], подразумевающую цель и её реализацию;
- пространственную и временную (из объединения событий пространством и временем, по мнению А. Кошорке, формируется каузальность [Koschorke 2012: 75]);
- эмоциональную [Velleman 2003; Körpe, Kindt 2014: 58], подразумевающую чувства и мысли исторической личности по поводу события, а также её намерения и желания [Körpe, Kindt 2014: 58] (ср. [Мовчан 2020]).

Стратегия объяснения реализуется в западно- и восточногерманском историко-биографическом нарративе при помощи тактик субъективного аргументирования, апелляции к авторитетам (личному и групповому), описания оценочных ориентиров, сравнения, апелляции к возможному прошлому и опровержения.

3.2.1 Тактика субъективного аргументирования

Тактика субъективного аргументирования в рамках стратегии объяснения выражается при помощи фактологического и ценностного обоснования. При этом одно и то же историческое событие в текстах разных историографов может быть объяснено по-разному.

Например, начало франко-прусской войны биограф Вильгельма I Ф. Герре (ФРГ) объясняет активными действиями Франции, стремлением «отомстить». В подтверждение своих слов историограф цитирует французскую прессу:

„„Rache für Sadowa“ wurde in Paris gefordert. „Die natürlichen Grenzen Frankreichs“ verlangte die Zeitung Pays, in erster Linie den Rhein. Napoleon wollte

wenigstens Luxemburg haben, als Entschädigung für Preußens Machterweiterung“ [Herre 1983: 372].

Западногерманский биограф Бисмарка Л. Галль утверждает, что как Франция, так и Пруссия шли к войне целенаправленно, и «виноватого» искать не стоит, поскольку каждая сторона преследовала свои цели:

„Die Frage der Verantwortung und somit die der „Kriegsschuld“ wird entgegen weitverbreiteter Meinung davon allerdings nur am Rande berührt. Keine Seite ist innerlich widerstrebend in diesen Krieg hineingestolpert oder gar hingerissen worden“ [Gall 2002: 483].

Утверждение о «целенаправленности» идёт в данном отрывке через отрицание: «никто не был втравлен в войну против воли». Использование пассивного залога в настоящем времени указывает на языковой и временной план историографа, в котором он полемизирует с потенциальными оппонентами, использующими термин *Kriegsschuld* (вина за войну).

Восточногерманские историографы К. Х. Бёрнер и Э. Энгельберг, напротив, возлагают ответственность за войну на Германию, в частности, на Бисмарка [Börner 1984: 203, 204; Engelberg 1991: 617]:

„Der Auftakt des von Bismarck 1870 provozierten Krieges lässt deutlich den Wandel in der Beurteilung Wilhelms I... erkennen. War 1866 der Kurs auf den Krieg ein wesentlicher Anlass für die Verschärfung der innenpolitischen Krise gewesen, so konnte vier Jahre später... die Begeisterung für den Krieg zu einer beängstigenden Euphorie angeheizt werden“ [Börner 1984: 203].

На ответственность Бисмарка за войну указывает здесь пассивное причастие *proviziert* в функции атрибута к лейтмотивному существительному *Krieg*. Здесь же далее историограф при помощи аналепсы («возвращения» в 1866 год) поясняет, как при помощи пропаганды войны власти могли манипулировать населением (существительное со значением причинности *Anlass*, эмоционально-оценочное сочетание *zu einer beängstigenden Euphorie angeheizt*). Таким образом,

стратегия объяснения сочетается здесь со стратегией оценки, а причинная связь между событиями – с временной и эмоциональной.

Биограф Бисмарка Э. Энгельберг (ГДР) отмечает, что у Германии были хорошие условия для начала войны, а у Франции плохие; при этом деятельность Бисмарка способствовала восприятию именно Франции как агрессора:

*„Napoleon bemühte sich noch in letzter Minute um Bundesgenossen... die innen- und außenpolitischen Schwierigkeiten, die dem entgegenstanden, waren jedoch zu groß, als dass ein militärisches Eingreifen möglich gewesen wäre... So waren die diplomatischen Bedingungen **für Preußen-Deutschland denkbar günstig, für das isolierte Frankreich dagegen sehr schlecht.** Durch die nach der Emser Depesche bekanntgewordene Garantieforderung und die darauffolgende Kriegserklärung standen Napoleon und seine Regierung vor der europäischen Öffentlichkeit als Friedensbrecher da. **Bismarck tat das Seine, um diesen Eindruck zu verstärken**“* [Engelberg 1991: 618].

Биографы Мартина Лютера по-разному подводят итоги диспута Лютера с Эразмом Роттердамским и У. Цвингли. По Ф.-В. Кантценбаху (ФРГ) в результате этого диспута было достигнуто согласие между разными ветвями Реформации, оппозиционеры «протянули друг другу руки, как братья»: *„1536 brachte die Wittenberger Konkordie wenigstens eine sehr weitgehende Übereinstimmung zwischen den Wittenbergern und den oberdeutschen Reformatoren. **Man reichte sich die Bruderhand**“* [Kantzenbach 1972: 68].

В то же время Г. Брендлер (ГДР) утверждает, что согласие достигнуто не было и каждая сторона осталась при своём мнении и приписала победу себе:

„Experimentell ließ sich die Frage nicht lösen, politisch auch nicht; so blieb ein jeder bei seiner Meinung und schrieb sich selber den Sieg zu“ [Brendler 1983: 379].

При объяснении историограф может прибегать к хеджингу, позиционируя себя как некатегоричного повествователя, подающего высказывания не как утверждения, а как предположения (в этом случае возможна интерференция со стратегией объективации). Хеджинг приобретает в историко-биографическом

дискурсе особое значение: он указывает на гипотетический характер высказывания и в то же время является средством избежания критики (ср. [Горина, Храброва 2017: 45]). Например:

„So **mag** auch der dreizehnjährige Wilhelm **empfunden haben, jedenfalls glaubte er** sein Leben lang, das Herz der Mutter sei am Unglück des Vaterlands zerbrochen...“ [Herre 1983: 59] (предположения историографа по поводу отношения протагониста к действительности);

„Friedrich **scheint** zu dieser Zeit psychisch außerordentlich labil **gewesen zu sein**“ [Mittenzwei 1987: 23] (некатегоричность за счёт «кажимости» (ср. [Мовчан 2019: 93])).

О хеджинге и стремлении к объективности при объяснении сигнализирует и форма сослагательного наклонения (*Konjunktiv II* и *Konjunktiv I*).

Например:

„Es **wäre falsch**, Wilhelm I. angesichts der Kanzlerdiktatur nur als Schattenfigur im System des deutschen Bonapartismus zu charakterisieren“ [Börner 1984: 221] (некатегоричность).

„Ob dies mündlich verabredet oder schriftlich festgelegt war, **sei dahingestellt**“ [Engelberg 1991: 138] (неосведомлённость историографа о порядках взаимоотношений землевладельца и батраков).

„Will **man** sich schnell und sicher über die Grundgedanken der lutherischen Lehren orientieren, so **lese man** [Luthers] Lieder“ [Brendler 1983: 316] (рекомендация для реципиента, как следует толковать идеи протагониста).

Другие модальные средства, напротив, придают высказываниям характер категоричных утверждений. Например:

„Der Bauernkrieg in Deutschland **muss** im Zusammenhang mit einer schon hundert Jahre in Gang befindlichen Bauernbewegung... **verstanden werden**“ [Kantzenbach 1972: 56] (рекомендация историографа по толкованию повествуемых событий);

„...*Erörterungen eines möglichen Bündnisses mit Frankreich darf man sicherlich... nicht allzu wörtlich nehmen*“ [Engelberg 1991: 373] (модальность выражает уверенность историографа в высказываемых им мыслях).

В случаях рекомендаций, подобных последнему примеру, тактика субъективного аргументирования взаимодействует с тактикой описания оценочных ориентиров, а референтная компетенция – с рецептивной.

3.2.2 Тактика апелляции к личному авторитету

Тактика апелляции к авторитетам, в частности, к личному авторитету, опирающаяся на цитаты, в рамках стратегии объяснения может трактоваться как истолкование действий и поведения исторической личности через её намерения, интересы и личностные особенности (т. е. реализация каузальной, телеологической и эмоциональной связи).

Так, оба биографа Мартина Лютера повествуют о грозе, повлиявшей на выбор протагонистом жизненного пути, и приводят его восклицание в форме прямой речи: „*Heilige Anna, hilf, ich will ein Mönch werden!*“ [Kantzenbach 1972: 19; Brendler 1983: 25]. Повествование о решении Лютера, связанном с сильным потрясением, реализует пролептические биографические константы «уже тогда» и «символическое происшествие», являющиеся частными проявлениями блока «начало пути героя», типичного для биографии (жизнеописания «замечательного человека») [ср.: Терпугова 2011, электронный ресурс]. В данной константе, значимой для образа героя в нарративной картине мира, каузальная связь реализуется синкретично с эмоциональной.

Нельзя не согласиться с А. В. Терпуговой, что влияние родителей на личность героя также является составным элементом концепта «замечательного человека» (героя), наряду с константами «уже тогда» и «символическое происшествие» [Терпугова 2011, электронный ресурс]. Так, в биографиях Фридриха II оба историографа также отмечают влияние отца протагониста на формирование характера сына:

„Seine [Friedrichs. – M. M.] Jugend und sein Konflikt mit dem Vater hatten ihn gezwungen, sich zu verstellen und zu heucheln. Dadurch war ein amoralischer Zug in sein Wesen gekommen, der ihn befähigte, gegen alle Regeln des Völkerrechts zu handeln... Die Schrecken seiner Jugend und **die Überzeugung, auserwählt zu sein**, die er allen Schikanen und Demütigungen des Vaters unbeirrt entgegengesetzt hatte, **hatten aus ihm einen Egozentriker gemacht**, der die ganze Welt einzig und allein auf sich und seine Person bezog“ [Aretin 1985: 42]. Как видно из текста, К. О. фон Аретин (ФРГ) рассуждает о другой особенности исторической биографии, упомянутой А. В. Терпуговой: об указании на уникальность, избранность персонажа. Данная цель используется при помощи прилагательного *auserwählt*, принадлежащего в данном случае перцептивному и идеологическому плану точки зрения самого Фридриха, а именно, его «убеждению» *Überzeugung*).

Говоря об отношениях будущего короля с отцом, И. Миттенцвай (ГДР) указывает как на «символичное происшествие» на казнь друга Фридриха, которая по приказу отца (Фридриха Вильгельма) произошла на глазах принца. И. Миттенцвай отмечает влияние именно этого действия на дальнейший характер Фридриха:

„Das schreckliche Erlebnis seiner Jugend **deformierte** ihn [Friedrich. – M. M.] und **brachte Charaktereigenschaften zur Entfaltung**, die **später** jedermann auffielen: **Zynismus und Menschenverachtung**“ [Mittenzwei 1987: 23].

Апеллируя к личному авторитету, оба биографа Фридриха также отмечают философские и общественные взгляды короля, прослеживая их формирование по оставленным Фридрихом документам и на основе анализа этих взглядов делая выводы о стремлении Фридриха к ведению войн. Например: „**Natürlich wusste Friedrich II., und er drückte es gegenüber Podewils und Schwerin auch aus, dass die Annexion eines so „reichen, fruchtbaren und volkreichen Landes“ die Einkünfte Preußens bedeutend vergrößern würde**“ [Mittenzwei 1987: 55]. Использование ментального глагола *wissen* и модальной лексики (*natürlich*) оправдано ссылкой на прямую речь самого Фридриха (цитирование письма).

Примечательно, что при апелляции к авторитетам особое значение могут приобретать не только референтная компетенция, но и креативная и рецептивная. Так, креативная компетенция позволяет реализовать тактику апелляции к личному авторитету, если под ним подразумевать другого историографа, на которого ссылается автор. При таком понимании авторитетов в данной тактике находят своё отражение такие типы связей, как каузальная (выведение исторических закономерностей из идеологий историографов можно считать имплицитной каузальностью) и эмоциональная.

Цитирование историков может быть оформлено при помощи завыченных цитат с указанием автора перед отрывком или после отрывка в скобках.

Например: „*Jeder Vertraute wurde mit einem Spitznamen bedacht und damit aufgezogen. „Friedrich liebte es, bei seinen Unterredungen den König zu vergessen, allerdings mit dem geheimen Vorbehalt, dass der ihm Gegenüberstehende den König nicht vergessen werde“ (R. Koser)“* [Aretin 1985: 147].

Описывая отношения между Фридрихом и приближёнными, западногерманский историограф без дополнительных уточнений и вводных конструкций переходит со своего речевого плана на цитацию другого историка, указывая автора в скобках.

Ср. также: „**Gerhard Ritter formuliert** stellvertretend für andere Fachgenossen: „*Nicht im Sinne einer Verteidigung oder Rechtfertigung... sondern in der viel bescheideneren Absicht, die reformatorische Tat recht zu verstehen, fragen wir nach den geistigen Ursachen der Reformation...*““ [Kantzenbach 1972: 17].

Цитируя Г. Риттера, занимавшегося церковной историей, Ф.-В. Кантценбах (ФРГ) указывает на аудиторию исторической биографии: на ценность исследования Реформации и жизни Мартина Лютера для научного сообщества (*Fachgenossen*). Данная особенность позволяет говорить о взаимодействии креативной компетенции с рецептивной.

Другой способ – вынесение комментариев со ссылками на историков в паратексты: [Börner 1984: 279-285; Engelberg 1991: 650-703; Gall 2002: 851-893] (комментарии к ссылкам на каждый документ, включая, в том числе, использованную историографию).

Коммуникативным ходом, направленным на апелляцию к личному авторитету, можно также считать указание на мысли, чувства и намерения исторических персонажей без ссылок на конкретные источники, в частности, оформление чувств и мыслей при помощи глаголов «внутренних процессов» (ср. [Hamburger 1987: 70, Мишалова 2012: 171-172]).

Так, биографы Отто фон Бисмарка апеллируют к личному авторитету, объясняя точки зрения персонажей. Например, Л. Галль (ФРГ) при помощи инверсии (со значением причинности) и лексики «внутренних процессов» объясняет действия Вильгельма не только через его положение, но и через его мысли:

*„Mochte Wilhelm... die Möglichkeit einer Abdankung... als Druckmittel gegenüber seinem Ministerium verwendet haben – **der Gang der Dinge zeigte ihm dann von Stunde zu Stunde deutlicher**, dass er diese Möglichkeit wohl ernsthaft erwägen müsse, **wollte** er nicht in eine Situation geraten, die mit seiner Auffassung vom Amt des Monarchen unvereinbar sein würde“* [Gall 2002: 276-277].

В следующем примере Э. Энгельберг (ГДР) объясняет действия Бисмарка через намерения, не ссылаясь при этом на конкретные источники, а упоминая их во всей совокупности (при помощи перечисления антонимичных эпитетов) и используя в качестве аргумента высказывание Г. В. Ф. Гегеля (*Hegelwort*) о намерении и действии:

*„Fragt man, was Bismarck während der ganzen luxemburgischen Krise... eigentlich **gewollt hat**, so wird man sich dabei nicht nur auf seine **schriftlichen und mündlichen, geheimen und öffentlichen** Äußerungen berufen können; sein Verwirrspiel in all diesen Monaten war so groß, dass auch hier das **Hegelwort** gilt: Die Wahrheit der Absicht ist die Tat selbst“* [Engelberg 1991: 561].

В этом случае можно говорить о взаимодействии референтной компетенции с креативной, поскольку речь, хоть и косвенно, заходит об использованных историографом источниках. Кроме того, настоящее время и использование местоимения *man* переносит реципиента в пространство историографа и потенциальных адресатов из научного сообщества, выступающих как соавторов. В связи с этим можно говорить и о проявляющейся здесь рецептивной компетенции в модальности понимания.

Частое использование ссылок также несёт идеологическую нагрузку, и это в первую очередь относится к восточногерманским историко-биографическим текстам. Например, нами обнаружены ссылки на Ф. Энгельса как историка [Brendler 1983: 205, 396; Börner 1984: 95, 187, 197, 272; Mittenzwei 1987: 34, 63, 192; Engelberg 1991: 527, 569, 699], на К. Маркса [Brendler 1983: 71, 346; Börner 1984: 131, 205, 253-254; Mittenzwei 1987: 81; Engelberg 1991: 30, 268, 527], на историка-социалиста Ф. Меринга [Mittenzwei 1987: 86-87], на Ф. Лассалья [Engelberg 1991: 695] и др.

Однако ссылки на подобные источники присутствуют и в западногерманских текстах. В частности, Ф. Герре (ФРГ) включает в свою библиографию восточногерманских авторов монографии о Пруссии Г. Фоглера и К. Феттера [Herre 1983: 549], Ф.-В. Кантценбах (ФРГ) – восточногерманского церковного историка Ф. Лау [Kantzenbach 1972: 100, 101]; К. О. фон Аретин (ФРГ) ссылается (с использованием прямой цитации) на «параллельную» восточногерманскую биографию 1983 года издания, написанную И. Миттенцвай (ГДР) [Aretin 1985: 100, 173]. Л. Галль (ФРГ) включает в свою библиографию различные труды Э. Энгельберга (ГДР) [Gall 2002: 901, 904], а Э. Энгельберг, в свою очередь, ссылается на «параллельную» биографию Л. Галля (ФРГ) [Engelberg 1991: 659].

Ссылки научных школ друг на друга могут быть связаны с тем, что «параллельные» биографии преимущественно составлялись в 70–80-е гг. XX века, когда в историографической школе ГДР начал проявляться интерес к

общегерманскому историческому наследию [Mittenzwei 1987: 74; Fischer, Heydemann 1988: 17-24; Neuhäuser-Wespy 1988: 141; Alter 1993: 23; Kruppa 2001: 106] и контакты между историографами разделённой Германии стали более тесными [Kupre 1988: 105; Lozek 2001: 22; Корнева 1998: 38].

3.2.3 Тактика апелляции к групповому авторитету

Помимо личного авторитета, в рамках стратегии объяснения историографы также апеллируют к групповому авторитету. Эта апелляция позволяет реализовать каузальную и эмоциональную связи между событиями. В качестве «авторитета» (или псевдоавторитета) в этом случае выступает некий обобщённый, неназванный источник, на самом деле историческим источником не являющийся: например, «глас народа». В связи с этой тактикой в рамках референтной компетенции можно говорить о «социальных индивидах» и их роли в нарративной картине мира. Под «социальными индивидами» [Данто 2002: 244] подразумеваются «коллективные» персонажи: отдельные человеческие общности, например, государства на политической арене (ср. [Lubbock 1921: 188-189; Рикёр 1998: 229; Berkhofer 1971: 47]).

В качестве коммуникативного хода, направленного на апелляцию к групповому авторитету, также выступает указание на мысли и чувства социальных индивидов без ссылок на источники.

Например: „*Nach dem harten Regime Friedrich Wilhelms I. hofften viele auf eine Erleichterung*“ [Mittenzwei 1987: 37] (о времени вступления Фридриха II на престол и новых надеждах в связи с окончанием жёсткого режима Фридриха Вильгельма; социальные индивиды обозначаются лексемой *viele* без указания на конкретные социальные слои).

„*In Paris war das Ansehen des preußischen Königs auf dem Nullpunkt angelangt. Man hielt [Friedrich] für einen Zyniker, der jeden verriet, der mit ihm zu tun hatte, und der seine menschenfreundlichen Tiraden nur zur Täuschung vorbrachte*“ [Aretin 1985: 46]. Социальные индивиды («парижане») обобщённо обозначаются неопределённо-личным местоимением *man*, и стратегия объяснения

взаимодействует здесь со стратегией оценки: Фридрих характеризуется как «циник» и лицемер в связи с его позицией в отношении войны за испанское наследство.

При этом важно заметить, что групповыми авторитетами могут являться носители популярных политических или иных идей. Например, К. О. фон Аретин (ФРГ) объясняет несчастный брак Фридриха и отношение его с женой через психоанализ. По утверждению историографа, привязанность к матери и сестре отрицательно сказалась на дальнейших отношениях Фридриха с женщинами:

„[Friedrichs] überstarke Bindung an die Mutter und die Schwestern sowie seine geradezu krankhafte Abneigung gegen Verheiratete in seiner Umgebung gehören zu seinem gestörten Verhältnis zum weiblichen Geschlecht“ [Aretin 1985: 39].

Объяснение с опорой на междисциплинарность и ссылки на популярные идеи позволяют говорить о его дедуктивно-номологическом характере (в связи с использованием сведений других наук). Кроме того, междисциплинарность свидетельствует об интерференции историко-биографического дискурса и научно-популярного.

3.2.4 Тактика описания оценочных ориентиров

Тактика описания оценочных ориентиров в историко-биографическом нарративе применяется не только к общепринятым ценностным категориям, но и к функционирующим в конкретной нарративной картине мира. Так, оценочные ориентиры в текстах западно- и восточногерманских историографов могут описываться в рамках политических идеологий, реализуя каузальный и эмоциональный типы связи между повествуемыми событиями.

Особое значение эта тактика приобретает в восточногерманских текстах, в частности, в эпизодах, объясняющих положение дел в ту или иную эпоху. При повествовании о рождении протагониста восточногерманские историографы указывают на политическую и экономическую ситуацию в государстве, имевшую

место на тот момент, со ссылкой на марксистскую теорию общественно-экономических формаций.

Например: „*Zur Zeit der Geburt Prinz Wilhelms befanden sich die Staaten des Heiligen Römischen Reiches Deutscher Nation schon im Sog der revolutionären französischen Ereignisse. Auch im friderizianischen Preußen... beschleunigte sich der Verfall des politischen und gesellschaftlichen Systems. Der Feudalismus, dessen Anfänge in den deutschen Territorien ein Jahrtausend zurücklagen, war nunmehr in das Stadium der Agonie getreten, und immer augenfälliger verschärften die bestehenden Produktionsverhältnisse die Krise des Gesellschaftssystems*“ [Börner 1984: 13].

В данном примере положение дел в государстве объясняется общественными процессами, как частными (влияние Французской революции), так и общими, с точки зрения применяемой историографом марксистской теории (смена общественных формаций). Также у И. Миттенцвай (ГДР) в панораме государства на момент рождения Фридриха повествуется о «трудных временах»; особенно подчёркиваются голод и бедность крестьян:

„*Gegen Ende des ersten Jahrzehnts befand sich das Land kurz vor der Katastrophe. Die Einnahmen aus Steuern und Domänen reichten ... nicht mehr aus... Am meisten litten unter den katastrophalen Zuständen die Bauern...*“ [Mittenzwei 1987: 12-13].

Здесь и далее опору на марксистскую теорию при объяснении событий и процессов можно считать видом рассуждения на основе общих законов (дедуктивно-номологическое объяснение) в противовес вероятностно-статистическим объяснениям, имеющим относительный характер.

При описании оценочных ориентиров в западногерманских историко-биографических текстах не указана идеология, которой могло бы быть отдано окончательное предпочтение. Однако западногерманские историографы основывают свои объяснения на демократических ценностях.

Например: „...*die Unterschiede zwischen den Menschen sind durch **die Entwicklung der Menschenrechte** in der Zeit der Aufklärung, durch **das demokratische Freiheitsdenken**, das die Moderne prägt, aufgehoben*“ [Kantzenbach 1972: 34].

В данном отрывке из биографии Лютера, написанной Ф.-В. Кантценбахом в ФРГ, подчёркивается значимость демократических ценностей, зародившихся, по мнению историографа, в эпоху Просвещения (ср. [Мовчан 2019: 94]).

Ср. также рассуждение К. О. фон Аретина (ФРГ), в котором он объясняет отрицательные стороны правления Фридриха недостатками абсолютистского режима:

*„Preußen wurde am Ende der Regierungszeit Friedrichs nicht schlechter regiert als einige andere Länder in dieser Zeit. Es zeigte sich nur immer deutlicher **die Schwäche der absoluten Regierung**, die über die Kräfte eines einzelnen ging*“ [Aretin 1985: 127].

3.2.5 Тактика сравнения

Тактика сравнения в историко-биографических текстах основывается на проведении исторических параллелей между различными аспектами повествуемого мира. Сравниваться могут как исторические личности (современники или живущие в разное время), так и целые государства и эпохи, а также события, имевшие место в разное время и приходившиеся или не приходившиеся на жизнь одной и той же исторической личности. Следовательно, данная тактика реализует пространственную, временную и эмоциональную типы связей между событиями.

В частности, в рамках одной и той же эпохи сравнивается сочетание различных идей в одной доктрине и при этом подчёркивается их противоречие. Так, биограф Вильгельма I Ф. Герре (ФРГ) критикует двуликость Новой эры, прибегая в качестве риторического средства к устойчивому мифологическому сравнению с «двуликим Янусом»:

*„Das Jahr 1859 offenbarte den Zwiespalt der Neuen Ära. Im Zeichen **des Januskopfes, der vorwärts wie rückwärts sieht**, standen schon die familiären Ereignisse“* [Herre 1983: 267].

И. Миттенцвай (ГДР), повествуя о «внутренней колонизации» (*Binnenkolonisation*), сравнивает проводимую Фридрихом II политику с традиционной политикой Гогенцоллернов в этой сфере (в частности, отца Фридриха, которого историограф цитирует в данном отрывке в оригинальной орфографии):

*„Von zwölf Friedensjahren ausgehend, nahm der Preußenkönig Aufgaben in Angriff, für die er zwischen dem ersten und dem zweiten Schlesischen Krieg weder Muße noch Mittel fand. Vor allem galt es, die **traditionelle Politik der Hohenzollern** wideraufzunehmen, für die schon Zeitgenossen den Begriff „Kolonisation“ geprägt hatten... hatte schon Friedrich Wilhelm I. erklärt: Wenn das „Land gut peupliert ist, das ist der rechte Reichtum eines Landes“. Friedrich II. **mag ähnliches gedacht haben**, als er... mehrere Edikte erließ, die Einwanderern nach Preußen... Privilegien... versprochen“* [Mittenzwei 1987: 84].

Историограф проводит параллель между идеями и действиями отца и сына в отношении «колонизации» новых земель. При этом мысли Фридриха, в отличие от процитированных идей отца, представлены в виде модальной конструкции со значением предположения (*mag ähnliches gedacht haben*), и далее это предположение объясняется при помощи итеративного повествования о действиях Фридриха (король выпускал эдикты, обещая привилегии).

В биографиях Бисмарка также находит отражение временная константа «уже тогда» как способ нарративного развития. Например, Э. Энгельберг (ГДР) проводит параллель между опытом, полученным Бисмарком в «студенческих товариществах» (*Burschenschaften*), и стремлением к объединению Германии:

*„...dazu gehörten auch **die Demonstrationen für staatliche Einheit und bürgerliche Freiheit auf der Hambacher Bergfeste**; den gegen den Bundestag um so leichteren Herzens als „Putsch“ abtun, als seine Teilnahme ihm sozial und politisch*

ohnehin fremd waren. *Fremd* aber war dem jungen Bismarck keineswegs die Erwartung, dass *eine staatliche Einigung Deutschlands in absehbarer Zukunft doch möglich sei*“ [Engelberg 1991: 109].

При этом связь между этими двумя явлениями является не столько каузальной, сколько тематической и эмоциональной (идея и отношение к ней) и выражена при помощи повтора прилагательного *fremd* и его выдвижения при помощи инверсии. Историограф отмечает, что демонстрации студентов, выступавших за объединение, были для Бисмарка выражением радикальных взглядов (т. е. не они вдохновили его на дальнейшие действия), но в то же время идея объединения как таковая была ему не чужда.

Сравнения также проводятся между разными государствами в одной временной плоскости, при этом государства могут представать как социальные индивиды – субъекты политического взаимодействия (например, Пруссия и Австрия):

„...Zwischen Preußen und Österreich als zwei europäischen Großmächten kann es nur Beziehungen auf der europäischen Ebene geben. Eine Einbindung in ein, modern gesprochen, multipolares regionales Bündnis widerspricht den beiderseitigen Großmachtinteressen, sofern damit nicht die eindeutige Unterordnung der einen unter die andere verbunden ist“ [Gall 2002: 166].

В данном отрывке нарраториальная и персональная точки зрения накладываются друг на друга: презенс указывает на передачу мыслей Бисмарка (в данном случае это краткое содержание его прямой речи, приведённой ранее на той же с. 166).

Сравнения параллельных событий в странах могут также находиться на стыке нарраториальной и персональной точек зрения. Например, идеи Вильгельма-принца по поводу военной службы (не сокращать её, чтобы не было волнений) объясняются его нежеланием (и нежеланием его приближённых) допустить в Пруссии восстания, подобного восстанию декабристов в России:

„...*schloss [Wilhelm] die Revolutionsgefahr für Preußen nicht mehr aus, nachdem ihm Wittgenstein die Möglichkeit ähnlicher Vorgänge, wie sie sich in Russland 1825 in Form des Dekabristenaufstandes ereigneten, auch für Preußen suggeriert hatte...*“ [Börner 1984: 39].

Точка зрения Вильгельма находит здесь реализацию в глаголе «внутреннего процесса», обозначающем мысли (*schloss nicht mehr aus*). Интерференция нарраториальной и персональной точек зрения, реализующаяся на языковом уровне, позволяет говорить и о взаимодействии референтной и креативной компетенций.

Персоналии, являющиеся представителями разных государств и выступающие в текстовой структуре в роли персонажей исторического нарратива, также сравниваются, при этом их действия и позиции объясняются идеологиями и пониманием исторических процессов.

Например: „*Der lebendige politische Instinkt, der **einem Bismarck, einem Gortschakow und selbst einem Alexander II.** ein partielles Verständnis für die historisch-politische Entwicklung verschaffte, fehlte in den Anschauungen Leopold v. Gerlachs* völlig. So hielt er die Welt für verrückt und Abwarten in der Außenpolitik für das bestmögliche“ [Engelberg 1991: 377].

В данном отрывке Бисмарк противопоставляется другому консерватору, Леопольду фон Герлаху, и историограф подчёркивает различия в их позициях и образе мыслей, уподобляя при этом Бисмарка российским политическим деятелям: А. М. Горчакову и Александру II. Ставя их с Бисмарком на одну ступень, историограф предваряет имена и фамилии деятелей неопределённым артиклем. Артикль *ein* здесь указывает на обобщённость позиции повествователя-биографа, ставя во главу угла качество («живой политический инстинкт»), присущее разным государственным деятелям, в том числе и трём перечисленным.

Будет уместным упомянуть также сравнение Мартина Лютера с его современником, лидером крестьянского восстания и другим идеологом Реформации Томасом Мюнцером. У Ф.-В. Кантценбаха (ФРГ) при сравнении этих

личностей нарраториальная точка зрения взаимодействует с персональной, при помощи оценки, которой оба реформатора в речевом плане историографа наделяют друг друга. В частности, Ф.-В. Кантценбах истолковывает термин *Schwärmer*, которым Лютер критически оценивает Мюнцера, и объясняет, что на самом деле, с его позиции, это слишком общее понятие:

„Luthers Begriff „Schwärmer“ war ein negativ gefärbtes Werturteil, unter das verschiedene Einzelgänger, Spiritualisten, Täufer und auch eine Gestalt wie der apokalyptische Revolutionär Thomas Müntzer subsumiert wurden“ [Kantzenbach 1972: 57]. Далее приведена точка зрения Мюнцера в отношении Лютера: *„Seit 1524 ist Luther für Müntzer nur noch der intrigante Gegenspieler... Müntzer vermag in Luther nur den selbstsicheren Reformator und devoten Fürstendiener zu sehen“* [Kantzenbach 1972: 58]. На точку зрения персонажа здесь указывает, в частности, настоящее время и глагольный оборот с ментальным значением *zu sehen vermögen*.

Г. Брендлер (ГДР) при этом утверждает, что импульс, заданный Лютером, повёл движение Реформации в противоположную Мюнцеру сторону, и в этом трагедия Лютера как «представителя интеллигенции», а не низших слоёв:

(1) *„Luther ordnete sich... einem Status innerhalb des feudalen Gesellschaftssystems zu, der ihn zunächst aus unmittelbaren Bindungen an soziale Klassen und Schichten herauslöste... In Luther tritt uns ein Intellektueller unter den spezifischen Bedingungen seiner Zeit entgegen. Diese Schicht der frühen Intelligenz... befand sich in mancherlei Abhängigkeiten...“* [Brendler 1983: 344].

(2) *„[Luthers] Tragik... bestand darin, dass ihn seine Klassenposition an die Seite der Obrigkeiten und damit ... in einen Gegensatz zu den Konsequenzen seiner eigenen Bewegung führte“* [Brendler 1983: 348].

Оба примера демонстрируют, что идеологическая импликация (рассмотрение образа Лютера с позиции восточногерманской историографии) позволяет говорить о наличии только нарраториальной точки зрения.

Сравнения-пролепсы и сравнения-аналепсы имеют отсылки к схожим событиям, имевшим место раньше или позже. Например, война 1866 года у

Л. Галля (ФРГ) сравнивается с франко-прусской на предмет имеющихся проблем и способа их решения:

„...das, was zugleich die Kriege von 1866 und 1870/71 charakterisiert: Dass hier wie dort nichts eigentlich Neues anvisiert, sondern unter möglicher Bewahrung des Bestehenden nur dem eine neue Form zu geben versucht wurde, was inhaltlich bereits vorhanden war und so oder so nach Geltung und Durchsetzung drängte“ [Gall 2002: 425].

Сравнение эпох может быть связано с поиском важных вех, позволяющих историографам объяснить, с какого момента следует отсчитывать ту или иную «эру». В частности, К. Х. Бёрнер (ГДР) предлагает отсчитывать «новую эпоху» в XIX веке не с возникновения Германской империи, а с Парижской коммуны – первой пролетарской революции в истории:

„Nicht die Gründung des Deutschen Reiches bildete den Ausgangspunkt einer neuen Epoche, wie die großpreußisch-deutschen Politiker und Historiographen des Kaiserreiches behaupteten, sondern die Pariser Kommune, die erste proletarische Revolution in der Weltgeschichte. Die Zeit des historischen Aufstiegs der Bourgeoisie war vorüber“ [Börner 1984: 214].

Объясняя начало новой эпохи важным событием (*die Pariser Kommune*), историограф также полемизирует с другой точкой зрения, обобщённо называя своих оппонентов «великопрусскими политиками и историографами» и не приводя конкретных цитат, вследствие чего его аргументация приобретает характер риторического суждения.

3.2.6 Тактика апелляции к возможному прошлому

Тактика апелляции к возможному прошлому реализуется путём построения в повествовании исторических альтернатив («возможных миров» в рамках повествуемой картины мира). Данная тактика реализует каузальную и эмоциональную связь между событиями, причём последняя позволяет указывать на важность события, на основе которого строится альтернатива. Акцент на

грамматической стороне альтернативности, а также на отборе событий и деталей по критерию важности позволяет говорить о взаимодействии референтной компетенции с креативной применительно к данной тактике. Креативная компетенция в этом случае проявляется как прогностическая компетенция историографа: рефлексирова о нереализуемых возможностях применительно к прошлому, историк-биограф выстраивает возможное будущее для каждого конкретного исторического события.

В работах историков ГДР и ФРГ альтернативные модели изображаемых событий не строятся на перечислении их деталей, но указания на возможные альтернативы в развитии событий имеют место и подчёркивают относительную важность различных эпизодов и идей. Грамматическое средство реализации альтернативности в истории – сослагательное наклонение (*Konjunktiv II*) в формах плюсквамперфекта и претерита, по классификации А. Доршеля – второго (критического) типа [Dorschel 2008: 33-34].

Например:

*„Insgesamt wurden unter Friedrich 57475 Familien neu angesiedelt, was unmöglich **gewesen wäre**, **hätte** man ihnen in Preußen **nicht** besondere Privilegien **eingeräumt**“* [Aretin 1985: 109] (альтернативность через условие).

*„Dieser Forderung [Aus der Bibel widerlegt zu werden. – M. M.] nachzugeben **hätte** die Selbstenthronung des Papsttums **bedeutet**, denn das Papsttum beanspruchte das Recht, verbindlicher Interpret der Bibel zu sein“* [Brendler 1983: 145] (указание на стремление Лютера толковать Библию по-своему, вне зависимости от официальных толкований церкви).

В отдельных случаях конъюнктив первого и второго типов играет двойственную грамматико-семантическую роль: передаёт не только историческую альтернативу, но и косвенную речь или мысли личности, тем самым иллюстрируя размышление об альтернативе с её позиции. С помощью косвенной речи выражаются намерения или желания, присутствующие в

биографическом нарративе при характеристике исторической личности посредством использования связанных с ним исторических документов.

Например: „*Friedrich Wilhelm I. beschrieb..., wie er **sich** bei Gelingen der Flucht **verhalten hätte***“ [Mittenzwei 1987: 20].

Это высказывание с позиции короля Фридриха Вильгельма о нереализованной возможности (неудавшемся побеге сына). В подобных случаях можно говорить о наложении точек зрения историографа и персонажа в композиционно-речевом плане текста биографии. Ср. также:

„*Diesen Krieg... **hätte** der Monarch **sicher** gern **vermieden**, nicht aber einen Krieg überhaupt...*“ [Mittenzwei 1986: 116] (конъюнктив фиксирует желание Фридриха, не осуществлённое в прошлом; на косвенную речь указывает прямая речь, свидетельство Фридриха о нежелании вести войну, приведённое историографом).

В последнем отрывке, где в несобственно-авторском повествовании налагаются друг на друга точки зрения персонажа и историографа, преобладает последняя – за счёт использования модального слова (*sicher*) и авторской иронии по поводу несоответствия между словами Фридриха, говорившего о нежелании воевать, и его действиями.

Значение конъюнктива II, помимо прочего, включает семантику неисполненного желания или неосуществлённой возможности. В этих значениях используются как претерит, так и плюсквамперфект конъюнктив. Данное значение можно также рассматривать в биографическом нарративе как один из подвидов исторической альтернативы.

Например: „*Die preußische Reiterei... jagte... zwischen den beiden eigenen Infanterielinien dahin und **hätte** sie **niedergeritten**, wäre nicht auf die Flüchtenden geschossen **worden***“ [Mittenzwei 1986: 61].

Несостоявшаяся возможность, как видно из контекста, может быть как желательной для историографа или персонажей, так и нежелательной, т. е. нести различную оценочную нагрузку. Предложения с отрицанием в конъюнктиве

также могут рассматриваться как подвид исторической альтернативности (с объяснением, почему то или иное событие или состояние являлось единственно возможным).

Например: „...*Friedrich besaß bei seinem Einfall in Schlesien keine Bundesgenossen, und **nichts hätte nähergelegt**, als diese Gelegenheit zu ergreifen, um mit Frankreich Verbindungen anzuknüpfen*“ [Aretin 1985: 14]. Союз с Францией благодаря отрицанию представляется историографу, передающему позицию кайзера, единственным возможным решением.

Это значение конъюнктива реализуется в предложениях, через отрицание, выражающее невозможность определенных социально-политических событий.

Например: „*In der Verbundenheit mit der Monarchie im Glück und Unglück waren sich alle Offiziere einig; ohne diese gemeinsame Ausrichtung auf die Dynastie **wären weder** die militärischen **noch** zivilen Reformen **möglich geworden***“ [Engelberg 1986: 68] (двойное отрицание посредством составного союза *weder... noch*).

Стоит отметить ещё одно значение конъюнктива II, не относящееся к семантике альтернативности напрямую. Оно сигнализирует о некатегоричности высказывания, однако может реализоваться и синкретично с альтернативностью. Выражение некатегоричности через конъюнктив – важное средство реализации нарраториальной точки зрения в историко-биографических текстах. В подобных случаях модальное значение наряду с формами конъюнктива имеет и лексика со значением неуверенности и предположения.

Например:

„*[Friedrichs] krankhaftes und bösertiges Misstrauen gegenüber seinen Beamten ... bestimmten den König ...zu einer Maßnahme, die **wohl** zu dieser Zeit in keinem anderen Land **möglich gewesen wäre**...*“ [Aretin 1985: 114].

„*Nicht eine blaustrümpfige Landpomeranze **hätte** auf Bismarck auch als Gesprächspartnerin so anziehend **wirken können**, **wohl** aber eine junge Frau...*“ [Engelberg 1986: 201-202] (о подруге Бисмарка Мари фон Тадден). Наречие *wohl* выражает в обоих примерах модальное значение высокой степени уверенности.

В целом следует отметить, что как в западно-, так и в восточногерманском историческом дискурсе большинство приведённых альтернативных конструкций не являются развёрнутыми, а ограничиваются одним-двумя предложениями и отсылают к отдельным действиям и событиям.

Например: *„Das hatte Bismarck abgelehnt, ablehnen müssen, da ein solcher Übergang zur Wochenblattpartei für ihn politischer Selbstmord **gewesen wäre**“* [Gall 2002: 186] (о политических идеях умеренных либералов, не близких Бисмарку).

В отдельных случаях имеют место и развёрнутые альтернативные построения, включающие в себя часть этого контекста и повествующие о возможном развитии события более детально. В частности, в том же тексте Л. Галля (ФРГ) читаем такой фрагмент:

*„Auf einem anderen Blatt steht die Frage, ob sich Bismarck der ... Annexionsforderung aus der deutschen Öffentlichkeit wirklich ernsthaft **hätte entziehen können. Die Schonung Österreichs** 1866 musste er lediglich seinem König und der Mehrheit des Militärs abtrotzen. **Eine Schonung Frankreichs** hingegen **wäre** nur gegen den Widerstand eines erheblichen Teils der deutschen öffentlichen Meinung durchzusetzen **gewesen**. Und das wiederum **hätte...** die Bereitschaft schrumpfen **lassen**, sich im Interesse einer Einigung Deutschlands mit deren inneren Form... abzufinden. Es **hätte** den Kritikern eines bloßen Anschlusses an den von Preußen beherrschten Bund zusätzlich Auftrieb **gegeben**“* [Gall 2002: 509].

В данном примере при передаче альтернативности чётко прослеживается речевой план историографа за счёт использования презенса (*Auf einem anderen Blatt steht die Frage...*). Здесь альтернативность (ирреальность) в контексте пересекается с реальностью, конъюнктив — с индикативом: о политике по «австрийскому вопросу», как об имевшей место в реальности, повествуется в индикативе, в то время как о возможной политике по отношению к Франции — в конъюнктиве. Данное различие подчёркивается благодаря анафоре (*Die Schonung Österreichs / Eine Schonung Frankreichs...*).

Если говорить об объектах и приёмах альтернативного контекста, то следует отметить, что в западно- и восточногерманских исторических биографиях для построения альтернатив используются такие приёмы, как удаление и добавление (ср. [Нехамкин 2006: 138]).

Например:

„...wie **hätten sich** die Dinge... **entwickeln können**, wenn 1520 oder 1530 ein Konzil **einberufen worden wäre?**“ [Kantzenbach 1972: 74] (добавление событий, возможных в указанные годы). Далее ответ на поставленный риторический вопрос, также в конъюнктиве: „Aber die vor dem Schloss Versammelten waren in den vergangenen Wochen vom Militär zu sehr als „Bürgerkanaille“ bevormundet und schikaniert worden, als dass man die Forderung nach seinem Abzug **vergessen hätte**“ [Engelberg 1986: 262] (о демонстрации в связи с королевскими указами и об отношении армии к демонстрантам; удаление события); „Gab es in Preußen tatsächlich ein Bürgertum, das die Rolle des Adels **hätte übernehmen können?** Dies lässt sich mit Sicherheit nicht guten Gewissens bejahen“ [Aretin 1985: 110]. (добавление фактора (наличия особого сословия – буржуазии, которая могла бы взять на себя функции дворянства)).

Помимо событий и факторов, удаляться и добавляться могут также персоны, например: „**Wären** die Russen Friedrich **gefolgt**, sie **hätten ihn vernichten können**“ [Aretin 1985: 99] (добавление события в сочетании с удалением личности: «уничтожением» Фридриха); „...Bruder August Wilhelm **wäre** – an Friedrichs Stelle – ein Spielball seiner Generale **geworden**“ [Mittenzwei 1987: 139] (подстановка брата на место Фридриха).

3.2.7 Тактика опровержения

Отдельной тактикой в рамках объяснения можно считать опровержение, реализующее между повествуемыми событиями каузальную и эмоциональную связи. Опровержение имеет место в случаях несогласия историографа с мнениями других историков, и тогда позиция данного историографа аргументируется (ср.

[Покотыло 2017: 170]). В связи с этим можно говорить, что тактика опровержения синкретично реализует рецептивную компетенцию и обладает свойством диалогичности.

Например, И. Миттенцвай (ГДР) подробно анализирует сцену чествования Фридриха при его возвращении с победоносной войны в Берлин. Ссылаясь на исторический источник (текст газетной заметки, опубликованной в повествуемое время), И. Миттенцвай стремится воссоздать эпизод, чтобы подчеркнуть, что чествование Фридриха было не столь торжественно, а энтузиазм народа – не столь велик, как представлено в трудах историков:

*„Nach den Berichten zahlreicher Historiker vor allem des 19. Jhs. wurde [Friedrich] hier ein triumphaler Empfang zuteil... Gejubelt wurde tatsächlich. Und doch wird man heute mit mehr Skepsis fragen müssen, wer da in Begeisterungsrufe verfiel und warum? Liest man die „**Berlinischen Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen**“..., erfährt man Genaueres. Der allgemeine Taumel löst sich dann in **Beifallskundgebungen ganz bestimmter Gruppen** auf... Also: die jungen Kaufleute, der Magistrat, Bürger-Kompagnien, Kirchen- und **Schulbediente, Gymnasiasten und das Volk – sie alle begrüßten den Sieger. Lässt diese Schilderung nicht den Verdacht von wenig Spontanität und viel Organisation aufkommen?** <...> Wie gern stimmt das Volk in einen solchen Jubel ein, wenn es vor Freude über den Frieden trunken ist, wenn es Erleichterung darüber verspürt, noch einmal davongekommen zu sein...“* [Mittenzwei 1987: 78-79].

Опираясь на газетную сводку, историограф высказывает сомнение во «всеобщем» торжестве и отмечает (в предложении, начинающемся со слова *Also...*, которому в тексте предшествует цитата из газеты), что короля приветствовали лишь конкретные группы населения. Поведение народа И. Миттенцвай объясняет также эмоциями и общечеловеческим опытом: *„Wie gern stimmt das Volk in einen solchen Jubel ein, wenn es vor Freude über den Frieden trunken ist, wenn es Erleichterung darüber verspürt, noch einmal davongekommen zu sein ...“* Такое объяснение с опорой на общечеловеческий опыт является, по

М. Флудерник [Fludernik 2009: 59-60], не научно-историческим, а собственно нарративным. Кроме того, опора на опыт в историческом повествовании является одним из признаков, характерных для научно-популярного дискурса (ср. [Чернявская 2007: 43]).

Западно- и восточногерманскими историками опровергаются не только высказывания других историографов, но и популярные легенды. Например, биографы Мартина Лютера Ф.-В. Кантценбах (ФРГ) и Г. Брендлер (ГДР) развенчивают легенду о том, что свои «95 тезисов» Лютер прибавал на двери церкви в Виттенберге:

*„Dass Luther die Thesen angeschlagen **habe**, behauptet sein Freund Melanchthon erst 1546... Von einem Anschlag der Thesen an der Schlosskirche zu Wittenberg sagt Luther selbst nichts“* [Kantzenbach 1972: 27]. В этом фрагменте на сомнение в утверждениях Меланхтона указывает не только конкретная дата, но и использование конъюнктива I при передаче косвенной речи.

*„Beim Thesenanschlag handelte es sich **nur der Form nach** um einen Aufruf zur akademischen Disputation, **nicht der Sache nach**“* [Brendler 1983: 115]. Здесь опровержение дается без ссылок на источники и без полемики, присутствующих в тексте Ф.-В. Кантценбаха, а только при помощи противопоставления «формального» и «фактического».

В случае ярко выраженной критической точки зрения историографа тактика опровержения, помимо референтной, реализует рецептивную компетенцию. В частности, Л. Галль (ФРГ) критикует предшествующие труды историков, считавших договор в Ольмюце тактической победой Пруссии:

*„Im Rückblick haben **manche Historiker** in Olmütz, unbeschadet der augenblicklichen Demütigung, so etwas wie einen taktischen Sieg Preußens gesehen... Doch **für den unmittelbaren Zeitgenossen** stand die vollständige Demütigung Preußens alles beherrschend im Vordergrund. Selbst dort, wo man sie... als Ergebnis einer auf der ganzen Linie verfehlten Politik ansah, dominierten vielfach **die Empörung über das***

brutale Vorgehen Schwarzenbergs und Gefühle verletzter Vaterlandsliebe“ [Gall 2002: 124].

Как видим, при критике других историков здесь применяется также тактика апелляции к групповому авторитету, взаимодействующая с тактикой указания на неточность. Во-первых, историограф не приводит конкретных ссылок и называет своих коллег обобщённым термином *manche Historiker*. Во-вторых, в данном отрывке на нарраториальную точку зрения накладывается точка зрения социальных индивидов: историограф ставит себя на место современников и с применением лексики «внутренних процессов» (*Empörung, verletzte Vaterlandsliebe*) описывает их возможные эмоции, опровергая точку зрения «некоторых историков».

Помимо оценки событий и действий, опровергаться может и оценка личности в целом. Так, Л. Галль (ФРГ) критикует мнения тех, кто бездумно восхищается Бисмарком и его политикой в 1878 г., отмечая, что события этого года завершились кризисом:

“Für den Nachgeborenen wird die Wandlung, sofern er nicht im Bann einer negativen Bismarck-Bewunderung verharret..., bereits im Verlauf der schweren... wirtschaftlichen Krise sichtbar, in die das Reich nach 1873 geriet. Sie weitete sich schon bald zu einer politischen Krise und damit zu einer Krise des von Bismarck geschaffenen politischen Systems aus” [Gall 2002: 606].

Обобщённому «потомку», являющемуся поклонником Бисмарка, приписывается яркая негативная оценочная характеристика (*im Bann einer negativen Bismarck-Bewunderung verharret*). Трёхкратный лексико-семантический повтор *Krise* связывает предложения, служа имплицитным выражением причинности повествуемых событий и указывая на то, как один кризис повлёк за собой другие.

При этом, говоря о самой личности Бисмарка, историограф характеризует многие действия протагониста больше как эксперименты, чем как нечто продуманное, и предостерегает потенциальных коллег от ложных выводов.

Например:

*“Viele Historiker sind unter dem Eindruck der weiteren Entwicklung, der schrittweisen Ausschaltung der Liberalen..., dem Aufbau einer wesentlich an den agrarischen Interessen orientierten neuen konservativen Partei unter Bismarcks tätiger Mitwirkung und schließlich dem Ausgleichsversuch mit dem Zentrum, **geneigt gewesen**, zwischen diesen Ergebnissen und der Zielsetzung der Bismarckschen Politik in den Jahren davor, etwa seit 1873/74, eine direkte Verbindungslinie zu ziehen. Mit Hilfe einer solchen Deutung last sich ein sehr effektvolles Bild seines Wirkens... entwerfen...*

*In einer solchen Deutung **erscheint Bismarck ... als derjenige, ...der sämtliche Zusammenhänge mehr oder weniger souverän beherrschte, sie bestimmte und lenkte**. Aber sind die Beweise... wirklich ausreichend und stichhaltig? Wird hier nicht wieder, **ständige Versuchung für jeden Historiker**, die vielfach verschlungene Kette von Ursachen und Wirkungen in ihrem schließlich dominierenden Strang sozusagen intentional eingefärbt, zum Ergebnis **vorformulierter Absichten und Pläne** eines einzelnen oder einer kleinen Gruppe erklärt?*

*In der Tat war der Gang der Dinge... sehr viel ambivalenter... Er wurde noch so sehr von weit ausgreifenden kühnen Planungen und einem breit angelegten Konzept bestimmt als vielmehr von einer Seite oft **eher tastender Versuche**, zu einer tragfähigeren Lösung des Verhältnisses zwischen Regierung und Parlament, ...zwischen dem monarchisch-bürokratischen Staat und der neuen, bürgerlichen Gesellschaft zu gelangen. Diese Versuche standen darüber hinaus im Zeichen eines stürmischen sozialen Wandlungsprozesses...” [Gall 2002: 616-617].*

Итак, во всех примерах Л. Галль (ФРГ) не ссылается на конкретных историков, «склонных видеть» в действиях Бисмарка точный расчёт и всё произошедшее сводить именно к его действиям и планам. Он объединяет авторов, с которыми полемизирует (*viele Historiker*), используя тактику апелляции к групповому авторитету. Действия протагониста западногерманский историограф трактует как опыты, проводимые «ощупью» (*tastende Versuche*), рассматривая их также в контексте более широкомасштабных общественных процессов.

При реализации стратегии объяснения сочетание опровержения с апелляцией к групповому авторитету характерно для критики «буржуазных историков» в восточногерманских текстах. В частности, И. Миттенцвай (ГДР) критикует «буржуазных историков» (не приводя в тексте конкретные труды) за их переоценку роли сословных представительств в управлении государством сразу после вступления Фридриха II на престол:

*„In der bürgerlichen Geschichtsschreibung besteht seit Jahren eine Richtung, die eine Traditionslinie von den Ständevertretungen zu den späteren Parlamenten zieht und die Stände als ein Gegengewicht gegen die Allmacht der absoluten Herrscher begreift... In Brandenburg-Preußen verlangten die Stände beim Regierungseintritt des neuen Herrschers nur eine Einschränkung der absoluten Gewalt im eigenen, **klassenmäßig beschränkten Interesse**“* [Mittenzwei 1987: 42]. Подчёркивая абсолютную власть правителя, историограф также оперирует лексикой, отсылающей к марксистской идеологии (*klassenmäßig beschränkte Interesse*).

В рамках тактики опровержения референтная и рецептивная компетенции могут находить выражение синкретично с креативной, если речь идёт о критике теорий, не имеющих прямого отношения к историческому объяснению, но тем не менее используемых историками для интерпретации действий и событий. Так, Ф.-В. Кантценбах (ФРГ) критикует историографов, объясняющих деятельность реформаторов с опорой на психоанализ:

*„Von verschiedenen Männern, die Luther als Freunde oder Feinde begegnet sind, ist am besten auszugehen, um sich im Streit um Luthers Werk nicht auch noch seine Person zum Mythos, zum medizinischen Fall, zum psychopathologischen Problem verstellen zu lassen, an dem sich Poeten und **Psychoanalytiker – warum auch nicht!** – versuchen mögen, während dem, der sich solcher aristokratischen Sehweisen enthält, eigentlich nur unsicheres Tasten nach der Wahrheit übrigbleibt...“* [Kantzenbach 1972: 8]. Западногерманский биограф ставит психоаналитиков в один ряд с «поэтами» и создателями мифов, тем самым указывая на недостаточную достоверность в их изысканиях (ср. [Мовчан 2019: 95]).

Выводы к главе 3

Нарративные компетенции лежат в основе развертывания коммуникативных стратегий, релевантных для историко-биографического дискурса. Стратегии информирования и объяснения однодоминантны: при их реализации референтная компетенция доминирует над креативной и рецептивной.

Стратегия информирования направлена на передачу новых знаний, относящихся к референтным событиям. Тактики рациональной аргументации и апелляции к личному авторитету опираются на исторические источники и памятники; в рамках этих тактик также истолковываются специальные термины, приводятся примечания и численные данные. При помощи этих коммуникативных приёмов раскрываются особенности повествуемого мира: той эпохи, в которой жила историческая личность, ставшая героем биографии.

Стратегия объяснения направлена на истолкование референтных событий и явлений, на проведение логических связей между ними (в первую очередь каузальных, а также телеологических, пространственно-временных и эмоциональных). Эти связи прослеживаются в тактиках субъективного аргументирования, апелляции к личному авторитету (в качестве которого выступает сама историческая личность или другой историограф), апелляции к групповому авторитету («социальным индивидам», о которых повествуется в биографии, и носителям популярных идей), описания оценочных ориентиров, сравнения, апелляции к возможному прошлому и опровержения. Сочетая фактологическое и ценностное обоснование, объясняя исторические события в рамках ценностных категорий, строя возможные миры на основе повествуемого мира и опровергая ложные утверждения об этом мире, историки-биографы работают с историческим материалом и таким образом реализуют в первую очередь референтную компетенцию.

Глава 4. Роль нарративных компетенций в развёртывании коммуникативных стратегий оценивания, самопрезентации и объективации

4.1 Стратегия оценивания и средства её реализации в структуре текста

Стратегия оценивания носит ярко выраженный риторический характер и позволяет проследить элементы риторического дискурса в историко-биографическом. Стратегия оценивания в историко-биографическом дискурсе роднит его с научно-популярным. Отличительные черты последнего, в отличие от академического дискурса, включают в себя различные риторические приёмы апелляции к среднестатистическому читателю и экспрессивные стилистические средства [Чернявская 2007: 43-45]. А. В. Голоднов относит научно-популярный дискурс к риторическому метадискурсу, к дальней его околядерной его зоне [Голоднов 2011: 151].

Оценке (положительной или отрицательной) в историко-биографических текстах подвергаются исторические личности (как протагонисты, так и другие упоминаемые персоналии), события и явления. Коммуникативная стратегия *оценивания* находит реализацию в тактиках описания оценочных ориентиров, приписывания оценочных характеристик, апелляции к авторитетам и сравнения. Доминирующими дискурсными компетенциями для этой стратегии являются референтная и креативная.

4.1.1 Тактика описания оценочных ориентиров

Описание оценочных ориентиров намечается в паратекстуальных элементах, таких как предисловия / вступления и послесловия / заключения. В них историограф объясняет выбор персонажа своими личными мотивами и предпочтениями и, возможно, требованиями научного сообщества (таким образом, оценка сближается здесь с самопрезентацией). Введения и заключения выступают в историческом нарративе как важные паратекстуальные средства метанарративного характера (ср. [Genette 1989]).

Единицей смысловой структуры в научном тексте является коммуникативный блок, также отражающий структуру формальную. Среди блоков выделяются введение темы, постановка цели и задач, история вопроса, постановка проблемы, описание эксперимента, гипотеза, теоретическая модель и выводы [Никульшина 2008: 248; Gansel, Jesan u. a. 2018: 58].

Структура предисловий оказывается схожей со структурой научной монографии. Если рассмотреть каждое предисловие в отдельности (в тех биографических текстах, где они присутствуют), в них можно выделить следующие компоненты:

1) историю вопроса (изученность темы или объяснение интереса историографа именно к этой теме):

*“Die Lebensbeschreibung Friedrichs II. ist in der DDR auf reges Interesse gestoßen. Dieses Interesse kann darauf zurückgeführt werden, dass ihr Erscheinen 1979 mit einer Debatte zusammenfiel, die sich um **das historische Erbe und die Traditionen der sozialistischen Nation in der DDR drehte**”* [Mittenzwei 1987: 7] (ГДР) – интерес, продиктованный дискурсной формацией, – рассмотрение «наследия германской нации»;

*“Jede Auseinandersetzung mit der Reformation... wird... zu **einem Disput um Luthers Person und Werk** führen... Und doch hat die **akademische Lutherforschung seit über fünfzig Jahren**, haben die **fast hundert lexikonstarken Bände der Weimarer Ausgabe** der Werke keine religiöse Neugeburt im 20. Jahrhundert ausgelöst. Im ökumenischen Dialog unserer Tage interessieren sich wohl Theologen und Historiker vom Fach für ihn... Oder Luther genießt im kirchlichen Getto ein sakrosanktes Ansehen...”* [Kantzenbach 1972: 7] (ФРГ): обзор написанных ранее трудов о Мартине Лютере и Реформации;

2) постановку цели и задач (обозначение аспектов, которые будут рассмотрены):

*... ging es mir vor allem darum, die **widersprüchliche Politik dieser widersprüchlichen Persönlichkeit noch genauer zu beschreiben...*** [Mittenzwei 1987:

8] (ГДР) (задача – рассмотреть личность и деятельность Фридриха II всесторонне; при этом слово **widersprüchlich** становится лейтмотивом предисловия);

*„Der Satz, dass der Besitz der Vergangenheit auch den Besitz der Zukunft verbürge, ... war weithin unbestritten. Daraus erklären sich sowohl die außerordentliche Bedeutung, die... geschichtliche Auseinandersetzungen für das politische Leben erlangt haben, als auch **das starke Bedürfnis nach geschichtlicher Legitimation politischen Handelns und politischer Autorität**“* [Gall 2002: 17-18] (ФРГ) (цель: обоснование роли протагониста в истории (необходимость обосновать значимость «политических действий и политического авторитета»));

3) обозначение теории / идеи, в рамках которой историческая личность будет характеризоваться:

*„...eine radikale Absage an den Gedanken, dass **ein großer einzelner den Gang der Geschichte entscheidend verändern**,... aufhalten oder in völlig neue Bahnen lenken könne“* [Gall 2002: 17] (ФРГ) – идея взаимодействия человека и времени со ссылкой на Г. В. Ф. Гегеля с его идеей о «мировом духе», определяющем ход истории;

*„Martin Luther ... dachte als Theologe und handelte als Intellektueller im Fürstenstaat unter den Bedingungen seiner Zeit, die von der ersten Revolution auf deutschem Boden gekennzeichnet war. **Dies prägte sein Leben und steht deshalb im Mittelpunkt dieser Biographie. Wenn wir ihn verstehen wollen, dann sollten wir ihm glauben, dass er Probleme hatte, von denen er sprach... Er war und blieb eine problemgeladene und problemschaffende Symbolfigur deutscher und europäischer Geschichte. Wer ihn befragt, sollte seine Antworten auch als Fragen an sich selbst und das eigene Verständnis vom Menschsein in der Geschichte gelten lassen**“* [Brendler 1983: 7-8] (ГДР). Методология определяется особенностями исторической личности и времени. Подходы к составлению биографии Лютера также формулируются как рекомендации (задавать вопросы персонажу и себе, «верить» его идеям и свидетельствам) через модальный глагол в форме

конъюнктива *sollte*. Эта рекомендация отражает биографический принцип вопрошания, выделенный А. Л. Валевским;

4) комментарии и благодарности (факультативные элементы предисловия): [Mittenzwei 1987: 7-8] (ГДР); [Engelberg 1991: 10-12] (ГДР); [Brendler 1983: 8] (ГДР).

Именно пункты 2 и 3 содержат описание оценочных ориентиров, связанных либо с основной идеей, лежащей в основе методологии, либо с целью и задачами (выбранным ракурсом). Ракурс, выбираемый историографом, является нарративным, поскольку указывает на конкретные моменты в биографии, представляющиеся историографу важными.

Следовательно, предисловие исторической биографии содержит в себе часть структурных компонентов теоретической монографии в свёрнутом виде. Коммуникативно-прагматическая значимость данного паратекстуального элемента заключается в обозначении основной идеи, которая в дальнейшем обосновывается в тексте биографии при помощи повествования об отобранных эпизодах.

Креативная и референтная компетенции проявляются в структуре предисловий как аналитические и текстостилевые компетенции историографа, позволяющие проследить его индивидуальный стиль познания как исследователя и разнообразие подходов к составлению текста. Проявляется при составлении вступительных глав и рецептивная компетенция, связанная с типичной чертой предисловий: ориентацией на исследовательскую аудиторию (структура, схожая со структурой монографии).

Послесловия и заключительные главы биографий носят более субъективный характер. Прототипическая структура послесловия / заключительной главы исторической биографии включает в себя:

1) замечания источниковедческого характера:

„...*die im Stil höfischer Geschichtsschreibung verfassten Arbeiten eines Louis Schneider, Oskar Meding, Ernst Berner und Wilhelm Oncken bemühten sich*

vergeblich, ihren Protagonisten über Bismarck zu stellen...“ [Börner 1984: 277] (ГДР): критическое отношение к историографам «придворного стиля» выражено, в частности, при помощи неопределённого артикля перед перечислением историков и наречия *vergeblich*;

*„Zeiten, in denen die Auseinandersetzung um Martin Luther **stürmisch** war, folgten immer auch solche, in denen es **stiller** um ihn wurde“* [Kantzenbach 1972: 91] (ФРГ): возвращение к проблеме историографии, посвящённой протагонисту (также антитеза *stürmisch* – *still*);

2) общую характеристику и субъективную оценку личности в контексте эпохи:

*„Die sechszundvierzig Jahre Regierung Friedrichs II. **ließen den Staat da zurück, wo er 1740 gestanden hatte. Die überragende Figur des Königs, nicht die von ihm ausgehenden Reformen **ließen Preußen als eine Großmacht erscheinen****“* [Aretin 1985: 150] (ФРГ): оценка протагониста как исторической личности (роль в истории, характер);

*„Luther **riss mit, zog an und stieß ab**. Luther ging als Ärgernis und Hoffnung ganz ein in die Geschichte, die ihn hervorgebracht und die er hinterlassen hat“* [Brendler 1983: 440] (ГДР); характеристика Лютера с точки зрения современников, наложенной на точку зрения историографа, приобретает выразительность при помощи параллелизма (однородных сказуемых с отделяемыми приставками);

3) наследие исторической личности, которой посвящена биография; возможное упоминание «легенд», связанных со сложившимся в народе образом исторической личности:

*„Was im Zeichen **der Glorifizierung des großen Mannes**, seines Genies und seiner Einmaligkeit nach 1890 zutage trat und bald vielfach **groteske Formen** annahm, zu einem förmlichen **Bismarck-Kult** entartete, war... zu einem ganz wesentlichen Teil Bismarcks eigenes Werk“* [Gall 2002: 824] (ФРГ): замечание о «культе Бисмарка» и критика этого культа;

„*Die Friedrich-Legenden sind nicht tot. Nachdem es Ende der sechziger Jahre auch in der offiziellen Geschichtsschreibung der BRD eine gewisse Distanz gegenüber [Friedrich] gegeben hatte, schossen **Legendenbildung und Verherrlichung**... wieder mächtig ins Kraut*“ [Mittenzwei 1987: 230] (ГДР) – критический подход к идеализации Фридриха в исторических трудах.

Структура послесловий и заключительных глав указывает на креативную компетенцию, также связывающую оценку с самопрезентацией (субъективная оценка исторической личности с точки зрения историографа, индивидуальные особенности каждого послесловия). Референтная компетенция заключается в выборе освещаемых аспектов, в частности, в указании на наследие исторической личности (влияние на повествуемую картину мира, культурное наследие).

Следует также отметить рецептивную компетенцию в структуре послесловия. Она определяется ориентацией на личность реципиента, заинтересованного в историографии (замечания источниковедческого характера); отсюда можно сделать вывод о принадлежности исторических биографий теоретическому дискурсу.

Оценочные ориентиры, обозначенные в предисловиях и послесловиях, отражены и в основном повествовательном тексте. Повествуя о какой-либо значимой вехе (например, о рождении персонажа), историограф описывает состояние государства в виде панорамы, указывая на положительные и отрицательные аспекты.

Например: „*Der sehnlichst erwartete neue Erdenbürger... wurde mit Glockenläuten und Kanonenschüssen gefeiert. Auf diese Weise erfuhr Berlins Bevölkerung von der Geburt des Prinzen.*

Die... Berliner hatten indes keinen Grund zu lauter Freude. Den Bürgern und Bauern in brandenburgisch-preußischen Landen ging es denkbar schlecht... Brandenburg-Preußen steckte 1712 in einer Krise“ [Mittenzwei 1987: 9-10].

В первом абзаце приведённого отрывка эмоционально-оценочная перифраза *der sehnlichst erwartete neue Erdenbürger* обозначает новорождённого принца

Фридриха, будущего протагониста. В противоположность торжеству, с которым встречали его появление на свет, историограф отмечает в следующем абзаце кризис в государстве. В связи с этим перифразу *der sehnlichst erwartete neue Erdenbürger* можно трактовать двояко: буквально (ведь ребёнок был действительно желанным в семье монарха) и иронически (оценка с точки зрения «социальных индивидов», через которую выражается субъективная оценка историографа, а также политическая идеология).

Персонажи и их идеи могут оцениваться в плоскости соответствия / несоответствия их слов делам. Так, К. О. фон Аретин (ФРГ) и И. Миттенцвай (ГДР) критикуют Фридриха II за несоответствие его действий идеям Просвещения, которые король провозглашал в своих трудах.

Например: „*Schon der „Natzmer-Brief“ und der „Antimachiavell“ hatten gezeigt, dass der Preußenkönig in Fragen des Krieges nicht auf den Positionen der Aufklärung stand*“ [Mittenzwei 1987: 56] (ссылка на источники, из которых историограф выводит милитаристские настроения, противоречащие идеям Просвещения).

К. О. фон Аретин (ФРГ) несколько раз приводит цитату из письма Фридриха, в которой монарх обещает, что «не обидит и кошки» („*Ich werde fortan keine Katze mehr angreifen*“ [Aretin 1985: 67]), однако впоследствии начинает новую войну:

„*Als Friedrich 1745 aus dem Österreichischen Erbfolgekrieg auswich, war das mit dem Gelöbnis geschehen, er werde „fortan keine Katze mehr angreifen“. 1756 wurde er rückfällig. Am 26. August dieses Jahres fielen ohne vorherige Kriegserklärung preußische Truppen in einer Stärke von 61 000 Mann in Sachsen ein. Am 9. September erreichten sie Dresden...*“ [Aretin 1985: 74]. Об оценочности здесь свидетельствует прилагательное *rückfällig*, использование *Konjunktiv I* для косвенной речи (подчёркивание различия между словом и делом) и уточнение, что прусские войска вторглись в Саксонию «без объявления войны».

Историографы также задают оценочные ориентиры, критикуя персонажей за непоследовательные и рискованные действия. Так, К. О. фон Аретин (ФРГ) подчёркивает стремления Фридриха идти на большие риски, ссылаясь на постулат «победа или гибель» (*Sieg oder Untergang*, изначально *Ehre oder Untergang* (честь или гибель) [Aretin 1985: 15]).

Например: „Sollte [Friedrich] in einer siegreichen Schlacht fallen, so möge August Wilhelm versuchen, sofort Frieden zu schließen. **Die Parole „Sieg oder Untergang“** hatte eine neue Variante gefunden... Er vereinigte seine Truppen mit der bei Breslau geschlagenen Armee... Mehrfach versuchten seine Generale, ihn von **allzu gewagten Abenteuern** abzubringen“ [Aretin 1985: 80] (рискованность действий Фридриха характеризуется словосочетанием *gewagte Abenteuer*).

Э. Энгельберг (ГДР) и Л. Галль (ФРГ) отмечают «оппортунизм» в отдельных аспектах деятельности своего протагониста (Бисмарка):

„Man wird Bismarck dieses **Draufgängertum**, mit dem er sich... schon 1847 öffentlich auf dem Vereinigten Landtag eingeführt hatte, ebenso glauben dürfen wie **das Eingeständnis**, dass er für die politische Tragweite der Vorgänge im ersten Augenblick nicht so empfänglich war“ [Engelberg 1991: 235] (утверждения о мыслях персонажа основаны на его прямой речи, цитируемой на той же странице);

„Gerade weil die **Beigabe des Opportunismus** in [Bismarcks] Politik sehr groß war und zunehmend größer wurde, war er förmlich darauf angewiesen, Selbstbehauptung und Machterhalt in der **Improvisation und im ständigen Fluss der Dinge** zu suchen. Nur so konnte er hoffen, nicht selber Opfer des Opportunismus zu werden“ [Gall 2002: 546] (эти мысли также основаны на ссылках на прямую речь).

Оценочные ориентиры описываются и применительно к этическим характеристикам персонажей: моральности / аморальности, гуманности / жестокости. К. О. фон Аретин (ФРГ), в частности, критикует своего протагониста за презрение к народу:

„[Friedrichs] Art des Regierens trug bei der **Verachtung, die er für sein Volk empfand, geradezu koloniale Züge**“ (со ссылкой на цитату самого Фридриха) [Aretin 1985: 116].

К. Х. Бёрнер (ГДР) негативно оценивает деда Вильгельма за оккультизм и фаворитизм:

„So konnte sich der König vorrangig den **Sinnesfreuden** hingeben und mit **okkultistischen Spielereien beschäftigen**. Unter seiner Regierung war die **Mätressenwirtschaft gang und gäbe, die sich in allen Bereichen zum Schaden des Staates auswirkte**“ [Börner 1984: 13] (негативная оценка реализуется при помощи эмоциональной лексики: *Sinnesfreuden*, *Spielereien*, *Mätressenwirtschaft*; также в данном отрывке находит отражение причинность, выраженная при помощи глагола *sich auswirken*).

Важный для историографии оценочный ориентир лежит в плоскости «человек и время». При этом историограф оперирует характеристиками «устаревший / современный», «прогрессивный / реакционный», а также абстрактным понятием «дух времени» (*Zeitgeist*).

Дихотомия «прогрессивный / реакционный» оказывается связанной с оценочными ориентирами в рамках политической идеологии. Например, негативной оценкой окрашена характеристика Бисмарка у Э. Энгельберга (ГДР), согласно которой протагонист «не понимал рабочего движения»:

„**Die historische Entwicklung der Arbeiterbewegung verstand Bismarck zeitlebens nicht, aber er hatte von früh an ein wachendes Auge auf sie als auf eine politische Gefahr, die er bannen zu können glaubte**“ [Engelberg 1991: 323]. В данном отрывке историограф противопоставляет отрицательной оценке Бисмарка положительную оценку самого рабочего движения, подчёркивая невозможность «победить его», чего «хотел» Бисмарк.

Ср. также: „Was wie ein Streit feudaler Herrscher um eine Erbfolge aussah, war in Wirklichkeit **das Aufeinanderprallen zweier Welten**. In Europa hatte seit dem Beginn des 16. Jh. **die Ära des Übergangs vom Feudalismus zum Kapitalismus**

begonnen. Die... Staatswesen bürgerlichen Typs kämpften mit den stärksten Feudalmacht Frankreich um die Hegemonie auf dem europäischen Kontinent und um die Ausbeutung der unterdrückten kolonialen Länder“ [Mittenzwei 1987: 10] (ГДР: как «столкновение двух миров» метафорически обозначается переход от феодализма к капитализму, при этом подчёркивается нарастающая сила буржуазных держав). Подчёркиваемая восточногерманскими историографами значимость общественного развития позволяет говорить о «генетическом нарративе», ставящем во главу угла изменение и прогресс.

Описывая конфликт между королём и парламентом, в котором на выборах победили либералы, Ф. Герре (ФРГ) при помощи антонимов и перечисления подчёркивает противопоставление «старого» и «нового», «реакции» (позиция протагониста Вильгельма) и «революции»:

„Es war nicht nur ein Konflikt, es waren vier Konflikte, die Wilhelm... durchzusetzen hatte. Erstens, der grundsätzliche zwischen Monarchensouveränität und Volkssouveränität, zweitens der gesellschaftliche zwischen Adelsprivilegien und Ansprüchen des Bürgertums, drittens der verfassungspolitische zwischen Krone und Parlament, viertens der militärpolitische zwischen Königsheer und Volksarmee... In der Defensive stand ein Altpreuße gegen die neue Zeit und ein Reaktionär gegen die Revolution – auf verlorenem Posten...“ [Herre 1983: 303]. Перечисляя различные конфликты с использованием синтаксического параллелизма, историограф создаёт фигуру градации, которая достигает кульминации в последнем предложении отрывка, где Вильгельм прямо характеризуется как «реакционер».

И западно-, и восточногерманские историографы оценивают консервативные партии отрицательно:

„Sie waren unfähig zu historisch vorwärtsweisenden Initiativen, aber auch hasenherzig und mitunter repressiv bei der Abwehr der nationalen Bewegung selbst in der gemäßigten Form des Nationalvereins“ (об объединении немецких князей) [Engelberg 1991: 429]. Помимо оценки в рамках категории «прогресса» и

«регресса» (*historisch vorwärtsweisende Initiativen*), Э. Энгельберг (ГДР) использует экспрессивные предикаты *hasenherzig* и *repressiv*.

Ср. также: „*Massiv versuchte die Regierung, die Neuwahlen zum Abgeordnetenhaus am 28. Oktober 1863 in ihrem Sinne zu beeinflussen. Der König griff höchstpersönlich in den Wahlkampf ein... In Preußen war nichts gewonnen und in Deutschland viel verloren. Der König und sein Ministerpräsident hatten die liberale, propreußische, kleindeutsche Bewegung zurückgestoßen... So oder so – Preußens Position in Deutschland war geschwächt*“ [Herre 1983: 319]. Ф. Герпе (ФРГ) повествует о борьбе прусского короля против либерального движения, проводя при этом причинную связь при помощи глагольных форм (*beeinflussen* (также телеологическая связь), *zurückstoßen*, *geschwächt sein*) между борьбой с либеральным движением и ослаблением позиции Пруссии. Следовательно, логико-грамматическое отношение причинности помогает здесь реализовать стратегию оценки. Само либеральное движение характеризуется эпитетами, позволяющими говорить о его «прогрессивности» и о положительной оценке историографа: *die liberale, propreußische, kleindeutsche Bewegung*.

Установка ориентиров при помощи оценочных предикатов в сочетании с причинностью сигнализирует о креативной и референтной компетенции (проведение параллелей с персоналиями из повествуемого мира). Ориентация на систему ценностей потенциального адресата позволяет здесь говорить также о рецептивной компетенции.

Однако оценка социалистов как отдельной партии в различных исторических дискурсах является разной. Так, Э. Энгельберг (ГДР) посвящает истории социалистического движения в Пруссии / Германии отдельные главы, подробно рассказывая о его идеологах и демонстрациях. Положительная оценка в этом случае реализуется благодаря акценту именно на противостоящих консерваторам партиях (главы *Die Partikularisten* [Engelberg 1991: 577-590] и *Die sozialistische Linke* [Engelberg 1991: 590-595]).

В тексте К. Х. Бёрнера (ГДР) раздел *Sozialistengesetz*, посвящённый закону против социалистов, подробно рассматривает историю вопроса, повествуя о развитии рабочего движения в Германии [Börner 1984: 239-241]:

„Nach 1871 nahm mit der weiteren Entfaltung des Kapitalismus die proletarische Bewegung einen schnellen Aufschwung. Der gemeinsame Kampf der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei (SDAP) und des lassalleanischen Allgemeinen Deutschen Arbeitervereins (ADAV) gegen die soziale Unterdrückung und den Militärstaat bildete die Grundlage für die Annäherung beider Gruppierungen...“ [Börner 1984: 239]. Об оценке, помимо отдельного акцента на данных событиях, свидетельствуют идеологически окрашенные лексические средства (*die proletarische Bewegung, der gemeinsame Kampf*).

В акценте на отдельных эпизодах и явлениях, помимо креативной компетенции (типичное для нарратива ранжирование событий по важности), находит отражение референтная компетенция (освещение картины повествуемого мира в отдельных её аспектах).

Отдельные историографы могут обозначать и свои собственные оценочные ориентиры. Так, лейтмотивом текста Л. Галля (ФРГ) становится тема «поиск себя» историческим персонажем. Он отображён, в частности, в паратекстуальном элементе: раздел, посвящённый молодости Бисмарка, озаглавлен у Л. Галля *Auf der Suche nach einer Existenz* [Gall 2002: 29].

Уже в начале этого раздела подчёркивается значимость идеи «индивидуальности» для историографа (в рамках того, что он считает «ключом» к пониманию характера исторической личности):

„Elternhaus, Schule und Berufswahl – darin pflegt man ... die eigentlich prägenden, ... identitätsstiftenden Elemente im Leben eines jungen Menschen zu sehen... Dies erschließt einen ersten Zugang zu der Individualität des Mannes, der im Innersten einsam war und auf sich selbst zurückgeworfen, seitdem er denken konnte, Ordnung und Autorität suchend und ihrer bedürftig, ... dem das Leben von früh an zerfiel in Existenzsuche und Rollenspiel“ [Gall 2002: 30].

Лейтмотив «поиска себя» реализуется при помощи лексических повторов слов *Existenz, Individualität/individuell*:

„[Die Auseinandersetzung mit der Erwachsenenwelt] stellte die Suche nach dem eigenen **Lebensweg**, nach der eigenen **Existenzform** in Zusammenhänge, die ihrem Wesen nach **überindividueller** und eminent politischer Natur waren“ [Gall 2002: 33];

„Was [Bismarck] fürchtete, was ihn als Idee zu diesem Zeitpunkt offenbar ganz beherrschte, war **die Überwältigung der eigenen Individualität...**“ [Gall 1980: 44]. Как видно из последнего примера, сами мысли Бисмарка историограф оценивает в рамках «поиска себя».

В целом понятия «индивидуальность» и «идентичность» являются ключевыми во вводных главах работы Л. Галля (ФРГ), где историограф излагает свой подход к рассмотрению исторической личности:

„Erst die Zusammenhänge von Verganem und Gegenwärtigem ... sind mitbestimmend für die sozialen Beziehungen eines **Individuums**“ [Gall 1980: 2];

„Ein literarischer Mensch, ein Mensch, für den die Welt des Geistes **lebens- und identitätsstiftend** ist, ist [Bismarck] nie gewesen und nie geworden“ (оценка Бисмарка как литератора) [Gall 1980: 42] и др.

Тактика описания оценочных ориентиров может взаимодействовать с тактикой сравнения (например, проведения параллелей между историческими персонажами). Так, Ф. Герре (ФРГ), повествуя о жизни императора Вильгельма I, также обращается к личности короля Фридриха II (при этом называя его Фридрихом Великим). Этого деятеля историограф оценивает двояко: переходя на точку зрения персонажей (социальных индивидов и самого Вильгельма), он указывает на заданную Фридрихом высокую планку для дальнейшего развития Пруссии:

„**Alles Große habe Friedrich der Große geschaffen**, wurden seine **Nachkommen belehrt**: den preußischen Militär- und Obrigkeitsstaat, einen deutschen Machtstaat, eine europäische Großmacht. Er... setzte die Maßstäbe, an denen sich die **preußische**

Monarchie messen musste, wenn sie monarchisch und preußisch bleiben wollte“ [Herre 1983: 34].

О точке зрения социальных индивидов («потомков», среди которых и принц Вильгельм, знакомящийся с жизнеописанием Фридриха) говорит использование косвенной речи (*Konjunktiv 1*). Помимо этого грамматического средства, историограф отстраняется от точки зрения персонажей при помощи повторений существительных и прилагательных, придающих тексту иронический характер: *alles Große – Friedrich der Große, preußische Monarchie – monarchisch und preußisch*.

Историограф подчёркивает, что именно Фридрих Великий становится ориентиром для протагониста (Вильгельма): *„Die Feier für Fridericus Rex war nicht nur vom Termin veranlasst und von der Pietät geboten. Wilhelm erhoffte sich eine Wende: weg von Reform und Romantik, der Selbstbescheidung in der Außenpolitik und der Enthaltensamkeit vom Krieg, der für den Jubilar das A und O Preußens gewesen war – und zurück wie vorwärts zum aufgeklärten Absolutismus und altpreußischen Feudalismus, zum Soldatenstaat und einer... Selbstbehauptung in Deutschland und Europa. So fühlte und dachte jeder Preuße, der das Herz noch auf dem rechten Fleck trug“* [Herre 1983: 161].

В данном отрывке, вводимом в главе о праздновании юбилея Фридриха II, персональная точка зрения реализуется при помощи номинации (латиноязычный перифраз *Fridericus Rex*) и ментального глагола *erhoffen*, выражающего надежду Вильгельма. Нарраториальная точка зрения, на которую накладывается персональная, находит выражение в противопоставлении антонимов (*zurück wie vorwärts*) и в ироничном последнем предложении отрывка, включающем фразеологизм: *„So fühlte und dachte jeder Preuße, der das Herz noch auf dem rechten Fleck trug“*.

При пересечении двух тактик – описания оценочных ориентиров и сравнения – креативная компетенция взаимодействует с референтной, поскольку параллели проводятся внутри повествуемого мира, между его объектами.

4.1.2 Тактика приписывания оценочных характеристик

С тактикой описания оценочных ориентиров напрямую связана тактика приписывания оценочных характеристик. Положительную или отрицательную оценочную номинацию приобретают исторические персонажи, их действия и исторические процессы. Экспрессивность языка указывает на текстостилевую аспект креативной компетенции.

Эмоциональность и оценочность в историко-биографическом дискурсе роднят его с научно-популярным дискурсом, для которого, как ранее упоминалось, характерны выразительные языковые средства.

Критическому оцениванию подвергаются конкретные действия персонажей (например, политические меры) и события. В частности, К. О. фон Аретин (ФРГ) скептически относится к школьным реформам Фридриха, утверждая, что монарх их не проводил, хотя и основывал новые учебные заведения:

*„Zu Friedrichs eigentümlichem Verhältnis zu den Menschen gehörte es, dass unter ihm **keine Schul- und Bildungsreform** durchgeführt wurde... Er meinte, dass **für die Bauern ein wenig Lesen, Schreiben und Rechnen genüge**, wobei ihm für die Unterweisung ehemalige Unteroffiziere **mit ihrem Prügelsystem** gut genug erschienen... Er gründete zwar eine erhebliche Zahl von Volksschulen..., **versuchte jedoch nie... seine Reformvorstellungen in die Tat umzusetzen**“* [Aretin 1985: 110]. При этом негативно оценивается отношение Фридриха к народу: историограф упоминает, что, по мнению короля, простой народ не заслуживал быть образованным.

И. Миттенцвай (ГДР) «обвиняет» Фридриха в кризисе, наступившем в государстве:

*„Wenn es... einen „**Schuldigen**“ für die im Lande herrschende Zerrüttung und Teuerung gab, dann war es der preußische König. **Die Münzverschlechterungen... forderten ihren Tribut**“* [Mittenzwei 1987: 143] (также имплицитная причинность: объяснение кризиса денежной реформой).

Э. Энгельберг (ГДР) характеризует начало австро-прусской войны как «рыцарский фарс»: *„Der **schicksalhafte** Krieg von 1866 kündigte sich durch eine*

chevalereske Farce an“ [Engelberg 1991: 512] (использование экспрессивно-оценочных эпитетов).

Отдельные события трактуются и оцениваются историографами одинаково. Таков, например, Ольмюцкий договор, признанный внешнеполитической неудачей в историко-биографических текстах:

„*Preußen hatte nach Canossa gehen müssen, nach Olmütz im österreichischen Mähren...*“ [Herre 1983: 234]; „*Jedenfalls sollte bald erzählt werden, der Prinz von Preußen habe sich... geschworen, die „Schmach von Olmütz“ im Geiste und mit den Mitteln des großen Friedrichs zu tilgen*“ [Herre 1983: 238].

С помощью синтаксического параллелизма и повторения предлога *nach* западногерманский историограф проводит параллель между Ольмюцем и Каноссой, используя фразеологизм *nach Canossa gehen*, восходящий к путешествию в Каноссу императора Священной Римской империи Генриха IV и означающий покаяние или (в данном случае) унижение. Во втором отрывке фраза „*Schmach von Olmütz*“ находится на пересечении нарраториальной и персональной точек зрения. Характеризуя Ольмюц как «позор», историограф солидаризируется с протагонистом и его современниками.

Ср. также у восточногерманского историографа К. Х. Бёрнера:

„*Durch die Olmützer Punktation war das Ansehen Preußens erheblich erschüttert, das Ehrgefühl der meisten Preußen erheblich verletzt. Der Thronfolger nannte die Bestimmungen „moralische Schläge ins Gesicht der Armee“*“ [Börner 1984: 100]. В данном отрывке на нарраториальную точку зрения также накладывается позиция социальных индивидов («прусского народа») и самого протагониста Вильгельма с приведением завышенной цитаты (ср. [Engelberg 1991: 306; Gall 2002: 124]).

Оба автора «параллельных» биографий Бисмарка повествуют о Парижской коммуне, но только Л. Галль (ФРГ) оценивает её негативно:

„*Als das große Lehrstück erschien [Bismarck] der sogenannte Pariser Kommuneaufstand vom Frühjahr 1871, eine weite Teile der Bevölkerung der*

französischen Hauptstadt erfassende Volksbewegung gegen die sich installierende bürgerliche Republik“ [Gall 2002: 570]. Отрицательная оценка достигается за счёт характеристики Коммуны при помощи слова *sogenannt*, а также за счёт объединения нарраториальной и персональной точек зрения (ментальный глагол *erscheinen* указывает на точку зрения Бисмарка).

Оценочные характеристики присутствуют и в описаниях жизни исторических личностей, их отношений с другими людьми. Например, Э. Энгельберг (ГДР) особое внимание уделяет роли Мари фон Тадден в жизни будущего дипломата, их тёплым отношениям и его привязанности к ней:

*„Otto v. Bismarcks schwermütige Stimmungen wurden durch die **von verhaltener Liebe erfüllte Teilnahme Maries an seinem Geschick** noch verstärkt. Es machte **den eigenen Reiz ihrer Beziehungen** aus, dass beide **die untergründigen Sehnsüchte und Affinitäten ihrer Herzen und Sinne ahnten**“* [Engelberg 1991: 176].

Биографы императора Вильгельма I эмоционально и выразительно передают характеры персонажей, создавая в историческом тексте атмосферу, схожую с атмосферой художественного произведения. У К. Х. Бёрнера (ГДР) описание королевского быта (в частности, реакция на него королевы Луизы) во время наполеоновских войн проникнуто иронически-негативной оценкой. Историограф иронизирует над «лишениями» королевской семьи, гипертрофированными в письмах Луизы: *„Im bankrotten preußischen Staat **litten große Teile des Volkes jahrelang unsagbare Not**. Auch die königliche Hofhaltung sah sich zu starken Einschränkungen gezwungen. Angesichts des Elends Hunderttausender war es aber geradezu **makaber**, wenn Königin Luise klagte: „**Wir haben zu Mittag vier Gänge, zu Abend drei; das ist alles. Wir leben von der Luft**““* [Börner 1984: 19]. Отрицательная оценка подчёркивается контрастом между действительно тяжёлой жизнью народа и жалобами Луизы, а также при помощи предиката *makaber*.

При создании образа молодого Вильгельма Ф. Герре (ФРГ) особое внимание уделяет истории несчастной любви принца Вильгельма к Элизе

Радзивилл [Herre 1983: 116-135]. Наиболее эмоциональный характер повествование приобретает на с. 131:

„Am 8. Januar 1826 war [Wilhelm] bei „Ewig“, zwölf glückliche Stunden. Gegen zwölf Uhr war er gekommen, um Mitternacht musste er weiter... „In welchem heftigen Gemütsbewegung verließ ich all die Teuren in Posen“, schrieb er über Tante Luise an Elisa. „Mir wankten fast die Füße, als ich mit Ewig Ihnen die Treppe hinabfolgte!“ ...Als Brautpaar sollten sie sich nie wiedersehen“ [Herre 1983: 131]. Эмоциональность и оценочность достигаются при помощи наложения персональной точки зрения на нарраториальную: благодаря цитированию писем, носящих подчеркнуто эмоциональный характер, и использованию в речевом плане историографа детского прозвища Элизы – *Ewig*.

Биографы Мартина Лютера высказывают сходные замечания о роли протагониста в возникновении литературного немецкого языка. Так, Г. Брендлер (ГДР) подчеркивает значимость трудов Лютера для языка, при этом отмечая, что переводчик Библии не «создал язык», а повлиял на формирование литературной нормы:

„...hatte [Deutsch] in der Sprache der meißnischen Kanzlei schon eine literarische Form gefunden... Luther ... hat keine neue Sprache erfunden... Er hat die Sprache nur meisterhaft beherrscht und hat sich keinerlei Verklemmungen durch die lateinische Grammatik auferlegen lassen. Die Lutherbibel wurde in den nachfolgenden Jahrhunderten zum meistgelesenen Buch in deutscher Sprache. Sie wirkte dadurch vorbildgebend und normierend auf die deutsche Literatursprache. Die kulturelle Eigenständigkeit und Eigenart Deutschlands und der Deutschen wurde von ihr mitgeformt“ [Brendler 1985: 286-287]. Приставка *mit* в глаголе *mitformen* указывает на то, что Библия была в процессе становления нации не единственным и не главнейшим фактором, а одним из факторов.

Ф.-В. Кантценбах (ФРГ) также проводит причинную связь между переводом Библии Лютера и возникновением единого немецкого языка при помощи глагола «ускорить» (*beschleunigen*):

„Die neuhochdeutsche Sprache, die Luther mit Meisterschaft handhabte, **hat er nicht erfunden**. Er konnte an die Sprache der **sächsischen Kanzlei** anknüpfen; aber Vergleiche mit vorlutherischen Bibelausgaben beweisen, dass Luthers sprachliches Feingefühl bis dahin erreicht wurde... **Die Verbreitung der Lutherbibel... hat die Entwicklung zur deutschen Einheitssprache beschleunigt**“ [Kantzenbach 1972: 53-54].

Итак, оба историографа отмечают влияние саксонской (мейсенской) канцелярии на формирование литературного языка и в целом предостерегают реципиента от гиперболизации влияния Лютера (подчёркивают, что «создателем» языка он не является).

В отдельных случаях историографы по-разному передают причины действий персонажей, а также по-разному объясняют их отношение к одним и тем же событиям. В подобных случаях стратегия оценки взаимодействует со стратегией объяснения, а причинная связь между событиями – с эмоциональной. Так, повествуя о Семилетней войне и передаче Фридрихом командования брату, К. О. фон Аретин (ФРГ) подчёркивает отчаянное положение короля, выражая сочувствие ему:

„Friedrich war... in diesem Winter **zutiefst niedergeschlagen**. Wenige Tage nach der Niederlage von Hochkirch hatte er die Nachricht erhalten, dass die Markgräfin Wilhelmine von Bayreuth am Tag der Schlacht gestorben war. Der Tod dieser Vertrauten **traf ihn schwer**, und nur die Notwendigkeit, mit energischen Maßnahmen die Armee zu retten, hatte ihn aus **tiefer Melancholie** gerissen“ [Aretin 1985: 97-98]. Историограф также отмечает скорбь Фридриха из-за смерти сестры Вильгельмины и стремление вести войну «энергичными мерами», что также положительно характеризует протагониста.

И. Миттенцвай (ГДР), напротив, жёстко иронизирует по поводу короля и его болезни, «которая называлась поражением»:

„Der wirklich nicht gesunde Friedrich war zum Zeitpunkt... von keiner akuten Erkrankung betroffen; **seine Krankheit hieß Niederlage**... Am 16. August war er von

seiner „Krankheit“ soweit genesen, dass er den Oberbefehl wieder übernehmen konnte“ [Mittenzwei 1986: 131].

В биографиях Вильгельма I историографы выражают различное отношение к революции 1848 года: в тексте Ф. Герре (ФРГ) она оценивается как «кровавая» (*„das **blutige Drama** auf den Straßen [der] Hauptstadt“ [Herre 1983: 189]*), в то время как К. Х. Бёрнер подчёркивает её победоносность:

*„Mit dem **siegreichen** Verlauf der Revolution in Berlin und Wien waren **die stärksten Bastionen des Absolutismus in Deutschland zerschlagen**“ [Börner 1984: 75]* (оценочность дополняется за счёт отсылки к политической идеологии).

Связь оценочных характеристик с идеологическими импликациями политического характера в первую очередь следует отметить в восточногерманских текстах, например:

*„Aber gerade die Unterdrückung des Aufstandes durch Regierungstruppen machte deutlich, dass die **Proletarier** es in ihrem **Kampf gegen die Fabrikherren** auch mit dem **feudal-bürokratischen und militärdespotischen** Regime zu tun hatten“ [Engelberg 1991: 227].* Историограф оперирует лексикой, связанной с политической сферой (*Proletarier, feudal-bürokratisch*), в частности, несущей дополнительную оценочную окраску (*militärdespotisch*).

Приписывание оценочных характеристик может иметь интертекстуальный характер (при цитации текстов, не являющихся историческими документами). В частности, И. Миттенцвай (ГДР) цитирует стихи Иоганна Петера Уца о грабительской войне, очерняющие образ короля:

„Seht, Eures Volkes Blut raucht strömend von der Erden!

Ach, dies betrogne Volk ergab

Sich unter Euren Hirtenstab,

Geweidet, nicht gewürgt zu werden“ [Mittenzwei 1987: 125].

Л. Галль (ФРГ) озаглавливает один из разделов своего текста *Der Zauberlehrling* («ученик колдуна») [Gall 2002: 529], делая отсылку к одноимённому стихотворению И. В. Гёте и сравнивая Бисмарка с этим

персонажем, пытавшимся призвать злые силы, которые в итоге обернулись против него. Ср. в заключительной главе:

*„Der Schöpfer dieser Ordnung wurde mit innerer Notwendigkeit zum Zauberlehrling, der die Größe seines Erfolges mit der Größe seiner Niederlage, nicht in persönlicher, aber in geschichtlicher Hinsicht, bezahlte... Das Reich von 1871 steht heute, betrachtet man Dinge nüchtern und ohne Wunschdenken, als extrem **unstabiles und kurzlebiges** historisches Gebilde vor uns“* [Gall 2002: 840].

Под перифразой *der Schöpfer dieser Ordnung* понимается Бисмарк, «заплативший» поражением за успехи. Общие фразы об историческом значении успехов и поражения подкрепляются более конкретным аргументом – взглядом на положение империи 1871 года с современной историографу точки зрения (в частности, при помощи презенса, «мы» исследователя и наречия *heute*) и оцениванием этого положения как «нестабильного».

Поскольку эмоционально-оценочная характеристика вынесена в паратекстуальный элемент, можно говорить о пересечении тактики приписывания оценочных характеристик с тактикой аттрактивации: послесловие, являясь «сильной позицией» целостного текста, имеет ярко выраженный прагматический характер.

Примечательно, что характеристика *Zauberlehrling* применяется также к Мартину Лютеру. Восточногерманский историограф утверждает, что протестантство развивалось (и приняло характер революции) само по себе, без воли Лютера:

*„Das Bild vom **Zauberlehrling** drängt sich auf. Es spiegelt die Wirklichkeit nur halb und schief: diese **Geister** hatte Luther, so wie sie waren, nicht gerufen; aber sie kamen. Vor allem aber: was sich jetzt ereignete, hing längst nicht mehr von dem ab, was Luther je **gedacht, gesagt, geschrieben, gepredigt oder verwehrt** hatte. Einmal in Gang gesetzt, folgte die Reformation ihren eigenen Gesetzen. Und diese Gesetze waren die einer Revolution: aus einem scheinbar geringfügigen Anstoß heraus breitet sich eine Wellenbewegung über die ganze Gesellschaft aus, erfasst eine soziale **Klasse, Gruppe,***

*Schicht nach der anderen, läßt sich dabei mit deren **Forderungen, Hoffnungen, Wünschen und Groll** auf, gewinnt so **die Wucht historischer Notwendigkeit...***“ [Brendler 1983: 331]. Под «дúхами» (*Geister*) здесь понимаются революционные процессы, подчиняющиеся революционным законам. Дополнительную эмоциональность и оценочность данный отрывок приобретает благодаря повторам глаголов и существительных (в частности, двукратному использованию риторической фигуры градации: *Klasse, Gruppe, Schicht / Forderungen, Hoffnungen, Wünschen und Groll*).

Функцию оценивания выполняют также социально-исторические терминологические клише. Так, политика Отто фон Бисмарка оценивается восточногерманскими историографами Э. Энгельбергом и К. Х. Бёрнером как «бонапартизм» (например, в заголовке *Die bonapartistische Diktatur Bismarcks und Wilhelms Machtbefugnisse* у К. Х. Бёрнера) [Börner 1984: 214].

Ср. также: „*Fasst man sowohl die Verfassungsurkunde als auch die Verfassungswirklichkeit ins Auge, dann erweist sich **der schon damals entstandene Begriff des Bonapartismus** als zutreffende Kennzeichnung **der neuen Herrschaftsform***“ [Engelberg 1991: 645] (под бонапартизмом понимается форма государственности, сформировавшаяся в 60–70-е годы XIX века; при этом историограф уточняет, что термин уже существовал на тот момент).

Ранее Э. Энгельберг (ГДР) прослеживает появление термина «милитаризм» по отношению к Пруссии:

„*Durch [die] **den kleinen Mann** belastende Finanzierung der Heeresreorganisation verkehrte sich der demokratische Charakter der allgemeinen Wehrpflicht fast in sein Gegenteil. Damals **kam** im politischen Sprachgebrauch **der Begriff des Militarismus auf***“ [Engelberg 1991: 570]. Прусский милитаризм характеризуется как противоречивое явление: всеобщей воинской повинности, придающей военной реформе 1866 года демократический характер, противопоставляются высокие налоги в пользу армии. Историограф подчёркивает

«антидемократичность» налогов при помощи синекдохи *der kleine Mann* («маленький человек» как социальный индивид).

Повествуя о войне с Наполеоном, только К. Х. Бёрнер (ГДР) из двух авторов «параллельных» биографий использует (в частности, в паратекстуальном элементе – заголовке раздела) термин «освободительные войны» (*Befreiungskriege und Abschluss der Prinzenerziehung*) [Börner 1984: 26].

Клишированными являются и эмоциональные номинации персонажей. В частности, К. Х. Бёрнер (ГДР) отмечает прозвище «карточный принц», данное будущему императору Вильгельму I в связи с подавлением революций:

„Der Titel „**Kartätschenprinz**“, den der Prinz von Preußen während der **Märzrevolution in Berlin** erhalten hatte, wurde **nach dem badischen Feldzug** zu einer allgemein gebrauchten Bezeichnung in Deutschland“ [Börner 1984: 95]. Повествуя о баденском военном конфликте, историограф проводит аналептическую параллель с мартовской революцией и таким образом объясняет происхождение прозвища (взаимодействие с тактикой апелляции к групповому авторитету – современникам).

Особо следует сказать о традиционных персонально-оценочных номинациях Фридриха II: «Фридрих Великий» и «Старый Фриц». Обе номинации имеют место в анализируемых биографиях, но отдельно их рассматривает И. Миттенцвай (ГДР):

„Es war also der Kriegsheld Friedrich, der damals von den Zeitgenossen als groß gefeiert wurde... Einmal in Gebrauch, von seinen Anhängern kolportiert, von preußenfreundlichen Historikern aufgenommen, bürgerte sich die Bezeichnung in die Umgangssprache ebenso ein wie **der mehr familiäre und vertraute „alte Fritz“**.“

Größe ist ein relativer Begriff; sie ist nur messbar im Vergleich... Ob der Preußenkönig aber eine Persönlichkeit war, die mit Recht groß genannt werden kann, weil sie... das Rad der Weltgeschichte ein Stückchen weitergedreht hatte, darüber kann der Historiker nicht urteilen, nachdem er erst die Anfangsjahre seines

„Helden“ geschildert hat. Die Aufhellung der Gründe für die ehrenvolle Bezeichnung „der Große“ sollte lediglich kritische Distanz wecken...“ [Mittenzwei 1987: 80-81].

Далее – о «Старом Фрице»: *„Friedrich entwickelte Züge eines **kargen, menschenfeindlichen und einsamen Königs**, dem Verehrer und Apologeten zu Unrecht den familiären Beinamen „der alte Fritz“ gaben“* [Mittenzwei 1987: 110].

Итак, оба онима с эмоционально-оценочной коннотацией напрямую не противопоставляются. Если по поводу наименования «Старый Фриц» историограф даёт краткую оценку характеру протагониста, то номинация «Фридрих Великий» подвергается подробному анализу. Историограф противопоставляет её прозвищу «Старый Фриц» только с точки зрения популярности; при этом из приведённых отрывков видно, что оба прозвища появились в разное время. Если прозвище «Старый Фриц» характеризует Фридриха-мизантропа в поздние годы жизни, то «Великим», согласно И. Миттенцвай, Фридриха прозвали слишком рано: после большой военной победы. Историограф делает пролептическое пояснение, что протагонист мог заслужить это прозвище и позже, благодаря иной деятельности в мирное время:

*„Sicher spielten in den späteren Regierungsjahren **auch andere Gesichtspunkte** eine Rolle. Auf sie wird noch einzugehen sein“* [Mittenzwei 1987: 80].

И. Миттенцвай предостерегает реципиентов (в частности, возможно, потенциальных историков) от преждевременного использования предиката «Великий» в отношении исторической личности, поскольку «величие» – понятие относительное и следует оценивать его критически (ср. [Мовчан 2017–1: 157]). По-видимому, И. Миттенцвай намеренно избегает употребления сочетания *Friedrich der Große* без кавычек, давая этому предикату негативную оценку и также апеллируя к групповым авторитетам (обобщённое упоминание «сторонников» и «дружественных Пруссии историков»):

*„Einmal in Gebrauch, von **seinen Anhängern** kolportiert, von **preußenfreundlichen Historikern** aufgenommen, bürgerte sich die Bezeichnung in die Umgangssprache ... ein“* [Mittenzwei 1987: 80].

Говоря о характеристиках-клише, стоит отметить идею «противоречивости», ставшую основой для выбора исторической личности и аспектов освещения её жизни. Лексические единицы, образованные от существительного *Widerspruch* (противоречие), используются историографами в предисловиях и послесловиях при характеристике исторических личностей и объяснении целей работы.

Например: “... *ging es mir vor allem darum, die **widersprüchliche** Politik dieser **widersprüchlichen** Persönlichkeit noch genauer zu beschreiben...*” [Mittenzwei 1987: 8] – о Фридрихе, дополнительная эмоциональность за счёт повтора;

„*Deutlicher als früher erkannte ich, wie **stark, vielschichtig-widerspruchsvoll und reich** er als Persönlichkeit war und wie er sich dadurch als fähig erwies, die ... offenen Probleme auf seine Art von oben zu lösen*“ [Engelberg 1991: 9] – о Бисмарке и его «противоречивости», позволившей совершить «революцию сверху».

Ср. также в послесловии: „*Vielgestaltig und oft **widersprüchlich** erscheint Bismarck in seinem Wirken, das... Epoche machte... **Widersprüchlich** wie er selbst war auch sein Werk*“ [Engelberg 1991: 646] (историограф обозначает связь между противоречивостью личности и противоречивостью действий);

„*Nicht zuletzt die archivalischen Quellen bestärkten mich in der Absicht, die historisch-gesetzmäßigen Tendenzen in den Handlungen von Menschen aus Fleisch und Blut zu zeigen, ... auch in ihren **Widersprüchen**, vielgestaltig wie das Leben selbst*“ [Engelberg 1991: 10]. Здесь Э. Энгельберг (ГДР) характеризует свою задачу как историка в целом – показать исторических персонажей как можно более «живыми», со всеми противоречиями.

Оценочные характеристики исторических персонажей возникают также при интерференции нарраториальной и персональной точек зрения. При этом взаимодействие креативной компетенции (её текстостилевого аспекта) с референтной отражается в персональной точке зрения, её принадлежности к повествуемой картине мира.

Например, биографы Бисмарка эмоционально повествуют о суровых условиях в школе Пламанна, где учился протагонист, ссылаясь при этом на его собственные воспоминания. Ср.:

„*Was der Reichsgründer Otto v. Bismarck noch nach Jahrzehnten über das „künstliche Spartanertum“ bei den Plamanns erzählte, ist so kräftig anschaulich und mit dem von anderen Mitgeteilten konform, dass man ihm glauben kann... Niemals, so versicherte der alte Bismarck, habe er sich bei Plamanns satt gegessen*“ [Engelberg 1991: 89];

„*Wie nahezu überall im preußischen Bildungswesen erstarrte auch hier vieles... im Äußerlichen und bloß Formalen, in Drill und hohlem, deutschtümelndem Pathos, in einem „künstlichen Spartanertum“, wie Bismarck sich ausdrückte*“ [Gall 2002: 31-32].

В обоих отрывках точка зрения протагониста представлена разными способами передачи речи: как прямой (оба историографа приводят цитату из воспоминаний Бисмарка об «искусственно спартанских» условиях), так и косвенной (ссылка, оформленная при помощи сослагательности (*Konjunktiv I*) у Э. Энгельберга (ГДР)).

Точка зрения историографа реализуется при помощи оценочной и при этом идеологически окрашенной лексики: (*die Zeit geistiger und politischer Reaktion; erstarrte auch hier vieles... im Äußerlichen und bloß Formalen, in Drill und hohlem, deutschtümelndem Pathos*). На позицию историографа указывает также презенс и местоимение *man*, отсылающее к совмещённой позиции историографа и реципиента, и пролепсы: *der Reichsgründer Otto v. Bismarck, der alte Bismarck* (характеристика взрослого Бисмарка, в то время как в основном повествовании историограф рассказывает о детских годах «героя»).

Приписывание оценочных характеристик наличествует и в автономинании персонажей, например, *Stockpreuße* как экспрессивная (возможно, самоироничная) автономинация Бисмарка, на которую указывает Л. Галль (ФРГ) [Gall 1980: 85] (ср. [Мовчан 2017–2: 100]).

4.1.3 Тактика апелляции к авторитетам

Тактика апелляции к авторитетам реализует стратегию оценивания посредством приписывания оценочного мнения персонажу (отдельному историческому лицу или социальному индивиду) – без ссылки на источник этого мнения. Креативная компетенция (её текстостилевой и аналитический аспекты) в этих случаях взаимодействует с референтной, поскольку речевой план историографа накладывается на персональный.

Так, К. О. фон Аретин (ФРГ) утверждает, что Фридрих Вильгельм I видел в сыне (будущем Фридрихе II) расчётливого «лжеца и бунтаря»:

*„Der König sah in dem Sohn <...> einen **verlogenen Verschwender**, der sich mit Schach- und Winkelzügen hinterrücks den Anordnungen des Vaters widersetzte“* [Aretin 1985: 34].

И. Миттенцвай (ГДР) говорит о «надеждах» социального индивида («многих») при вступлении Фридриха на престол:

*„Nach dem harten Regime Friedrich Wilhelms I. hofften **viele** auf eine Erleichterung. Diese Hoffnungen waren **trügerisch**“* [Mittenzwei 1987: 37] (наложение точки зрения социального индивида на нарраториальную, реализованную через пролепсу об «обманчивых надеждах»).

Апелляция к групповому авторитету находит языковое выражение в глаголах «внутренних процессов». К. О. фон Аретин (ФРГ) также указывает, что Фридриха II «считали циником» (*„**Man** hielt ihn für einen Zyniker“* [Aretin 1985: 46]), а при повествовании о смерти протагониста приводит негативную реакцию народа: *„Gott sei Dank, das Ekel ist tot“* [Aretin 1985: 148].

В тексте Ф.-В.Кантценбаха (ФРГ) по поводу женитьбы Мартина Лютера историограф отмечает реакцию других религиозных деятелей:

*„Johannes Cochlaeus, Luthers <...> Gegner, **höhn**te: Ganz Deutschland weint und klagt, Luther aber hält Hochzeit“* [Kantzenbach 1972: 62] (ср. [Мовчан 2019: 97]).

К. Х. Бёрнер (ГДР) также прибегает к тактике апелляции к личному авторитету, говоря об отношении родителей к своим детям: *„Berührte der Vater*

*militärische Themen, so beteiligte sich **Wilhelm** mit großem Interesse an diesen Gesprächen, während der Kronprinz unberührt an seinen Zeichnungen strichelte. Kein Wunder, dass sich das väterliche Wohlwollen mehr dem zweiten Sohn zuneigte*“ [Börner 1984: 21] (об отношении к Вильгельму отца и сравнении двух братьев; вводный оборот *kein Wunder* также указывает на апелляцию к человеческому опыту, характерную для нарративного дискурса (ср. [Fludernik 2009: 59-60; Голоднов 2011: 228])).

4.1.4 Тактика сравнения

Тактика сравнения позволяет провести параллели между историческими личностями и событиями, также придавая им дополнительную эмоциональную окраску. Тактика сравнения реализована при помощи выразительных (сравнительных оборотов) и изобразительных средств (метафор). В них заключается текстостилевой аспект креативной компетенции. Однако эта компетенция выступает здесь как аналитическая компетенция историографа, позволяющая ему вычленить в личностях, событиях и эпохах сходства и различия. Поскольку сравнению подвергаются объекты и события из повествуемого мира, данную тактику наряду с креативной компетенцией реализует референтная.

Сравниваться могут персонажи-современники, например, отцы и сыновья. Так, об отношениях будущего короля Фридриха II с отцом (Фридрихом Вильгельмом) говорится в обеих «параллельных» биографиях. К. О. фон Аретин (ФРГ) утверждает, что история принца Фридриха и его отца – самая известная из «трагедий кронпринцев»: „*Von den **Kronprinzentragödien des Absolutismus** ist der Konflikt zwischen Friedrich Wilhelm I. und seinem Sohn Friedrich der bekannteste*“ [Aretin 1985: 33]. На точку зрения историографа здесь указывает грамматическое настоящее время. Данный отрывок – возможное сравнение с другими «трагедиями», не упомянутыми, но подразумеваемыми; предполагается понимание отсылки потенциальными реципиентами, принадлежащими

сообществу историков (текстотипологическая интертекстуальность и наложение рецептивной компетенции на референтную и креативную).

Сравнение Фридриха с отцом у И. Миттенцвай (ГДР) также имеет эмоционально-оценочную окраску:

„...[Friedrich] **liebte** Bücher, die sein Vater **verpönte**. Dafür ritt und schoss er schlecht. **Die Gegensätze spitzten sich zu**, je älter der Kronprinz wurde.

Friedrich litt unter seinem gewalttätigen Vater. Jahrzehnte später, schon König und in seinem Verhältnis zu anderen Staaten nicht minder gewalttätig, verfolgte ihn der prügelnde und gebietende Vater bis in seine Träume“ [Mittenzwei 1987: 16].

Эмоциональность достигается за счёт использования контекстуальных антонимов (*lieben – verpönen*), а также за счёт пролептической параллели: историограф уточняет, что и сам Фридрих, страдавший от жестокости отца, по отношению к другим государствам проявлял не меньшую жестокость.

Оба историографа приводят эпизод с избиением сына и прямой речью отца:

„Der erzürnte König erklärte in Gegenwart aller: „**Ich möchte wohl wissen, was in diesem kleinen Kopfe vorgeht. Ich weiß, dass er nicht so denkt wie ich; es gibt Leute, die ihm andere Gesinnungen beibringen und ihn veranlassen, alles zu tadeln**“. Bei diesen Worten schlug er seinen Sohn“ [Mittenzwei 1987: 16] (та же цитата слов отца у К. О. фон Аретина (ФРГ) [Aretin 1985: 34]).

Биографы Отто фон Бисмарка сравнивают родителей протагониста, их происхождение: „*Gegensatz von adlig und bürgerlich*“ [Engelberg 1991: 49] и подходы к воспитанию сына, в частности, к выбору учебного заведения. Так, Э. Энгельберг (ГДР) характеризует отца Бисмарка как типичного представителя поместного дворянства, а мать – как представительницу просвещённой буржуазии, делая при этом ключевым словом именно «просвещённый / просветительский» (*aufklärerisch*), а не «буржуазный» (*bürgerlich*) [Engelberg 1991: 63]. Историограф подчёркивает, что добродушного и недалёкого отца протагонист любил больше, чем «холодную» и строгую мать, однако до полного счастья в жизни с родителями было далеко:

„Bei dem intellektuellen und charakterlich ungleichen Elternpaar **ermangelte** dem heranwachsenden Jungen **Wesentliches: die mütterliche Wärme... und der väterlich-besonnene Ernst, der Rat und Achtung vermitteln kann**“ [Engelberg 1991: 94].

Однако к вопросу о зависимости характера персонажа от его отношений с родителями (и в принципе – от его предков) историограф подходит осторожно, подвергая при этом сомнению идеи других историков:

„Was der spätere Reichskanzler aus der väterlichen und was er aus der mütterlichen Ahnenreihe **geerbt haben mochte** – darüber sind schon viele **Spekulationen angestellt** worden“ [Engelberg 1991: 49]. На сомнение и возможную критику подходов указывают модальный глагол *mögen* в перфекте, а также словосочетание *Spekulationen anstellen*.

Л. Галль (ФРГ) уже в заголовке первой главы (*Zwischen zwei Welten*) драматически подчёркивает различие между отцом и матерью Бисмарка, характеризуя их интересы и ценности как «два мира». Противопоставление отца и матери у Л. Галля имеет яркую эмоциональную окраску, не присутствующую у Э. Энгельберга (ГДР). Приводя тот же довод о любви Бисмарка к отцу, что и восточногерманский историограф [Engelberg 1991: 93; Gall 2002: 30], Л. Галль (ФРГ) далее подчёркивает «восприимчивость» сына, остро чувствовавшего жизнь между «двумя мирами» и разные характеры и стремления его родителей:

„Hier lag ein **Zwiespalt** begründet, den die Kinder und vor allem **der sensiblere jüngere Sohn** [Bismarck. – М. М.] wohl stärker empfanden als der Vater, ... der sich ... in konkreten Lebensentscheidungen der Meinung seiner Frau anschloss“ [Gall 2002: 31]. Образы отца и матери у Галля, на основе воспоминаний Бисмарка, представлены так же, как и у Э. Энгельберга (ГДР): мать показана умной и «просвещённой», но «холодной», а отец – добродушным и несколько недалёким. Однако на восприятии этого ребёнком делается более яркий акцент.

У обоих авторов упомянуто, что сын был отдан в известную своей «прогрессивностью» школу Пламана по настоянию матери, и Бисмарку, по

воспоминаниям, было тяжело учиться в этой школе со «спартанскими» условиями. Однако Э. Энгельберг (ГДР) высказывается о выборе матери нейтрально, в то время как Л. Галль (ФРГ) выбирает более эмоциональные средства. Ср.:

*„Angesichts des pädagogischen Fortschritts und der Fülle des Unterrichtsstoffes... drängte **die bildungsbeflissende Mutter**... darauf, dass ihre Söhne in einer **renommierten** Schule der Residenz untergebracht würden“* [Engelberg 1991: 88]. Здесь выбор учебного заведения объясняется через характеристику самой матери (лексемы *bildungsbeflissend* и *Fortschritt* в рамках характеристики семьи Менкенов как представителей прогрессивных взглядов);

*„Für Wilhelmine Luise von Bismarck war es von vornherein ausgemacht, dass ihre Söhne den neuen Bildungsweg beschreiten würden... **Beamte, Diplomaten, vielleicht sogar einmal Minister** – das sollten die Söhne werden, **keine trägen und selbstzufriedenen Landedelleute**, ohne Ehrgeiz und ohne Zukunft“* [Gall 2002: 31]. Эмоциональность у Л. Галля (ФРГ) достигается за счёт перехода на перцептивную и идеологическую точку зрения самой матери Бисмарка: лексически выраженная негативная оценка поместных дворян, таких, как её муж, принадлежит именно её позиции.

Историографы сравнивают современников также с точки зрения политических взглядов. Например, Э. Энгельберг (ГДР), объясняя действия Бисмарка «пониманием исторического развития», сравнивает его с другими политиками – Л. фон Герлахом (которому этого «инстинкта» не хватало), и Горчаковым и Александром II (по мнению историографа, обладавшими этим пониманием):

*„Diese resignierende Ratlosigkeit macht Leopold v. Gerlachs **Unverständnis für die Entwicklung seiner Zeit** deutlich, die im wahrsten Sinne des Wortes über seinen historischen Horizont hinausgewachsen war. **Der lebendigere politische Instinkt**, der **einem** Bismarck, **einem** Gortschakow und selbst **einem** Alexander II ein **partielles Verständnis für die historisch-politische Entwicklung** verschaffte, fehlte in den*

Anschauungen Leopold v. Gerlachs völlig. So hielt er die Welt für verrückt und Abwarten in der Außenpolitik für das bestmögliche“ [Engelberg 1991: 377].

Сходство между Бисмарком и российскими политиками того времени, поставленными с ним в один ряд, подчёркивается историографом при помощи неопределённого артикля, стоящего перед именами собственными. Значение артикля здесь – в типизации исторических персонажей, «умеющих» чувствовать исторические обстоятельства, в противовес «не умеющим».

Л. Галль (ФРГ), повествуя о борьбе с либералами, характеризует либерала Э. Ласкера как антипода Бисмарка („...*Eduard Lasker, der... zu einer Art kritischem Antipoden des Kanzlers geworden war...*“ [Gall 2002: 652]), а его речь – как «открытое объявление войны» („*die offene Kriegserklärung*“) [Gall 2002: 669].

К. Х. Бёрнер (ГДР) замечает, что после революции и принятия конституции Вильгельм и его брат-король Фридрих Вильгельм IV «поменялись местами»: если раньше первый был жёстким консерватором, а второй реформатором, то теперь стало наоборот:

„Im Vergleich zum Vormärz hatten Prinz Wilhelm und Friedrich Wilhelm IV. Ihre Plätze getauscht. War von Wilhelm zunächst der Anspruch der junkerlich-monarchistischen Alleinherrschaft vertreten und eine fortschreitende reformerische Entwicklung strikt abgelenkt worden, während der König geringfügige Reformen zugestand, so zeigte sich der Prinz jetzt gegenüber „notwendigen“ Reformschritten aufgeschlossener, wogegen Friedrich Wilhelm die Absichten der reaktionärsten Teile des Junkertums begünstigte“ [Börner 1984: 112-113].

Сравнение эксплицитно выражено при помощи подчинительных союзов *während, wogegen*, оборота *im Vergleich zu*, инверсии во втором предложении отрывка, а также антонимов *fortschreitend, reformerisch – reaktionär*.

Сравнение имеет место и в структуре одной и той же исторической личности, если персонаж рассматривается на различных этапах жизни. Такое сравнение наблюдается у К. О. фон Аретина (ФРГ) в начале повествования о молодом Фридрихе, о формировании его личности в жизненных трудностях:

“In dem **Feuerofen** eines unerhört harten Lebens wurde aus dem **leichtfertigen, ruhmsüchtigen jungen König... ein verbitterter alter Mann**, dem die Geschichte das Prädikat “*der Große*” verlieh” [Aretin 1985: 12];

„Der **Jüngling**, der am Morgen der Schlacht von Mollwitz vom Sieg überrascht wurde, war **reif geworden**, die **Gefahren** zu erkennen, in die er Preußen gebracht hatte“ [Aretin 1985: 42].

Факторы, формирующие личность, обозначены либо обобщённо и метафорически (*Feuerofen*), либо конкретными вехами жизни (битва при Мольвице). Жизненные этапы протагониста сравниваются за счёт противопоставления лексических единиц *jung / Jüngling – alt / reif*, создающим в тексте риторическую фигуру контраста. При этом оценка как молодого, так и зрелого Фридриха не является положительной: если молодой протагонист характеризуется как «легкомысленный» и «честолюбивый», то повзрослевший – как «сварливый» (*verbittert*); кроме того, отмечаются «опасности» (*Gefahren*), грозившие стране по вине самого Фридриха.

Оценочно окрашенные сравнения применяются и к «современникам» – социальным индивидам. Так, у биографов Фридриха II при повествовании о военных действиях поведению мародёров противопоставляется страдающее мирное население:

„Beide Seiten schonten die Bevölkerung nicht. **Preußische Freikorps... und kaiserliche Söldner sollen häufig nach einem Scharmützel in freundschaftlicher Eintracht gemeinsam die Häuser ausgeplündert haben...** Das bekam das **Bürgertum Leipzigs** vor allem zu spüren... Allerdings verfahren auch die gegnerischen Kräfte nicht humaner. Die fortschreitende Erschöpfung aller Reserven veranlasste auch sie zu einem **steigenden Druck auf die Bevölkerung der besetzten Gebiete**“ [Mittenzwei 1987: 134-135].

В данном отрывке, помимо оценочно окрашенного противопоставления военных и гражданских, сравниваются действия прусских и австрийских военных, причём отмечается, что различий в плане жестокости между ними не было.

Использование *sollen* в презенсе для передачи слухов также носит дополнительный оценочный характер и указывает на интерференцию точек зрения.

Оценочные сравнения, как и сравнения в рамках стратегии объяснения, могут носить пролептический или аналептический характер, отсылая к персоналиям, жившим раньше или позже протагониста, к прошедшим или будущим событиям. Так, Л. Галль (ФРГ), повествуя о войне 1866 года и оценочно характеризуя её как «инструмент насильственной компенсации» (*Instrument des gewaltsamen Ausgleichs* [Gall 2002: 425]), проводит аналогию с последующей франко-прусской войной:

„Hier wird bereits hinter dem Bild des rücksichtslosen, stets kriegsbereiten preußischen **Machtpolitikers** dasjenige des europäischen **Friedenspolitikers** nach 1871 sichtbar... Was beide ineinanderrückt, ist eben das, was zugleich **die Kriege von 1866 und 1870/71** charakterisiert: Das **hier wie dort nichts eigentlich Neues anvisiert**, sondern unter möglicher Bewahrung des Bestehenden **nur dem eine neue Form zu geben versucht wurde, was inhaltlich bereits vorhanden war** und so oder so nach Geltung und Durchsetzung drängte“ [Gall 2002: 425]. Сравнение двух войн, в которых отмечается их сходство (общие предпосылки и цели), является также сравнением двух образов Бисмарка, инициировавшего эти войны: образов «военного» и «мирного» политика.

Э. Энгельберг (ГДР), повествуя о той же войне, проводит параллель (аналепсу) между битвой при Кёниггретце и Битвой народов под Лейпцигом (уточняя, что битва при Кёниггретце была «второй великой битвой XIX века»):

„Nach der **Völkerschlacht bei Leipzig im Jahre 1813** war bei **Königgrätz** die **zweite große Massenschlacht des 19. Jahrhunderts** zu Ende gegangen“ [Engelberg 1991: 514].

Эмоциональность и оценочность появляются за счёт прецедентного характера персоналий и событий, с которыми сравниваются повествуемые события и участвующие в них персонажи. Среди них особо стоит отметить

Наполеона и Гитлера. Так, в послесловиях к биографиям Фридриха II проводится параллель с государствами – преемниками Пруссии: Германской империей и Третьим рейхом.

*„Wer die europäische Geschichte kennt, weiß, dass das oben entwickelte Bild von Großmachtpolitik in der Vergangenheit keine Stütze findet. Auch **ein** Ludwig XIV., **ein** Napoleon und nach ihm das Wilhelminische und Hitlerische Deutschland haben den Thesen Machiavellis geglaubt, dass man Verträge nicht halten müsse, Kriege mutwillig beginnen und dann auf sein Glück vertrauen dürfe. In allen Fällen wahrte Europa seine Freiheit, indem es sich gegen diese **Rechtsbrecher** zusammenschloss“* [Aretin 1985: 151]. В пролептических сравнениях креативная компетенция историографа проявляется как прогностическая.

Помимо Наполеона и Гитлера, К. А. фон Аретин (ФРГ) проводит также параллели с Людовиком XIV (с использованием неопределённого артикля, «типизирующего» исторических личностей со сходной, по мнению историографа, политикой) и императором Вильгельмом. Все упомянутые деятели сравниваются на основе следования принципам «макиавеллизма», которые историограф трактует в негативном ключе (нарушение договоров и т. д.). Следующее предложение также является оценочным: «правонарушителям»-макиавеллистам историограф противопоставляет Европу как социального индивида, «отстаивающего свою свободу». Таким образом, оценочность основывается здесь на демократической политической идеологии и гуманистических ценностях.

И. Миттенцвай (ГДР) также проводит параллель с Бисмарком и Гитлером:

*„Man begann [Preußens] Vergangenheit... zu durchforschen und... fand in den Kriegen Friedrichs II., seiner aggressiven Annexionspolitik, seinem Kampf um die **Vergrößerung und Abrundung des preußischen Staates** den Beginn eines nationalen Prozesses, als dessen Vollender Bismarck erschien. Friedrich II. hat nie nationale Ziele verfolgt. Das ist seit langem erwiesen. Insofern gab es auch keine einfache Fortführung friderizianischer Politik durch den Junker Bismarck und keine einfache Linie, die von Friedrich II. über Bismarck später zu Hitler führte... Aber eine*

gebrochene Kontinuität gab es doch. Mit Friedrich hatte der österreichisch-preußische Dualismus begonnen, der unter Bismarck... gelöst wurde“ [Mittenzwei 1987: 227-228]. И. Миттенцвай анализирует здесь изучение «великопрусского» вопроса и поиск параллелей между данными тремя деятелями, критикуя тех, кто выводит прусский национализм именно из политики Фридриха.

Л. Галль (ФРГ) также сравнивает Бисмарка с Гитлером и напрямую, критикуя при этом политику последнего и называя её «анахроничной» и в то же время отмечая разницу в их подходах:

*„Mit Recht hat man von **Hitler** gesagt, dass dessen **anachronistisches Programm** ganz und gar folgenlos geblieben sei, dass **aber gegen seinen Willen und gleichsam hinter seinem Rücken die Zeit seiner Herrschaft eine Zeit sprunghafter Veränderung... auch auf sozialem Gebiet geworden sei. Ähnliches gilt für Bismarck, nur mit dem grundlegenden Unterschied, dass er sich nicht zu wissen vermaß, was eine höhere Macht angeblich wolle. Er hat niemals bezweifelt, dass ein höherer Wille den eigenen Absichten zuwiderlaufen, dass er das individuell Gewollte in einen ganz anderen Zusammenhang stellen könne“*** [Gall 2002: 148]. Употребление *Konjunktiv I* при характеристике Гитлера указывает на коллективную точку зрения историографов (*man*), а при характеристике Бисмарка – на его собственную позицию (как она представляется самому Л. Галлю).

Биографы Мартина Лютера сравнивают протагониста не только с Томасом Мюнцером, но и с другой прецедентной фигурой – Яном Гусом:

*„Das Schicksal von **Jan Hus** vor Augen, **bedrückte** [Luther] die Schande, die er seinen Eltern **machen würde**, wenn er nun **brennen müsste“*** [Brendler 1983: 144] (персональная точка зрения в наложении на нарраториальную выражается в глаголе внутреннего процесса и в сослагательном наклонении для передачи косвенных мыслей);

*„Mit den **Hussitismus beginnt** im 15. Jahrhundert ein **Zyklus von Reformationen**. Er **setzt sich** im 16. Jahrhundert in Deutschland **fort, nimmt** aber*

dort... die neue Qualität einer... bürgerlichen Revolution an“ [Brendler 1983: 291] (нарраториальная точка зрения: панорама веков, выражающаяся через презенс).

У Ф.-В. Кантценбаха (ФРГ) сравнение с Яном Гусом принадлежит персональной точке зрения. С Гусом Лютера сравнивает император на собрании в Вормсе, и историограф приводит слова императора в виде прямой речи (цитаты):

„...Denn es ist sicher, dass ein einzelner Bruder irrt, wenn er (wie Hus!) gegen die Meinung der ganzen Christenheit steht...“ [Kantzenbach 1972: 47].

4.2 Стратегия самопрезентации и её реализация в структуре текста

Стратегия самопрезентации реализуется в языке через эксплицитные сигналы авторского присутствия и авторской позиции. Реализовать данную стратегию позволяет в первую очередь креативная компетенция. Самопрезентация находит своё отражение главным образом в предисловиях, вступительных и заключительных главах исторических биографий.

Самопрезентация — одна из важнейших частных стратегий аргументирования, в исторических биографиях реализующая принцип идентичности (ср. [Валевский 1993: 16-17]). В теоретическом дискурсе самопрезентация отражает одну из важнейших «процедур» создания научного текста (*verfasserreferentielle wissenschaftliche Prozedur*) [Steinhoff 2009: 104].

Положительная самопрезентация адресанта (в данном случае — историографа) позволяет организовать аргументативные последовательности, создающие эффект достоверности в нарративе и положительный образ говорящего в целом (ср. [Ван Дейк 2000: 296-297, 300]). По Л. М. Бондаревой, акт самопрезентации субъекта речи является одним из признаков ретроспективного дискурса, к которому, в частности, принадлежат исторические труды [Бондарева 2019: 21].

Двудоминантный характер стратегии самопрезентации проявляется, с одной стороны, в использовании «сильных позиций» и средств автономинации (различных сигналов присутствия самого историографа в текстах), указывающих

на креативную компетенцию, на роль учёного и идеолога, которую играет историограф в повествовании, с другой – на создание историографом образа идеального реципиента как проявления рецептивной компетенции.

Стратегия самопрезентации находит отражение в тактиках персонализации, аттрактивации и апелляции к авторитетам.

4.2.1 Тактика персонализации

Персонализация в рамках самопрезентации связана с сигналами присутствия историографа в тексте. Основными эксплицитными маркерами персонализации являются субъективные автономинации – личные местоимения первого лица (*ich, wir*).

Так, местоимение *ich* историографы используют во введениях и заключениях с целью объяснения своей позиции по поводу выбранного «героя». Примечательно, что самопрезентация при помощи личного местоимения отмечена именно в текстах восточногерманского историко-биографического дискурса [Brendler 1983; Engelberg 1991 (1985); Mittenzwei 1987 (1986)].

Местоимение «я» в теоретическом дискурсе репрезентирует три разных аспекта личности адресанта (исследователя, историографа): «я» сочинителя, «я» исследователя и «я» повествователя [Steinhoff 2007: 2, 7, 9].

«Я» сочинителя (*Verfasser-Ich*), указывающее на этапы исследования с точки зрения метакоммуникации (в случае с нарративом – метанаррации), представлено в тех случаях, когда исследователь уточняет отдельные цели и задачи своего труда. Цель историографа – рассмотреть протагониста не только в контексте эпохи и общественных движений, но и как живого человека со своими чувствами и интересами, причём это же относится и к другим окружавшим его персонажам. Следовательно, «я» сочинителя отражает аналитический и прогностический аспекты креативной компетенции.

Так, в следующем отрывке Э. Энгельберг (ГДР) называет те аспекты личности и эпохи, которые намеревается осветить в своей биографии. Помимо

«движущих сил истории», он предполагает уделить внимание различным сторонам личности Бисмарка и при этом отдельно отметить его происхождение, детство и юность:

*„Was **ich** über die bewegenden Kräfte der Geschichte im 19. Jahrhundert **erarbeitet und zu vermitteln versucht hatte**, sollte zwar in die Biographie eingehen, aber nun **wollte ich** Bismarcks Persönlichkeit in den Mittelpunkt der Darstellung stellen, politisch, menschlich, möglichst allseitig. Dabei **konnte ich** seine **Herkunft, Jugend und Frühzeit** nicht summarisch abtun“* [Engelberg 1991: 9].

Уточняя свой замысел, историограф объявляет, что тенденции и закономерности в истории („*die historisch-gesetzmäßigen Tendenzen*“) он планирует показать через действия реальных людей с их особенностями и слабостями:

*„Nicht zuletzt die archivalischen Quellen bestärkten mich in der Absicht, **die historisch-gesetzmäßigen Tendenzen** in den Handlungen von **Menschen aus Fleisch und Blut** zu zeigen, **mit ihren Schwächen und Stärken**, auch in ihren Widersprüchen, vielgestaltig wie das Leben selbst“* [Engelberg 1991: 10].

«Я» исследователя (*Forscher-Ich*) отражает аналитический аспект креативной компетенции, выполняя функцию выдвижения гипотезы или основной мысли в научном труде. В частности, Э. Энгельберг (ГДР) указывает в предисловии на противоречивый характер выбранной им личности и характерный для нее *modus agendi* («революция сверху», которую сам историограф считает типичной для личности вроде Бисмарка; причинная связь между характером и действиями выражается здесь при помощи местоимённого наречия *dadurch*):

*„Deutlicher als früher erkannte ich, wie **stark, vielschichtig-widerspruchsvoll und reich** er als Persönlichkeit war und wie er sich **dadurch** als fähig erwies, die nach der gescheiterten Revolution von 1848 offenen Probleme **auf seine Art von oben** zu lösen“* [Engelberg 1991: 9].

Ученица Э. Энгельберга и автор биографии Фридриха II И. Миттенцвай (ГДР), приводя в предисловии самые значимые моменты своей работы, отмечает внесённые в текст правки, исходящие из читательских пожеланий:

„**Verstärkt habe ich** vor allem die Passagen, die sich mit der geistigen Entwicklung Friedrichs II. befassen, dagegen wurde auf viel mehr „Privates“ verzichtet“ [Mittenzwei 1987: 8]. При этом название самого действия с помощью причастия второго как части результативного перфекта вынесено на первую позицию в предложении с инверсией.

У Г. Брендлера (ГДР) в предисловии к биографии М. Лютера, помимо употребления «я» исследователя [Brendler 1983: 7], также используется коллективное «мы». Оно носит диалогический характер, поскольку включает не только самого историографа, но и его современников, других историографов и потенциальных адресатов:

„...konnte **ich mich**... mehr Luthers geistiger Entwicklung und seinem individuellen Verhalten **zuwenden**... Martin Luther... **dachte als Theologe und handelte als Intellektueller** im Fürstenstaat **unter den Bedingungen seiner Zeit**, die von der ersten Revolution auf deutschem Boden gekennzeichnet war. **Dies prägte sein Leben** und steht deshalb im Mittelpunkt dieser Biographie. Wenn **wir** ihn verstehen wollen, dann sollten **wir** ihm glauben, dass **er die Probleme hatte, von denen er sprach, und dass er es so meinte, wie er es sagte**“ [Brendler 1983: 7-8]. Перечисляя идеи, которые историограф планирует осветить, он также отмечает сочетание общественного и личного в биографии.

«Я» повествователя (*Erzähler-Ich*) также отражает аналитический аспект креативной компетенции. Это «я» носит наиболее субъективный характер: с его помощью историограф повествует о личном отношении к проблеме, о том, как он пришёл к её изучению, о возможных трудностях. Примером реализации «я» повествователя служит предисловие к биографии Бисмарка, написанной Э. Энгельбергом (ГДР):

„Zunächst: **Ich** komme von der Gegenposition. Empörung gegen den Verfasser des Sozialistengesetzes **bewegte mich**, als **ich**... meine Dissertation über [Bismarck] schrieb“ [Engelberg 1991: 9]. Э. Энгельберг поясняет, что образ Бисмарка изначально заинтересовал его вследствие не симпатии, а антипатии (из-за

отношения Бисмарка к социалистам). Далее историограф сообщает, что его «позиция от противного» (*Gegenposition*) обусловлена, в том числе, «запретностью» темы прусской истории в посленацистской Германии [Engelberg 1991: 9].

К *Erzähler-Ich* можно также отнести благодарности, приносимые в предисловиях, поскольку историограф отмечает помощь конкретных людей, в том числе близких ему, как личности, в создании работы:

„Da meine Darstellung auch auf unveröffentlichtem Quellenmaterial basiert, möchte ich zunächst den Archiven und ihren Verantwortlichen herzlich danken...“ [Engelberg 1991: 10];

„Allen meinen Lesern zu danken, die mich durch ihre Fragen zum Nachdenken und zur weiteren Beschäftigung mit diesem Stoff anregen, ist mir ein Bedürfnis“ [Mittenzwei 1987: 7-8]. В данных примерах отмечены также проблемы / вопросы, возникавшие при создании текста, характерные для *Verfasser-Ich*. В этом случае можно говорить «я» повествователя с «я» сочинителя.

Западногерманские авторы анализируемых текстов демонстрируют склонность к соблюдению запрета на «я» и вместо него используют местоимение «мы», например:

„Wir überschauen nun den Weg, den [Luther] zurückgelegt hat... könnte noch vieles über seine Nachwirkung gesagt werden – eine kleine Biographie vermag dies nicht zu leisten...“ [Kantzenbach 1972: 96] («я» сочинителя в сочетании с «я» повествователя – о трудности, стоящей перед биографом). Параллельно с *wir* здесь используется пассивный залог, свидетельствующий о противоположной стратегии – объективации.

Местоимение *wir* использует и К. О. фон Аретин (ФРГ) во вступлении к биографии Фридриха II. Это вступление не является паратекстуальным элементом, поскольку оно уже повествует о жизни и деятельности «героя», хотя и содержит авторские рассуждения: *„1740 wurden die alten Rechtsprinzipien der europäischen Politik von diesem jungen König mit einer, wie wir sehen werden,*

unglaublichen Leichtfertigkeit in Scherben geschlagen“ [Aretin 1985: 12]. Здесь *wir*, объединяя адресанта и идеального адресата, сигнализирует о «я» сочинителя (пролептическая отсылка к информации, о которой пойдёт речь в тексте биографии далее).

Использование местоимения *wir* в историко-биографической коммуникации разделённой Германии сигнализирует о «соавторстве» историографа и читателя в рамках рецептивной компетенции. Подобное «соавторство» является особенностью, характерной для конвергентной дискурсной формации.

Если во вступлениях и заключениях историографы используют самопрезентацию при помощи личного местоимения 1-го лица единственного числа, то для основного повествовательного текста местоимение *ich* не характерно. Западно- и восточногерманские историографы предпочитают ему местоимение *wir*, например:

*„Über die Gespräche, die Bismarck hier und später mit dem französischen Kaiser führte, wissen **wir** verhältnismäßig wenig*“ [Gall 2002: 198] («мы» исследователя/повествователя, неосведомлённость историографа);

*„Auch die adligen Gutsbesitzer **waren** handlungsfähiger geworden; **wir** übersehen oft, dass auch sie in ihrer Art schollenpflichtig **gewesen waren**“* [Engelberg 1991: 71] (исследовательское «мы», рекомендация, как реципиенту следует оценивать события).

4.2.2 Тактика аттрактивации

Тактика аттрактивации направлена на привлечение внимания реципиента при помощи сигналов авторского присутствия в тексте. Наибольший эффект эта тактика имеет в сильных позициях, таких, как заголовки, и иных паратекстуальных элементах, направленных на презентацию текста [Genette 1989]. В связи с этим (как и в иных случаях с «сильными позициями») в отношении аттрактивации можно говорить о взаимодействии креативной и

рецептивной компетенций, а также о текстостилевом и аналитическом аспектах креативной компетенции.

При рассмотрении паратекстов как сильных позиций, привлекающих внимание реципиента, в первую очередь следует обратить внимание на заголовки: названия как работ в целом (инициальные паратекстуальные элементы), так и разделов, глав и параграфов (медиальные: в терминологии Ж. Женетта – промежуточные заголовки (нем. *Zwischentitel*) [Genette 1989: 281]). Заголовки передают основную тему или идею текста в сжатой форме, благодаря чему осуществляется связь заголовка со всем текстом. Эта функция заголовков называется тематизирующей (ср. [Genette 1989: 19, 79]). Однако в полном объёме смысла заголовков воспринимается только ретроспективно, по прочтении всего текста. Заголовок может выполнять также факультативные функции: символизирующую (если в нём заложен символический смысл) и оценочную [Гончарова, Шишкина, 2005: 106-119]. Ж. Женетт отмечает ещё одну факультативную функцию – «привлечения внимания» (реализация стратегии аттрактивации в чистом виде).

Особенность заголовков как сильных позиций с точки зрения прагматики заключается в том, что заголовки и основной текст имеют разных адресатов. Если текст адресован только его непосредственным читателям, то заголовок – «публике» в широком смысле слова: широкая аудитория по заголовку определяет, какого рода текст перед ней, и решает, заинтересована ли она в этом тексте [Genette 1989: 77]. В этом отражается владение рецептивной компетенцией.

В историко-биографическом дискурсе заголовки расставляют акценты на тех аспектах, которые историограф планирует осветить, и могут также свидетельствовать об идеологической точке зрения.

Заголовки анализируемых «параллельных» биографий выглядят следующим образом:

ФРГ	ГДР
Friedrich der Große. Größe und	Friedrich II. von Preußen. Eine

Grenzen des Preußenkönigs. Bilder und Gegenbilder	Biographie
Bismarck. Der weiße Revolutionär	Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer
Martin Luther. Der bürgerliche Reformator	Martin Luther. Theologie und Revolution
Wilhelm I. Der letzte Preuße	Kaiser Wilhelm I. 1797 bis 1888. Deutscher Kaiser und König von Preußen. Eine Biographie

Как видно, каждый заголовок сопровождается подзаголовками, одним или двумя, идущими после точки и на титульном листе выделенными более мелким шрифтом (ср. [Brendler 1983: 3; Kantzenbach 1972: 3; Aretin 1985: 3; Mittenzwei 1987: 3; Gall 2002: 3; Börner 1984: 3]). По подзаголовкам прослеживается идеологическая позиция историографов, а также оценочная окраска. Только подзаголовок И. Миттенцвай (ГДР) ни на что, кроме жанровой принадлежности, не указывает, являясь исключительно формальным образованием (ср. [Genette 1989: 79]). Подзаголовок у К. Х. Бёрнера (ГДР) также не окрашен оценочно, но он выполняет тематизирующую функцию (в рамках стратегии информирования), сообщая реципиенту основную информацию о протагонисте: его годы жизни и титул / род занятий.

Эти особенности заголовков позволяют им выполнять, помимо обязательной тематизирующей функции, как оценочную функцию (слова и словосочетания с идеологической тематикой, такие как *Urpreuße*, *der letzte Preuße*, *der weiße Revolutionär*, *der bürgerliche Reformator* несут эмоциональную нагрузку), так и символическую функцию (Бисмарк и Вильгельм представлены в заголовках как символы консервативной Пруссии, а позже – империи, Лютер – революции). Что касается функции привлечения внимания, то её выполняют все заголовки, кроме названий текстов И. Миттенцвай и К. Х. Бёрнера (ГДР).

Отдельно следует отметить заголовки в биографиях Фридриха II. Так, у К. О. фон Аретина (ФРГ) Фридрих в заголовке по традиции назван «Великим», а в заголовке «параллельной» восточногерманской биографии И. Миттенцвай –

Фридрихом II. Эта позиция, заявленная историографами уже в заголовках, прослеживается и в самом повествовании, и в названиях глав. Так, одна из глав работы И. Миттенцвай (ГДР) озаглавлена риторическим вопросом: *Friedrich – der Große?* [Mittenzwei 1986: 78]. В этой главе, как уже упоминалось, историограф выражает сомнение по поводу того, можно ли считать этого правителя «великим», и высказывает мысли о значении самого понятия «величие» [Mittenzwei 1986: 81].

Необычно также построение промежуточных заголовков в тексте Г. Брендлера (ГДР). Названия разделов в нём перекликаются между собой при помощи повторов и синтаксического параллелизма (*mit... gegen, mit... für*),

Например: *Mit dem Glauben gegen die Scholastik. 1516-1517* [Brendler 1983: 76]; „*Aus reiner Liebe zur Wahrheit*“. *Mit dem Glauben gegen die Betrüger des Volkes. Oktober 1517 – März 1518* [Brendler 1983: 101]; *Mit der Gesetzpredigt für Ruhe und Ordnung in Land und Kirche* [Brendler 1983: 380] и др.

В западногерманской биографии Лютера (Ф.-В. Кантценбах) заголовки имеют более абстрактный характер, чем у Г. Брендлера (ГДР), и выполняют символическую функцию, указывая на важные (с позиции историографа) вехи в жизни протагониста: *Durchbruch* [Kantzenbach 1972: 7]; *Der Kampf beginnt* [Kantzenbach 1972: 25]; *Jahre der Entscheidung* [Kantzenbach 1972: 31]; *Bekenntnis und Öffentlichkeit* [Kantzenbach 1972: 68] и др.

В других рассматриваемых текстах промежуточные заголовки напрямую указывают на этапы жизни или статус протагониста либо на конкретный аспект рассматриваемой эпохи.

Например: *Frühe Kindheit auf dem Lande und Schuljahre in der Residenz* [Engelberg 1985: 85], *Erste Aktivitäten im Bundestag* [Engelberg 1985: 373], *Der siebenjährige Krieg* [Aretin 1985: 74], *Die Gesellschaft im friderizianischen Staat* [Aretin 1985: 108], *Der Kronprinz* [Mittenzwei 1987: 9], *Das Politische Testament von 1752* [Mittenzwei 1987: 101], *Die ersten Jahre der Regierung Friedrich Wilhelms IV.* [Börner 1984: 55]; *Revolution in Berlin* [Börner 1984: 72]; *Die Neue Ära* [Herre 1983: 239]; *König von Preußen* [Herre 1983: 283]; *Deutscher Kaiser* [Herre 1983: 370] и др.

Вместе с указаниями на веку (или исторический период в целом) заголовки могут носить и эмоционально-оценочный характер, например: *Die Flucht des „Kaufmann Oelrichs“* [Börner 1984: 76]; *Der Londoner Emigrant* [Börner 1984: 80] (иронически окрашенные названия разделов, повествующие об изгнании принца: *Kaufmann Oelrich* является его псевдонимом, «лондонский эмигрант» – ироническим перифразом); *Königlich-preußisches Biedermeier* [Herre 1983: 103] (об укладе жизни при дворе; термин *Biedermeier* метафорически характеризует господствующие порядки).

Следует отметить ещё одну особенность названий глав как паратекстуальных элементов у Л. Галля (ФРГ). В оглавлении, также являющемся паратекстом, каждый из заголовков снабжается несколькими подзаголовками, представляющими собой своеобразные «краткие конспекты» каждого параграфа [Gall 2002: 7-13]. Например, после названия раздела *Zwischen zwei Welten* в оглавлении идут следующие номинативные словосочетания:

„*Das Elternhaus – Die väterliche und die mütterliche Welt – Ehrgeiz der Mutter – Frühe Polarisierung der Lebensziele – Studium in Göttingen – Heeren – Die eigene Generation – Motley – Das Lebensgefühl – Examina – Die Zukunft – Aachen – Erster Ausbruch – Die Krise – „Rückkehr“ in die väterliche Welt – Die Begründung – Perspektiven – Bedürfnis nach religiöser Bindung – Lebensleere – Doch in den Staatsdienst? – Lektüre – Marie von Thadden – Die Konversion – Johanna von Puttkamer – Der Tod Marie von Thaddens – Werbung und Heirat – Die Bedeutung der Religion – Politische Grundvorstellungen – Der Staatsgedanke – Christlich begründeter Pragmatismus – Das Problem der Verantwortlichkeit – Karriere durch die Revolution*“ [Gall 2002: 7].

Таким образом, уже в оглавлении историограф обозначает основные вехи каждого периода жизни протагониста (в данном случае – его молодости): события (*Studium in Göttingen*; „*Rückkehr*“ *in die väterliche Welt*; *Werbung und Heirat* и др.) или локации (*Das Elternhaus*; *Aachen*). Помимо вех, отмечаются значимые для протагониста личности и в отдельных случаях их характеристики (*Ehrgeiz der*

Mutter; Motley; Marie von Thadden; Johanna von Puttkamer и др.), а также идеи, связанные с конкретным периодом жизни (*Frühe Polarisierung der Lebensziele; Das Lebensgefühl; Die Bedeutung der Religion* и др.).

При этом в основном тексте подобные «конспекты» уже не сопровождают заголовки [Gall 2002: 29; 141; 286 и. а.]. Такое краткое содержание в оглавлении выполняет вместе с заголовком ознакомительную (тематизирующую) функцию.

Такой инициальный паратекстуальный элемент, как *эпиграф*, не является прерогативой фикциональной литературы. Эпиграфы имеют место и в произведениях фактуальных, в том числе в исторических биографиях. «Своеобразие эпиграфа... состоит в «перепорученном», вторичном, характере осуществляемой им коммуникации между автором и читателем, так как здесь автор использует для своих целей уже сказанное кем-то» в реальной коммуникации либо в литературном произведении [Гончарова, Шишкина, 2005: 119-125].

Эпиграфами предваряются тексты Л. Галля (ФРТ) и Э. Энгельберга (ГДР). Л. Галль приводит эпиграф из работы немецкого экономиста и политика Л. Бамбергера *Monsieur de Bismarck* (1868):

„Man kann keinen Augenblick daran zweifeln, dass er **ein geborener Revolutionär** war. Denn man wird als Revolutionär geboren wie als Legitimist, nach der Art der geistigen Anlage, während der Zufall allein darüber entscheidet, ob **die Umstände des Lebens aus dem gleichen Menschen einen Weißen oder einen Roten machen**“ [Gall 2002: 15]. Этот эпиграф объясняет выбор историографом заголовка (*Der weiße Revolutionär*) и иллюстрирует его идеологическую позицию в связи с ролью личности в истории (включая утверждение Л. Бамбергера о роли случая).

Далее, в предисловии, озаглавленном *Die „Umstände des Lebens“: der Mann und seine Zeit*, эта позиция развивается. Слова „*Umstände des Lebens*“, взятые в кавычки, отсылают к процитированному эпиграфу, а вторая часть заголовка (*der Mann und seine Zeit*) – к идеям Г. В. Ф. Гегеля об исключительности исторической личности и ее роли в прогрессивном движении духа. На Гегеля историограф

опирается в предисловии к биографии и приходит к заключению, что ответы на вопросы, поставленные историей, следует искать в сочетании субъективного и объективного факторов [Gall 2002: 25].

Э. Энгельберг, восточногерманский автор «параллельной» биографии, также обращается к Г. В. Ф. Гегелю, используя для эпиграфа его высказывание:

*„Das Interesse der Biographie... scheint direkt einem allgemeinen Zwecke gegenüber zu stehen, aber sie selbst hat **die historische Welt zum Hintergrunde, mit welchem das Individuum verwickelt ist...**“* [Engelberg 1985: VII]. Здесь мысль о связи между личностью и «историческим миром» переплетена с идеей о цели биографии (показать личность без отрыва от контекста эпохи).

Тактику аттрактивации в рамках самопрезентации реализуют также полимедиальные паратекстуальные элементы, создающие образ историографа как исследователя: иллюстрации и подписи к ним. Подписи к иллюстрациям привлекают внимание реципиента, вынося в отдельный блок повествование, дополнительное к основному.

Так, Э. Энгельберг (ГДР) в подписях к иллюстрациям издания 1985 года не только разъясняет, что на них изображено, но и приводит отдельный элемент исторического повествования, дополняющий основную линию, или высказывает своё мнение об изображении. В частности, иллюстрация, изображающая погибших в мартовском восстании 1848 г., снабжена длинным комментарием, в котором разворачивается описание похоронной процессии и перечисляются те, кто шёл за гробами: рабочие, учёные, артисты и др.:

*„Die Handwerkerinnungen eröffneten mit ihren Emblemen und Fahnen den Zug. Unter den Honoratioren der Stadt auch **die Professoren der Universität, unter ihnen Alexander von Humboldt**. Es folgten bewaffnete **Studenten**, dann die **Fabrikarbeiter...**, nicht zuletzt **die Polen** mit ihrer **rotweißen Fahne** und die **Italiener**, zum Teil **Sänger der Oper**, mit ihrer **grünweißbroten Nationalfahne**, dann **Gymnasiasten und sonstige Deputationen**“* [Engelberg 1985: 266].

Помимо представителей разных профессий, историограф также отмечает представителей отдельных национальностей (поляки, итальянцы) и цвета их флагов, возможно, подчёркивая этим международный характер революционных настроений.

Издание труда К. О. фон Аретина (ФРГ), датированное 1985 г., содержит отдельный блок с иллюстрациями к легендам и анекдотам о Фридрихе II. В том же блоке приведены и сами анекдоты, пронумерованные и соотнесённые с изображениями [Aretin 1985: 140-141]. Анекдоты можно считать отдельными паратекстами, маленькими нарративами внутри большого и в то же время стоящими особняком. Они имеют не фактуальный, а подчёркнуто фикциональный характер, что заявлено в самой их жанровой особенности, и реализуют тактику аттрактивации, привлекая внимание реципиента, выделяясь на фоне фактуального повествования и дополняя образ протагониста как отчасти комической личности.

Например: „*Friedrich: „Macht, dass ihr in die Schule kommt!“ Die Kinder: „Der alte Fritz will König sein und weiß nicht einmal, dass mittwochnachmittags keine Schule ist!“*“ [Aretin 1985: 141] (анекдот приведён как комментарий к иллюстрации, изображающей Фридриха во время решения «школьного вопроса» и учеников потсдамской школы).

Финальным паратекстуальным элементом, реализующим тактику аттрактивации, является библиографический список, к составлению которого разные историографы проявляют различные подходы. Например, у И. Миттенцвай (ГДР) он делится на две части: первичных источников [Mittenzwei 1987: 241-241] и вторичных исторических трудов [Mittenzwei 1987: 242-246]. У К. О. фон Аретина (ФРГ) этот список включает названия только вторичных источников, притом процитированных в основном тексте с указанием имени автора (*Die mit dem Verfassernamen zitierten Werke*) [Aretin 1985: 173].

Л. Галль (ФРГ) делит библиографический список на несколько разделов (по типам источников и по темам):

Bibliographische Hilfsmittel; Gedruckte Quellen (Bismarcks Schriften und Briefe; Quellensammlungen, Briefe, Memoiren); Allgemeine Darstellungen und einzelne Problembereiche; Darstellungen zur Person und Politik Bismarcks (Das Bismarck-Problem in der Geschichtsschreibung; Bismarck-Biographien и др. [Gall 2002: 894-917].

В работе Ф.-В. Кантценбаха (ФРГ) библиографический список также поделён на рубрики:

Luthers Werke; Für den fachlich nicht vorbereiteten Leser eignen sich besonders; Lutherbiographien; Weitere benutzte und empfehlenswerte Literatur zu Einzelproblemen; Neuere Darstellungen der Reformationsgeschichte и др. [Kantzenbach 1972: 100-102]. Это деление носит не только тематический, но и прагматический, диалогический характер. На него указывает подзаголовок *Für den fachlich nicht vorbereiteten Leser eignen sich besonders* («читателю-неспециалисту наиболее подойдут...») [Kantzenbach 1972: 100], а также тот факт, что в списке присутствуют не только используемые автором работы, но и рекомендуемая литература (*empfehlenswerte Literatur*) [Kantzenbach 1972: 101].

Самопрезентация историографа в библиографических списках заключается в обращении к реципиенту и в манифестации научного подхода историографа к использованию источников.

Индивидуальный подход исследователя к предмету изучения также отражается в предметно-именном указателе. В разных трудах этот финальный элемент имеет вариативную форму. Так, у К. О. фон Аретина (ФРГ) именной указатель совмещён с предметным [Aretin 1975: 169-172]. У других историографов данный элемент имеет стандартный вид алфавитного именного указателя: [Brendler 1983: 446-452; Mittenzwei 1987: 247-250; Engelberg 1991: 704-711; Gall 2002: 919-926].

Следует отметить специфику работы К. О. фон Аретина (ФРГ): она богата финальными паратекстуальными элементами, отличными от тех, что присутствуют в других анализируемых биографиях. Так, в «Приложении»

(*Anhang*) к основному тексту биографии приводятся справочные материалы: генеалогии Гогенцоллернов и Габсбургов [Aretin 1985: 160–161], краткие биографии персоналий, упоминающихся в данном труде [Aretin 1985: 162–167], объяснение терминов и реалий [Aretin 1985: 168].

Из иных финальных паратекстуальных элементов Э. Энгельберг (ГДР) использует список сокращений [Engelberg 1991: 648-649], Л. Галль (ФРГ) – список источников, из которых им были заимствованы иллюстрации [Gall 2002: 927], а Ф.-В. Кантценбах (ФРГ) – хронологическую таблицу. Она позволяет проследить по датам основные вехи жизни и творчества Мартина Лютера, а также другие события, связанные с Реформацией и историей протестантизма [Kantzenbach 1972: 97-99].

Указанные элементы носят разнообразный характер, что позволяет им реализовать тактику аттрактивации, при этом отражая различные подходы историографов к организации материала (аналог исследовательского «я»). Наличие тщательно структурированной справочной информации в паратекстах К. О. фон Аретина (ФРГ) позволяет говорить о близости созданной им биографии к научно-популярному подтипу теоретического дискурса (рецептивная компетенция предполагает в тексте данного автора понимание образа адресата как любого интересующегося историей Германии). Кроме того, поскольку справочные материалы содержат информацию, дополнительную к основному историческому повествованию, самопрезентация взаимодействует с информированием.

В рамках тактики аттрактивации схемами выдвижения могут быть не только паратекстуальные элементы, но и выразительные средства в основном повествовательном тексте, в частности, лексические средства – анахронизмы и заимствования.

Например: „*Küchenmeister, der... Luthers Krankheitsgeschichte beschrieben hat, spricht von einem „morbus reformatorius“. Heute würde man wohl **Managerkrankheit** dazu sagen*“ [Kantzenbach 1972: 79-80] (нарекание времени *heute* + анахронизм);

„Der Preußenkönig beherrschte für seine Zeit das Geschäft der „**public relation**“ nicht weniger schlecht als mancher spätbürgerliche Politiker heute“ [Mittenzwei 1987: 56] (анахронизм / англицизм).

Другими средствами выразительности, реализующими тактику аттрактивации, являются сравнительные обороты, вводимые союзом *als (ob)* и несущие эмоционально-оценочную окраску.

Например: „Es war allerdings eine Selbsttäuschung (oder bewusste Täuschung des Königs), wenn er **so tat, als ob** die ins Auge gefasste Revolution von oben nicht durch gewaltsamen Antrieb – also Druck – von außen **in Gang gesetzt würde...**“ [Engelberg 1986: 71] (об идее «революции сверху», принадлежащей министру Харденбергу, сравнение через противопоставление, подчёркивающие критику позиции министра);

„Beide [Friedrich und sein Vater. – М. М.] gingen mit einer menschenverachtenden Grobheit vor, **als wären** ihre Mitarbeiter Leibeigene oder gar Sklaven“ [Aretin 1985: 112] (также использование эмоциональной лексики – сравнение с рабами).

Эффект привлечения внимания также достигается за счёт смены точек зрения. Так, у Ф. Герре (ФРГ) при повествовании об участии молодого принца Вильгельма в войнах на нарраториальную точку зрения накладывается персональная. Историограф отмечает, что Вильгельм «очень хочет воевать», однако, оказавшись на войне, в первую очередь видит «обратную сторону медали»:

„Das Erste, was er vom Kriege sah, war **die Kehrseite der Medaille: die Walstatt bei Leipzig... 38 000 Franzosen und deutsche Rheinbündler waren getötet oder verwundet worden, und 46 000 Russen, Preußen und Österreicher**“ [Herre 1983: 67-68]. В отрывке речь идёт о Битве народов под Лейпцигом; сама битва эмоционально характеризуется как *Walstatt* («поле боя / брани»). Оценочность и аттрактивация сочетаются здесь со стратегией информирования. Точное указание

на количество убитых и раненых не только предоставляет информацию о битве, но и подчёркивает её масштабность и оценку с персональной точки зрения.

Тактика аттрактивации также манифестируется в приёмах, связанных с особенностями представления временной точки зрения, с её сменой или интерференцией разных временных перспектив. Одним из таких приёмов является итерация. Она может использоваться при повествовании о быте протагониста с целью характеристики его как личности, создания его образа. Итерации в тексте И. Миттенцвай (ГДР) посвящены жизни Фридриха II в Сан-Суси, его быту:

*„Friedrich II. **lebte** in Sanssouci **wie ein Abt unter Mönchen**. Frauen hatten hier selten Zutritt. Von seiner eigenen hielt er sich fern. **Er lud sie mitunter nicht einmal zu Feierlichkeiten ein**, brüskierte sie und ihren Hof... Friedrich **umgab sich** nach wie vor gern mit berühmten Leuten. Sie **waren** die Zierde seines Throns, **verschafften** ihm den sonst fehlenden äußeren Glanz. Gleichzeitig **befriedigten** sie seine Gier nach gelehrter und geistreicher Unterhaltung“* [Mittenzwei 1987: 106]. На фоне итеративного повествования выделяются детали, подчёркивающие характер протагониста: любовь к интеллектуальным беседам, сложное отношение к женщинам (в частности, оно передаётся через выразительное сравнение *wie ein Abt unter Mönchen*).

Отдельно стоит отметить итеративный эпизод в тексте Э. Энгельберга (ГДР) о жизни Бисмарка в Санкт-Петербурге и его любовании Невой:

*„Vom Palais aus **schweifte der Blick** auf die breit dahinfließende Newa mit vielen Seeschiffen vor Anker... Im Winter war der Fluss mit einem Eismantel bedeckt. Der für Naturerlebnisse empfängliche Bismarck **beobachtete von seinem Domizil aus oft** die Newa und **beschrieb** sie mit poetischer Bildkraft. Ein reichlich halbes Jahrhundert später, **im Oktober 1917**, sollte hier in der Mitte des Flusses, just vor seinem Haus, **der Panzerkreuzer „Aurora“ ankern** und von dort jenen Schuss abfeuern, der das Signal zum Sturm auf das Winterpalais war“* [Engelberg 1991: 421]. Данный отрывок, помимо итерации, содержит описательный элемент (пейзаж Невы),

характеристику персонажа как охотно любующегося природой, а также пролепсу на революцию 1917 года в Петрограде (прогностический аспект креативной компетенции).

Данные эпизоды свидетельствуют об интерференции креативной компетенции с референтной, поскольку исторический персонаж со своими мыслями, чувствами и отдельными деталями жизни представлен как элемент нарративной картины мира (с определённого нарративного ракурса, который освещён в биографии).

Частным случаем аттрактивации во временном аспекте точки зрения является начало *in medias res*. Оно используется в тексте Ф. Герре (ФРГ) при повествовании о принцессе Луизе, будущей королеве и матери Вильгельма I. Дополнительный эффект в начале *in medias res* достигается при помощи номинации. Персонаж Луизы вводится изначально местоимением *sie*, и лишь потом называется её имя:

„Sie kam nicht durch das Brandenburger Tor. Die Triumphpforte... blieb Siegesparaden vorbehalten, worauf die Nachkommen Friedrich des Großen abonniert zu sein glaubten. Für Prinzessin Luise von Mecklenburg-Strelitz, die als Braut in Berlin einzog, war eine eigene Ehrenpforte errichtet worden“ [Herre 1983, 9] (оценочный характер носит также упоминание побед потомков Фридриха Великого: ирония, выраженная анахронизмом – причастием *abonniert*).

Аттрактивация проявляется на уровне повествуемых событий, когда конкретным эпизодам или деталям историограф придаёт особое значение, в частности, при помощи перехода от итеративного повествования к передаче событий нескольких вечеров. Таков эпизод с визитом И. С. Баха в резиденцию Фридриха в тексте К. О. фон Аретина (ФРГ):

„Fast jeden Abend versammelte der König seine Gäste zu einem Konzert... Friedrich lehnte die polyphone Musik ab... Diese Ablehnung überschattete ... die Begegnung mit Johann Sebastian Bach im Mai 1747... Bach behandelte... zur Bewunderung der Anwesenden ein ihm vom König gestelltes Fugenthema. Am nächsten

Abend war Bach noch einmal beim König. Aus dem ihm gestellten „Thema regium“ machte Bach **später** eine seiner schönsten Kompositionen, das „Musikalische Opfer“. Er übersandte es Friedrich mit einer Widmung, **für die der König nie gedankt hat**“ [Aretin 1985: 71].

Об акценте на эпизоде с Бахом на фоне остальных музыкальных вечеров свидетельствуют указание на месяц (*Mai 1747*) и дейктики *am nächsten Abend, später*. Данный эпизод дополнительно характеризует протагониста как человека, интересующегося музыкой, но при этом эгоистичного (замечание о том, что Фридрих «не отблагодарил» Баха за обработку темы). В «параллельной» восточногерманской биографии этот эпизод отсутствует.

Г. Брендлер (ГДР), повествуя о прибытии Мартина Лютера в Вормс и его участии в диспуте, подчёркивает значимость этого события, «протоколируя» его по часам и приводя различные детали, связанные с поведением Лютера и других людей. Этим историограф подчёркивает значимость данного эпизода в жизни протагониста:

„Am Dienstag, dem 16. April 1521, **vormittags gegen 10 Uhr**, rollten Luther und seine Begleiter ... durch das Martinstor nach Worms hinein ... An die hundert berittene Edelleute hatten ... ihm das Geleit gegeben ... Trompeten verkündeten das Ereignis...“ [Brendler 1983: 233]. «Сгущению» времени способствует здесь также передача деталей (упоминание конкретных локаций в городе, звуки труб как выразительная подробность).

Кроме того, тактика аттрактивации проявляется при использовании презенса, указывающего на временной план историографа и его отношение к повествуемым событиям.

Например: „**Vieles spricht... dafür**, dass Bismarck... eine Art Kondominium über den mitteleuropäischen Raum, ein besonderes Bündnisverhältnis vorschwebte...“ [Gall 2002: 166] (интерпретация историографом ситуации);

„**Geschichtlich gehören** Luther und Müntzer **zusammen**. Einer **ist** ohne den anderen nicht möglich und gerade für **die Zeit**, in der ihr Gegensatz manifest wurde,

auch nicht erklärbar“ [Brendler 1983: 322] (рассуждения историографа о роли личности в истории).

Если говорить о временном плане историографа, его маркером служат также пролепсы. Они позволяют представить историографа как «всеведущего» нарратора, проводящего параллели между разными известными ему событиями в референциальной картине мира, а также с событиями вне повествуемого мира.

Например: „*Das musste [Wilhelm] freilich **nicht mehr selber, doch sein Enkel erleben: wie im Weltkrieg**, dem Resultat der neuen Mächtekonstellation, die Monarchie der Hohenzollern hinweggeschnellt wurde*“ [Herre 1983: 254] (пролепса, соотносящаяся не с дальнейшим повествованием, а с дальнейшим ходом событий, к повествуемой истории отношения не имеющим: параллель между положением дел в годы правления Вильгельма I и Первой мировой войной);

„...*kam es zwischen den beiden Männern politisch zu einem kurzen Zusammenspiel, das aber mit Ärger endete, **wie noch zu berichten sein wird***“ [Engelberg 1991: 185] (о Бисмарке и Бюлове-Куммерове; отсылка к дальнейшему повествованию);

„*Unter [Friedrich Wilhelm] nahm das Leben der gesamten Gesellschaft jenen militärischen Zuschnitt und jene barbarischen Züge an, über die fremde Beobachter mit Schrecken berichteten und **die sich als unheilvolle Tradition in der deutschen Geschichte fortsetzten***“ [Mittenzwei 1987: 14] (пролепса, соотносящаяся с дальнейшим ходом истории; о присутствии историографа свидетельствует также оценочный эпитет *unheilvoll*; причём предполагается, что эта «традиция» (пруссский милитаризм) известна реципиенту и не называется прямо).

4.2.3 Тактика апелляции к авторитетам

Апелляция к авторитетам в рамках самопрезентации указывает на аналитический аспект креативной компетенции. Эта тактика подчёркивает, труды каких авторов историограф считает авторитетными, а каких – не внушающими доверия. Этим она близка к тактике опровержения как части стратегии объяснения.

Например, Г. Брендлер (ГДР) в предисловии к биографии Мартина Лютера, ссылаясь на недописанный труд другого, более раннего восточногерманского историка (Г. Чебица), ставит задачу себе как исследователю – завершить работу над биографией реформатора, сделав более чёткий акцент на личностных особенностях Лютера и его взглядах (поскольку общественные процессы во время Реформации уже были рассмотрены ранее):

„Den zweiten Teil zu schreiben war [Zschäbitz] nicht mehr vergönnt. Entsprechend den Linien und Fronten des gedanklichen Eindringens in das geschichtliche Erbe..., konzentrierte sich Gerhard Zschäbitz darauf, das gesellschaftliche Umfeld, in dem Martin Luther wirkte, darzustellen und als Wirkungsbedingung und Erklärungsgrund für das Handeln der Persönlichkeit zu erfassen. Da dies auch in den marxistischen Gesamtdarstellungen zur Geschichte der frühbürgerlichen Revolution ausführlich geschehen ist, konnte ich mich... mehr Luthers geistiger Entwicklung und seinem individuellen Verhalten zuwenden“ [Brendler 1983: 7]. Следовательно, здесь тактика апелляции к авторитетам в рамках самопрезентации взаимодействует с тактикой описания оценочных ориентиров при анализе личности исторического персонажа.

Ф.-В. Кантценбах (ФРГ) в предисловии к своей биографии выражает неоднозначное отношение к марксистским историографам, писавшим о Реформации. Так, он высказывает мнение о неуместности использования терминов «буржуазный» / «пролетарский» при исследовании Реформации, считая их анахронизмами для повествуемой эпохи:

„Nun sind derartige Kategorien wie „proletarisch“ oder „bürgerlich“ kaum bruchlos aus dem Selbstverständnis des 19. oder 20. Jahrhunderts in die Zeit Luthers zurückzuprojizieren“ [Kantzenbach 1972: 50].

Однако в тексте основного повествования, когда речь заходит о восстании Томаса Мюнцера, историограф ссылается на марксистских исследователей как на авторитетов (в частности, на Ф. Энгельса):

„Einige marxistische Historiker räumen ein, dass Müntzers Lösung nicht die damals realpolitisch mögliche war. Friedrich Engels erklärt, dass Müntzers Programm eine „Vision“ gewesen sei, mit der er sowohl die subjektiven als auch die objektiven Möglichkeiten überstieg“ [Kantzenbach 1972: 50] (далее на той же странице ссылка на уже упомянутого восточногерманского историка Г. Чебица). Эта ссылка подтверждает наблюдения о плюрализме мнений в западногерманской историографии, не отрицавшей мнений представителей иной дискурсной формации (ср. [Wehler 1979–2: 59; Корнева 1998: 5]).

Тактику апелляции к авторитетам позволяют реализовать креативная и рецептивная компетенции, отражая взгляды историографа на ход истории и диктуя реципиенту «верную» трактовку при помощи опоры на одни источники и критику других.

4.3 Стратегия объективации и её реализация в структуре текста

Стратегию объективации можно считать противоположной самопрезентации (ср. [Кузьменко 2017]). Данная стратегия характерна для ментатива, реализуя такую его важную черту, как анонимность (интерсубъективность) и обезличенность. Она отражает стремление субъекта научной коммуникации к объективности, деперспективацию с целью избежания субъективности и соблюдения этикета [Steinhoff 2009: 104; Голоднов 2011: 188; Czicza, Hennig 2011: 40, 46, 47; Gansel, Jesan u. a. 2018: 74].

Стратегия объективации двудоминантна, поскольку разворачивать её позволяют креативная и рецептивная компетенции. Креативная компетенция определяет роль историографа как объективного и отстранённого повествователя, «спрятавшегося за спину» своего героя [Heinrich 2009: 22], а рецептивная — ориентацию на читателя, для которого в историографических текстах ценны достоверность и отсутствие манипуляций.

В рамках стратегии объективации выделяются тактики косвенного обращения, апелляции к авторитетам и указания на неточность.

4.3.1 Тактика косвенного обращения

Как отмечалось выше, в предисловиях восточногерманских исторических биографий историографы прибегают к самопрезентации, эксплицитно указывая на различные ипостаси «я» исследователя. Западногерманские авторы, в свою очередь, применяют во вступительных главах стратегию объективации. Они предпочитают соблюдать запрет на использование личного местоимения первого лица (*Ich-Tabu*), используя вместо него местоимение *man*, тем самым «затушёвывающая» субъективность представления объекта исторического нарратива.

Например, у Л. Галля (ФРГ) о германской революции: „*Wenn **man** sich freilich ihren Verlauf und ihr Ergebnis gerade in der Hohenzollernmonarchie vor Augen hält, wird **man** sicher nicht zu Busmarcks eigenem... Urteil gelangen... Aber **man** wird nüchtern feststellen müssen, dass die revolutionäre Energie insbesondere der bäuerlichen Bevölkerung fast ausschließlich auf die Befriedigung einiger... Reformforderungen... gerichtet... war*“ [Gall 2002: 22-23]. В сочетании с настоящим временем *man* позволяет говорить об имплицитно выраженной точке зрения историографа как исследователя, поскольку служит для выдвижения гипотезы. Выдвижение гипотезы также может рассматриваться как тактика в рамках стратегии объяснения (ср.: [Карчаева 2010: 11]).

Ср. также *man* у Ф.-В. Кантценбаха (ФРГ): „***Man** sollte es unterlassen, Luther und Hitler in einem Atemzug zu nennen...*“ [Kantzenbach 1972: 14] («я» исследователя).

Тем самым высказывание приобретает диалогический характер: неопределённо-личное местоимение *man* в таких случаях включает в себя не только историографа, но и адресата, «наводя» его на избранное историографом толкование и предотвращая «неверную» трактовку личности Лютера. Поэтому в подобных случаях можно говорить о тактике *косвенного обращения* [Голоднов 2011: 242-243].

Той же цели служит здесь пассивный залог: „*Eine Biographie Luthers hat... nicht die Auswirkungen der Reformation in erster Linie zu würdigen. Vielmehr **muss***

verständlich gemacht werden, wie es zur Lebensentscheidung Luthers kam. Der Kirchenhistoriker trifft sich in dieser Forderung mit den Historikern unserer Zeit“ [Kantzenbach 1972: 17]. Обозначение *der Kirchenhistoriker* (историк церкви) является в данном случае автономинацией самого историографа и в то же время любого представителя сообщества историков церкви.

Если в предисловиях стратегия объективации характерна для западногерманских текстов, то в основном тексте местоимение *man* используется и в восточно-, и в западногерманских историко-биографических текстах.

Например:

*„Liest **man** diese 27 Punkte heute, so empfindet **man** sie weithin als zeitgebunden. Wer sie dann etwas eingehender analysiert, merkt, dass in der zeitgeschichtlichen Schale jeweils die ganze Sprengkraft der reformatorischen Botschaft steckt*“ [Kantzenbach 1972: 36-37] (толкование историографом трудов Лютера; здесь также местоимения *wer... der*);

*„Von Friederike weiß **man**, dass sie [des Prinzen] aggressiven Charme erlegen ist. Über Luise **gibt es nur Gerüchte und ein paar unpräzise Andeutungen**“* [Herre 1983: 19] (указание на неосведомлённость историографа, недостаток достоверных сведений, пересечение с тактикой указания на неточность);

*„**Bedenkt man**, dass Luther in der Psalmenvorlesung Christus im Alten Testament gesucht hat, dann nimmt es nicht wunder, dass er ihn im Prinzip nicht anders auffasste als Moses...*“ [Brendler 1983: 64] (исследовательское *man*).

В приведённых примерах отмечена характерная инвертированная структура предложения (*Liest man... Bedenkt man...*).

Согласно нашим наблюдениям, средством объективации, специфичным для восточногерманской историографии, являются референциальные обозначения типа *der Historiker, der Forscher*, являющиеся не только автономинацией, но и номинацией других историков, возможных реципиентов:

*„...Ob der Preußenkönig ... eine Persönlichkeit war, die mit Recht groß genannt werden kann, ...darüber kann **der Historiker** nicht urteilen*“ [Mittenzwei 1987: 81];

„Was für **einen Historiker** ganz und gar nicht selbstverständlich und höchst fragwürdig erscheinen mag, war für Luther über jeden Zweifel erhaben...“ [Brendler 1983: 60];

„Sofern sich **der Forscher** dabei von der Annahme leiten lässt, dass in der jeweiligen Quelle etwas berichtet wird, was nicht nur eine einmalige Kuriosität darstellt...“ [Brendler 1983: 52].

Тактика косвенного обращения придаёт историко-биографическим текстам диалогический характер: использование местоимений, пассивного залога и обобщённых наименований историка подразумевает обезличенность как адресанта, так и адресата, и в то же время возможное соавторство адресата как члена научного сообщества, вовлечённого в дискуссию. Такое понимание реципиента как соавтора характерно для конвергентной дискурсной формации.

4.3.2 Тактика апелляции к авторитетам

В рамках данной тактики выделяются апелляции к групповому и личному авторитетам, при этом в качестве авторитетов выступают историки (как отдельные авторы, так и историческое сообщество в целом).

Апелляция к групповому авторитету пересекается с тактикой косвенного обращения в тех случаях, когда используются уже рассмотренные выше наименования *Historiker* / *Forscher*, поскольку «историк / исследователь» является не только автономинацией автора текста, но и обозначением представителя исторического сообщества в целом.

Апелляция к личному авторитету в рамках стратегии объективации носит интертекстуальный характер и реализуется прежде всего при помощи цитирования. Объективность повествования достигается за счёт приведения цитат из исторических источников.

Например, в западногерманской биографии императора Вильгельма I при повествовании о воспитании протагониста делается акцент на отношении королевы Луизы к детям со ссылкой на цитату современника (фом Штайна):

„Ihr fehlt die Zartheit des Gefühls für Würde und Anstand, und sie erfüllt sehr unvollkommen und nachlässig ihre Pflichten als Mutter“ (цит. по: [Herre 1983: 26]).

Сама цитата носит оценочный характер, но историограф уточняет, что она принадлежит не его собственной точке зрения, а современнику, и далее противопоставляет ей цитату из другого источника – нежное письмо самой Луизы детям:

„„Guten Morgen, liebe, liebe Kinderchen“, schrieb Mutter Luise am 9. September 1801 aus Paretz... „Papa küsst Euch alle in Gedanken mit mir... Das sind recht fleißige Kinder!...““ [Herre 1983: 26-27] (ФРГ). Эффект достоверности также достигается благодаря упоминанию даты и места написания письма.

В приводимых цитатах может также содержаться объяснение причин событий (интерференция со стратегией объяснения и тактикой рациональной аргументации). Например, И. Миттенцвай цитирует письмо Фридриха II, в котором говорится о причине первой Силезской войны:

„...ich liebe den Krieg um des Ruhmes willen“; „Meine Jugend, die Glut der Leidenschaft, der Ruhmesdurst, ja selbst die Neugier... Die Genugtuung, meinen Namen in den Zeitungen und später in der Geschichte zu sehen, hat mich verführt“ [Mittenzwei 1986: 56] (ГДР).

Особую значимость апелляция к личному авторитету в рамках объективации приобретает в случаях с ментальной лексикой, когда историческим персонажам приписываются мысли и чувства (ср. [Hamburger 1987: 70]). Согласно В. Шмиду, подобные глаголы и лексические средства иных частей речи в историческом нарративе могут употребляться лишь со ссылками на источники, подтверждающие мысли и чувства исторических личностей. Если же ссылок нет, то высказывания историографа о том, что исторический персонаж «думал» или «чувствовал», являются не утверждениями, а лишь предположениями [Шмид 2003: 30]. Следовательно, цель объективации заключается в том, чтобы придать достоверность утверждениям о мыслях и чувствах исторической личности.

Например, при повествовании о чувствах Бисмарка к Мари фон Тадден и княгине Орловой историограф не только использует глаголы внутренних процессов *sich verlieben* и *anziehen*, но и цитирует письмо протагониста жене, на основании которого были сделаны выводы о любви героя:

„Als [Bismarck] **sich**... in die russische Fürstin Orlowa **verliebte**, da **bekannte er seiner... Johanna**, dass es auch „ein Stückchen Marie Thadden“ wäre, das **ihn anzöge**“ [Engelberg 1991: 183] (ГДР).

Ср. также: „Das Jahr 1520 war insofern ein **Entscheidungsjahr**, als... Luther auf das „**junge Blut**“ – so nennt er den Kaiser – große **Hoffnungen setzte**... So **schrieb er die Schrift** „An den christlichen Adel deutscher Nation von des christlichen Standes Besserung““ [Kantzenbach 1972, 31] (ФРГ).

На ментальные процессы здесь указывают слово *Entscheidung* в составе сложносоставного существительного *Entscheidungsjahr* и устойчивое сочетание *Hoffnungen setzen*. Изложение мыслей Лютера историограф подкрепляет цитатой из его труда и упоминанием названия самого труда.

Наибольшую степень объективации апелляция к личному авторитету достигает там, где цитаты других историков интегрируются в текст без вступительных фраз и о смене автора повествования свидетельствуют только кавычки. Такого рода цитирования характерны для К. О. фон Аретина (ФРГ).

Например: „Damit begann eine lange Freundschaft, die für Friedrichs geistige Entwicklung von großer Bedeutung war. „In diesen Jahren wird der junge Offizier von **höchst mangelhafter** Schulerziehung zum **weitaus gebildetsten, kenntnis- und geistreichsten Fürsten Europas**“ (**Gerhard Ritter**)“ [Aretin 1985: 40].

Повествуя о начале дружбы Фридриха и Вольтера, западногерманский историк переходит от собственного повествования к воспроизведению цитаты, не упоминая вначале, какой источник из какой эпохи он цитирует, и лишь потом приводит в скобках имя автора. Примечательно, что в цитате Герхарда Риттера, автора приведённого историографом отрывка, используются оценочные эпитеты для характеристики Фридриха. Сам биограф, передавая цитату в кавычках и без

косвенной речи, словно бы отстраняется от оценочности, подчёркивая этим, что эпитеты принадлежат не ему, а автору цитаты.

Ср. также отрывок о встрече Фридриха и Иоганна Себастьяна Баха с переходом на цитату другого историографа: „*Diese Ablehnung überschattete auch die Begegnung mit Johann Sebastian Bach im Mai 1747. „Als der König sich eben zu einem Flötenkonzert anschickte, wurde ihm der Rapport über die am Tag einpassierten Fremden gebracht...“ (Philipp Spitta)*“ [Aretin 1985: 70-71].

4.3.3 Тактика указания на неточность

Если апелляция к авторитету носит интертекстуальный характер и опирается на языковой план персональной точки зрения, то тактика указания на неточность принадлежит нарраториальному языковому плану и свидетельствует о взаимодействии референтной компетенции с аналитическим аспектом креативной компетенции (ролью историографа как объективного повествователя, стремящегося не допускать категоричных утверждений).

Указание на неточность сигнализирует о неосведомлённости историографа, о неуверенности в передаче каких-либо исторических фактов. Здесь имеет место хеджинг, позволяющий уклониться от категоричного утверждения и предупреждающий критику (ср. [Steinhoff 2009: 106]).

Например: „*Die Familie **Luder, Ludher oder Lüder** war im Westen des Thüringen Waldes ansässig. Das Dorf Möhra **galt als** Stammsitz*“ [Kantzenbach 1972: 17] (о хеджинге говорит употребление глагола *gelten (als)* (считаться) вместо *sein* (быть): приведённые различные написания фамилий указывают на разногласия между источниками).

Ср. также: „*Von Friederike weiß **man**, dass sie [des Prinzen] aggressiven Charme erlegen ist. Über Luise gibt es nur Gerüchte und ein paar unpräzise Andeutungen*“ [Herre 1983: 19] (референциальное указание на позицию историографа при помощи неопределённо-личного местоимения *man*);

„*Die Einzelheiten [Luthers] Eisenacher Schülerlebens **sind unbekannt; es darf aber als gesichert gelten**, dass Luther in diesen Jahren in engere Berührung mit dem*

gebildeten, frommen und auch wohlhabenden Bürgertum trat“ [Kantzenbach 1972: 19] (хеджинг с использованием пассивного залога и модального глагола *dürfen*).

К указаниям на неосведомлённость близка ссылка на «новейшие» исследования, которые ранее были недоступны, но доступны историографу ныне: *„Die neuere Erasmusforschung hat gezeigt, dass Erasmus von der Gnade groß denken möchte und dass er vor allem der Bibel folgen will“ [Kantzenbach 1972: 42].*

Выводы к главе 4

Стратегия оценивания позволяет проследить в историко-биографическом дискурсе элементы риторического и научно-популярного дискурсов. Данная стратегия подразумевает оценку содержательных элементов исторического материала при помощи выразительных и изобразительных средств языка. Эти средства являются языковой манифестацией тактик описания оценочных ориентиров, приписывания оценочных характеристик, апелляции к авторитетам и сравнения.

Оценочные ориентиры задаются в паратекстуальных элементах и прослеживаются в основном повествовательном тексте. Оценочные ориентиры и характеристики определяются как субъективным мнением историографа, так и политической идеологией в рамках соответствующей дискурсной формации. При апелляции к авторитетам в качестве таковых выступают сами исторические персонажи или «социальные индивиды». Сравнения в рамках данной тактики отмечены выразительным характером. Поскольку анализу и эмоциональной оценке подвергаются элементы повествуемой картины мира (исторические личности, их действия, события), можно говорить о двудоминантности стратегии оценивания (доминировании референтной и креативной компетенций).

Стратегии самопрезентации и объективации противоположны друг другу. Стратегия самопрезентации в исторической биографии выражается через сигналы авторской точки зрения, в то время как стратегия объективации направлена на устранение субъективности. Данные стратегии связаны с сигналами авторского

присутствия в историко-биографических текстах и в то же время с ожиданиями реципиента от повествования.

Стратегия самопрезентации реализуется при помощи тактик персонализации, аттрактивации и апелляции к авторитетам. Тактика персонализации позволяет историографу раскрыть три ипостаси своего «я» (исследовательского, повествовательного и «я» сочинителя) при помощи субъективных автономинаций историографа. Примечательно, что использование местоимения *ich* характерно для вводных и заключительных глав восточногерманских исторических биографий, в то время как в западногерманских текстах предпочтение отдаётся местоимению *wir*. Тактика аттрактивации позволяет расставить акценты на значимых для историографа моментах в паратекстуальных элементах и в основном тексте. Тактика апелляции к авторитетам подразумевает опору автора биографии на тексты других историков и апелляцию к историческому сообществу в целом.

Стратегия объективации реализуется при помощи тактик косвенного обращения, апелляции к авторитетам и указания на неточность. Если говорить о манифестации исследовательской позиции во вступительных и заключительных главах, данная стратегия в большей степени характерна для западногерманских текстов.

Тактика косвенного обращения позволяет историографу апеллировать к потенциальным реципиентам – представителям исторического сообщества. Тактика апелляции к авторитетам подразумевает признание авторитета за отдельными историками и за историческим сообществом в целом. Тактика указания на неточность направлена на выявление эпистемологических лакун.

Привлечение внимания к личности историографа, и, напротив, его самоустранение, подчёркивание позиций, признаваемых авторитетными, и стремление историографа «спрятаться» за этими позициями, – эти коммуникативные приёмы позволяют проследить в исторической биографии различные аспекты личности историографа и его диалог с потенциальным

реципиентом. Вследствие этого можно говорить о двудоминантности стратегий самопрезентации и объективации (доминировании креативной и рецептивной компетенций).

Заключение

Историческая биография представляет собой специфический объект исследования: с одной стороны, нарратив является формой ее существования, с другой – инструментом объяснения и аргументации, что находит отражение в синкретизме данной дискурсивной практики. Историко-биографический нарратив включает в себя элементы нарративного, теоретического дискурса (или ментатива) и риторического дискурса.

Обращение к исследованию дискурсных компетенций нарратива не носит случайный характер: оно связано со стремлением рассмотреть историко-биографический дискурс с позиций неориторики и построить модель анализа историко-биографических нарративных текстов как одновременно нарративных и теоретических в рамках комплексного дискурс-анализа. Синкретический характер историко-биографического дискурса ГДР и ФРГ делает его интересным для современной лингвистики, стилистики и типологии текстов.

В настоящее время в отечественной германистике исследование нарративных стратегий и их языковых манифестаций в историко-биографическом дискурсе является актуальным в связи с малой изученностью исторического и историко-биографического нарратива как ведущего способа и инструмента аргументации. В историческом повествовании необходимо выявление и изучение типологических черт на основе интерпретации нарративных и лингвостилистических средств их выражения с опорой на трёхвекторную модель дискурсных компетенций нарратива.

В настоящем исследовании впервые предпринимается попытка сравнения роли нарративных компетенций в развёртывании ведущих коммуникативно-прагматических стратегий в трудах историков, представляющих различные школы и дискурсные формации. Историко-биографические тексты разделённой Германии рассматриваются как имеющие отношение одновременно к нарративному, направленному на реконструкцию исторического события, и к теоретическому дискурсу, призванному транслировать научное знание. Впервые

предложена модель анализа историко-биографических текстов с позиции дискурсных компетенций и формаций, позволяющая расширить базу научного осмысления немецкоязычной научной коммуникации.

При этом историко-биографический дискурс занимает периферийное положение в теоретическом дискурсе: он служит источником знаний и материалом для их интерпретации как историками, так и более широкой аудиторией, интересующейся историческими деятелями и событиями.

Интерес западногерманских историографов к трудам, написанным в Восточной Германии, начинает возрастать в конце 60-х гг. XX века. Восточногерманские историки, в свою очередь, проявляли наибольший интерес к исследованиям западногерманских коллег в 70–80-е гг. в связи со сменой парадигмы в историографической школе ГДР. С этим сотрудничеством связано возникновение «параллельных» биографий, посвящённых одним и тем же деятелям немецкой истории, таким как Мартин Лютер, прусский король Фридрих II, германский император Вильгельм I и Отто фон Бисмарк. Однако в связи с идеологическими различиями действия этих персоналий и события, связанные с ними, могут получать в «параллельных» биографиях различную интерпретацию и оценку.

Общей стратегией историко-биографического дискурса является стратегия аргументирования. Общую стратегическую направленность историко-биографического дискурса реализуют частные стратегии информирования, объяснения, оценивания, самопрезентации и объективации.

Поскольку историко-биографические тексты по форме и содержанию принадлежат прототипическому жанру повествования, постольку именно нарратив играет особую роль в аргументировании и развёртывании коммуникативных стратегий историко-биографического дискурса.

В связи с этим в основу анализа исторических биографий была положена трёхвекторная модель нарративных компетенций как адекватная материалу исследования. Она охватывает три составляющих коммуникативного события: его

контент (референтная компетенция) и его участников – автора (креативная компетенция) и потенциального адресата (рецептивная компетенция).

Референтная компетенция связана с формированием содержания исторической биографии: на основе событий и обстоятельств жизни исторической личности и общего контекста эпохи выстроить картину мира, общую для адресанта (историографа) и адресата. Креативная компетенция отражает типовое поведение адресанта (историка-биографа), роль, которую он играет в коммуникации и которая связана с отбором, аранжировкой и ранжированием исторических событий. В историко-биографическом нарративе эта роль проявляется в текстостилевом, аналитическом и прогностическом аспектах. Рецептивная компетенция подразумевает учёт адресантом фактора адресата. Она формирует интерсубъективную повествовательную перспективу, включающую представление адресанта об идеальном реципиенте и его возможных ролях в коммуникации, о дистанции между адресантом и адресатом, о его читательской компетентности, определяемой в том числе культурой мышления в рамках дискурсной формации.

В рамках каждой частной коммуникативной стратегии историко-биографического нарратива находят свою реализацию все три дискурсные компетенции, но для каждой стратегии они обладают разной значимостью. В зависимости от частных целей в рамках основной коммуникативной интенции одна или две компетенции могут преобладать над другими и соответственно влиять на языковую манифестацию стратегий.

Так, однодоминантными (с одной доминирующей компетенцией) являются стратегии информирования и объяснения. Двудоминантными (с двумя доминирующими компетенциями) являются стратегии оценивания, самопрезентации и объективации.

Стратегия информирования проявляется в тактиках рациональной аргументации и апелляции к личному авторитету. Стратегию объяснения, основанную на различных типах логической связи, позволяют реализовать

тактики субъективного аргументирования, апелляции к авторитетам (личному и групповому), описания оценочных ориентиров, сравнения, апелляции к возможному прошлому и опровержения. Референтная компетенция является доминирующей для стратегий информирования и объяснения, поскольку они подразумевают работу с историческим материалом (событиями в жизни исторической личности).

Стратегия оценивания находит своё отражение в тактиках описания оценочных ориентиров, приписывания оценочных характеристик, апелляции к авторитетам и сравнения. В ней доминируют референтная и креативная компетенции, поскольку эта стратегия подразумевает оценку содержательных элементов исторического материала при помощи различных выразительных и изобразительных языковых средств.

Стратегию самопрезентации позволяют реализовать тактики персонализации, аттрактивации и апелляции к авторитетам. Стратегию объективации реализуют тактики косвенного обращения, апелляции к авторитетам и указания на неточность. В рамках стратегий самопрезентации и объективации доминирующими являются креативная и рецептивная компетенции, поскольку данные стратегии связаны как с сигналами авторского присутствия в историко-биографических текстах, так и с читательскими ожиданиями от повествования. Стратегии самопрезентации и объективации позволяют создать образ историографа как учёного, стремящегося к объективности изложения, и в то же время как повествователя, апеллирующего к ценностям.

Историография ГДР и ФРГ соотносима с разными общественно-политическими и, соответственно, дискурсными формациями (нормативно-ролевой и дивергентной соответственно). Однако историко-биографические тексты ГДР и ФРГ представляют собой единый дискурс. Это объясняется конвергентным характером развития анализируемого дискурса: несмотря на идеологические различия, историографы ГДР и ФРГ не допускали в своих исследованиях полного разрыва между научными школами. На фоне различий в

идеологиях и методологиях прослеживаются общие черты, в частности, сочетание индивидуального и социального в обосновании исторических событий (в связи с этим – интерес к биографиям), стремление к дискуссионности и обмену мнениями. Между западно- и восточногерманским историческим нарративом отмечены отдельные различия в идеологических импликациях и в развёртывании исследовательского «я».

Предложенная модель анализа историко-биографического дискурса разделённой Германии позволила осуществить комплексный подход к его исследованию с акцентом на неориторический аспект и с опорой на нарративные компетенции. Анализ западно- и восточногерманских историко-биографических текстов показал, что данные тексты представляют собой единый дискурс. В развёртывании общих для этого дискурса стратегий ведущая роль принадлежит нарративным компетенциям, проявляющим себя сходным образом на уровне языковой манифестации.

Результаты дискурс-анализа, сравнительного и контекстуального анализа текстов показывают, что историко-биографический дискурс разделённой Германии сочетает в себе элементы различных дискурсов: теоретического (академического и научно-популярного), нарративного и риторического. Это характеризует анализируемый дискурс как диалогичный и конвергентный.

Предложенная модель анализа конвергентного типа нарративного текста, языковой материал и основные положения работы могут быть использованы при дальнейшем комплексном дискурс-анализе немецкоязычных историко-биографических (и в целом – исторических) текстов, созданных другими авторами и в другое время (например, современных исторических биографий), а также текстов в других видах коммуникации (например, публицистической, политической, художественной) и на материале других языков.

Список использованной литературы

1. Агеева, Н. С. Стратегии компьютерно-опосредованной коммуникации в университетском образовательном пространстве: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Агеева Наталия Сергеевна. – М., 2021. – 214 с.
2. Ааматов, А. М. Причинность в языкознании как отражение философской категории каузальности / А. М. Ааматов // Научные ведомости. – Белгород, 2010. – № 12(83). Вып. 6. – С. 5–12.
3. Андреева, В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс / Андреева Валерия Анатольевна. – СПб. : Норма, 2006. – 182 с.
4. Андреева, В. А. Текстовые и дискурсные параметры литературного нарратива (на материале современной немецкоязычной прозы): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Андреева Валерия Анатольевна. – СПб., 2009. – 361 с.
5. Андреева, В. А., Копчук, Л. Б. Научная коммуникация 2.0: особенности представления научного контента на немецкоязычных научно-популярных YouTube-каналах / В. А. Андреева, Л. Б. Копчук // Научный диалог. – 2020. – №12. – С. 9–25.
6. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 501 с.
7. Беленький, И. Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции / И. Л. Беленький // История через личность. Историческая биография сегодня. Под ред. Л. Р. Репиной. – М. : Квадрига, 2010. – С. 37–54.
8. Бестужев-Лада, И. В. Ретроальтернативистика в философии истории / И. В. Бестужев-Лада // Вопросы философии. – М. : Наука, 1997. – № 8. – С. 112–122.
9. Бондарева, Л. М. Лингвокогнитивные и текстотипологические параметры ретроспективного дискурса (на материале немецкого языка): автореф. дис.

- ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Бондарева Людмила Михайловна. – Архангельск, 2019. – 43 с.
10. Бородкин, Л. И. Историческая синергетика: ещё раз о роли личности в истории / Л. И. Бородкин // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Редкол.: В. Н. Сидорцов (отв. ред.) и др. Минск, 15–16 апр. 2004 г. – Минск : БГУ, 2004. – С. 305–307.
 11. Бочаров, А. В. Идея альтернативности исторического развития в отечественной методологии истории [Электронный ресурс] / А. В. Бочаров. – 2023. – Режим доступа: <http://www.seaofhistory.ru/shists-932-6.html>.
 12. Брокмейер, Й., Харре, Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы. Пер. с англ. [Электронный ресурс] / Й. Брокмейер, Р. Харре. – 2000. – Режим доступа: <http://galapsy.narod.ru/PsyNarrative/Brockmeier.htm>.
 13. Бурцев, В. А. Дискурсивная формация как единица анализа дискурса / В. А. Бурцев. // Вестник ТГУ. – Томск, 2008. – №10 (66). – С. 9–16.
 14. Валевский, А. Л. Основания биографики / А. Л. Валевский. – Киев : Наукова думка, 1993. – 111 с.
 15. Вебер, М. Объективная возможность и адекватная причинная обусловленность в историческом рассмотрении каузальности / М. Вебер // М. Вебер. Избранные произведения. Пер. с нем. – М. : Прогресс, 1990. – С. 464–494.
 16. Винокур, Г. О. Биография и культура [Электронный ресурс] / Г. О. Винокур. – М., 1927. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/4083497/>.
 17. Волков, А. А. Основы риторики / А. А. Волков. – М. : Академический проект, 2003. – 304 с.
 18. Волобуев, П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность / П. В. Волобуев. – М. : Политиздат, 1987. – 312 с.

19. Воронова, А. В. Научно-популярные тексты как объект функционально-стилистического анализа / А. В. Воронова // Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – М., 2016. – № 2. – С. 7–12.
20. Голоднов, А. В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Голоднов Антон Владимирович. – СПб., 2003. – 24 с.
21. Голоднов, А. В. Риторический метадискурс: основания прагмалингвистического моделирования и социокультурной реализации (на материале современного немецкого языка) / А. В. Голоднов. – СПб. : Астерион, 2011. – 344 стр.
22. Гончарова, Е. А., Шишкина, И. П. Интерпретация текста. Немецкий язык: учеб. пособие для вузов / Е. А. Гончарова, И. П. Шишкина. – М. : Высшая школа, 2005. – 368 с.
23. Горина, О. Г., Храброва, В. Е. Лингвистический хеджинг как коммуникативная стратегия (в русле корпусных исследований) / О. Г. Горина, В. Е. Храброва // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Новосибирск, 2017. – Т. 15, № 3. – С. 44–53.
24. Гринин, Л. Е. Личность в истории: эволюция взглядов [Электронный ресурс] / Л. Е. Гринин // История и современность. – 2010. – Вып. №2 (12). – Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129557/>.
25. Данто, А. Аналитическая философия истории / А. Данто. – Пер. с англ. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 292 с.
26. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Пер. с англ. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
27. Дройзен, И. Г. Историка / И. Г. Дройзен. – Пер. с нем. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – 584 с.

28. Зиммель, Г. Философия культуры / Г. Зиммель. – М. : Юрист, 1996. – 671 с.
29. Иванова, Т. Н., Мягков, Г. П. Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях [Электронный ресурс] / Т. Н. Иванова, Г. П. Мягков // История, 2013. – Т. 4, вып. 2 (18). – Режим доступа: <http://history.jes.su/s207987840000480-7-1>.
30. Иссерс, О. С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность / О. С. Иссерс // Вестник Омского университета. – Омск, 2011. – № 4. – С. 227–232.
31. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
32. Карасик, В. И. Коммуникативная тональность [Электронный ресурс] / В. И. Карасик // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2008. – №10. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-tonalnost-1>.
33. Карчаева, С. Х. Дискурсивность научного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Карчаева Светлана Хакимовна. – Нальчик, 2010. – 24 с.
34. Кожина, М. Н. Некоторые аспекты изучения речевых жанров в нехудожественных текстах / М. Н. Кожина // Стереотипность и творчество в тексте: Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь : Перм. ун-т, 1999. – С. 22–39.
35. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина. – М. : Просвещение, 1977. – 223 с.
36. Козин, Н. Г. Познание и историческая наука (Эмпирический и теоретический уровни знания и познания и историческая наука) / Н. Г. Козин. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1980. – 149 с.
37. Козлов, Д. С. Судьба С. К. Пирогова. «Случайности» в создании биографического нарратива / Д. С. Козлов // Право на имя: Биографика XX

- века. Чтения памяти В. Иофе: Избранное. Отв. ред. Т. Б. Притыкина. – СПб. : Норма, 2013. – С. 297–302.
38. Колотов, А. А. Паратекстуальный подход в современном литературоведении / А. А. Колотов // Международная заочная научно-практическая конференция «Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования»: сборник материалов конференции (30 сентября 2011 г.). – Краснодар, 2011. – с. 37–41.
39. Корнева, Л. Н. Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945–90-е годы) / Л. Н. Корнева. – Кемерово : КемГУ, 1998. – 128 с.
40. Котюрова, М. П. Стилистика научной речи / М. П. Котюрова. – М. : Академия, 2010. – 240 с.
41. Кузьменко, П. Б. Содержательное наполнение статьи как реализация стратегии объективации в научном тексте (на материале введений англоязычных научных статей) / П. Б. Кузьменко // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2017. – № 4. – С. 85–88.
42. Лазаревич, Э. А. С веком наравне. Популяризация науки в России. Книга. Газета. Журнал / Э. А. Лазаревич. – М. : Книга, 1984. – 384 с.
43. Лотман, Ю. М. Клио на распутье / Ю. М. Лотман // Наше наследие. – М., 1988. – № 5. – С. 1–4.
44. Маевский, Н. Н. Особенности научно-популярного стиля: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Маевский Николай Николаевич. – Ростов-на-Дону, 1979. – 21 с.
45. Миньяр-Белоручева, А. П. Типология исторического дискурса / А. П. Миньяр-Белоручева // Язык и текст. – Москва, 2015. – Т. 2, № 2. – С. 8–16.

46. Мишалова, Е. В. Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания / Е. В. Мишалова // Эпистемология и философия науки. – 2012. – Т. XXXI, №1. – С. 157–173.
47. Мовчан, М. К. Особенности смысловых связей в западно- и восточногерманском историческом нарративе (на примере биографических текстов) / М. К. Мовчан // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – № 197. – СПб : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. – С. 220–227.
48. Мовчан, М. К. Особенности языковой реализации нарративных стратегий в историческом дискурсе ГДР / М. К. Мовчан // Коммуникативная культура: история и современность. Материалы VII Международной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2017. – С. 156–159.
49. Мовчан, М. К. Частные нарративные стратегии создания образа исторической личности в произведениях историков ГДР и ФРГ (на материале биографий Отто фон Бисмарка “Bismarck: Urprenuße und Reichsgründer” Э. Энгельберга и “ Bismarck: Der weiße Revolutionär” Л. Галля) / М. К. Мовчан // Вопросы филологии. – М., 2017. – №2 (58). – С. 97–102.
50. Мовчан, М. К. Проявления перспективации в биографических нарративных текстах ГДР и ФРГ (на примере биографий Фридриха II и Мартина Лютера) / М. К. Мовчан // Вестник ЧелГУ. Филологические науки. – Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2019. – № 6 (428). – С. 92–100.
51. Морозов, В. Э. Культура письменной научной речи [Электронный ресурс] / В. Э. Морозов. – 2007. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/moroz/index.php.
52. Нефёдов, С. Т. ИмPLICITная авторизованность научного текста / С. Т. Нефёдов // Научное мнение. – СПб., 2013. – № 10. – С. 51–57.

53. Нехамкин, В. А. Сослагательное наклонение в историческом познании / В. А. Нехамкин // Вестник Российской академии наук. – М., 2006. – Том 76, № 2. – С. 135–138.
54. Никитин, М. В. Основания когнитивной семантики / М. В. Никитин. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 277 с.
55. Никонова, Е. А. Дискурсивная практика и коммуникативная стратегия: эклектика vs полипарадигматизм? / Е. А. Никонова // Научный диалог. – Екатеринбург, 2023. – Т. 12. – № 6. – С. 123–139.
56. Никульшина, Н. Л. Письменный научный дискурс как объект моделирования в учебных целях / Н. Л. Никульшина // Вестник ТГУ. – Томск, 2008. – Вып. 3 (59). – С. 245–250.
57. Плотникова, С. Н. Концептуальные основания конструирования дискурсивных стратегий / С. Н. Плотникова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – М., 2018. – № 3 (31). – С. 78–86.
58. Покотыло, М. В. Коммуникативные стратегии в научном дискурсе: функционально-прагматический потенциал и специфика реализации // М. М. Покотыло // Гуманитарные и социальные науки. – Ростов-на-Дону, 2017. – №2. – С. 167–173.
59. Понамарёва, Н. В. Коммуникативно-прагматические особенности немецкого прозаического романа XV–XVI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Понамарёва Надежда Валерьевна. – СПб., 2016. – 19 с.
60. Попова, Т. Н. Историография в человеческом измерении / Т. Н. Попова // Історіографічні дослідження в Україні. – Київ, 2012. – № 22. – С. 265–292.
61. Пригожин, И. Р., Стенгерс, И. Время, хаос, квант / И. Р. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1994. – 266 с.
62. Пузанова, Ж. В., Троцук, И. В. Нарративный анализ: понятие или метафора? / Ж. В. Пузанова, И. В. Троцук // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2003. – № 17. – С. 56–82.

- 63.Репина, Л. Р. Личность и общество, или история в биографиях / Л. Р. Репина // История через личность. Историческая биография сегодня. Под ред. Л. Р. Репиной. – М. : Квадрига, 2010. – С. 5–16.
- 64.Рикёр, П. Время и рассказ. Пер. с фр. Т. 1 / П. Рикёр. – М., СПб. : Университетская книга, 1998. – 313 с.
- 65.Савчук, Т. Н. Аргументативные модели в научно-гуманитарном дискурсе: опыт реконструкции / Т. Н. Савчук // Весник БДУ. – Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – Минск : 2016. – № 1. – С. 32–38.
- 66.Седов, К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика / К. Ф. Седов. – М. : Издательский дом ЯСК, 2016. – 440 с.
- 67.Сморгунова, Е. М. Что же такое «устный нарратив» и что мы от него ждем? Заметки участника археографических экспедиций / Е. М. Сморгунова // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI в. (К изучению биографического и религиозного нарратива). Под ред. Е. Б. Смилянской. – М. : Индрик, 2012. – С. 33–46.
- 68.Степанова, В. В. Альтернативы исторического развития Германии в XIX веке / В. В. Степанова. – Нижневартовск : Издательство Нижневартовского государственного университета, 2013. – 240 с.
- 69.Субботенко, С. С. Стратегии и тактики исторического дискурса (на материале немецкого языка) / С. С. Субботенко // Теория языка и межкультурная коммуникация. – Курск : 2020. – №2 (37). – С. 255–264.
- 70.Терпугова, А. В. Биографический текст как объект лингвистического исследования: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 [Электронный ресурс] / Терпугова Ангелина Валерьевна. – М. : 2011. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/biograficheskii-tekst-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya>.
- 71.Тодоров, Ц. Поэтика / Ц. Тодоров. – Пер. с фр. // Структурализм: «за» и «против» (Сб. статей). – М. : Прогресс, 1975. – С. 37–113.

- 72.Тюпа, В. И. Коммуникативное событие урока [Электронный ресурс] / В. И. Тюпа. – М. : РГГУ, 2004. – Режим доступа: <http://cdo.rggu.ru/article.html?id=1243>.
- 73.Тюпа, В. И. Коммуникативное событие урока [Электронный ресурс] / В. И. Тюпа. – М. : РГГУ, 2004. – Режим доступа: <http://cdo.rggu.ru/article.html?id=1243>.
- 74.Тюпа, В. И. Коммуникативные стратегии теоретического дискурса / В. И. Тюпа // Критика и семиотика. – Новосибирск : Институт филологии СО РАН, 2006. – Вып. 10. – С. 36–45.
- 75.Тюпа, В. И. Коммуникационные стратегии культуры и гуманитарные технологии [Электронный ресурс] / В. И. Тюпа. – СПб., 2007. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3392/3393>.
- 76.Тюпа, В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса / В. И. Тюпа. – Тверь, 2001. – 41 с.
- 77.Тюпа, В. И. Что такое нарративная модальность? [Электронный ресурс] / В. И. Тюпа // Открытая нарратология. – 2016. – Режим доступа: <https://www.opennar.com/single-post/2016/03/27/%D0%A7%D1%82%D0%BE-%D1%82%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B5-%D0%BD%D0%B0%D1%80%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>.
- 78.Успенский, Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский. – СПб : Азбука, 2000 (1970). – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/ling/uspen-poetcomp.htm>.
- 79.Фуко, М. Археология знания. Пер. с фр. / М. Фуко. – Киев : Ника-Центр, 1996. – 208 с.
- 80.Хейзинга, Й. Человек играющий. Пер. с нидерл. [Электронный ресурс] / Й. Хейзинга. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – Режим доступа:

<https://mymap-life.ru/wp-content/uploads/2013/09/Йохан-Хёйзинга---Человек-играющий.pdf> .

81. Хомутова, Т. Н. Стратегии научного дискурса: интегральный подход / Т. Н. Хомутова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – Челябинск, 2015. – Т. 12, № 3. – С. 15–22.
82. Чернигова, И. В. Коммуникативный потенциал паратекста французских художественных произведений XVI-XVII веков (на материале авторских и издательских предисловий): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Чернигова Инга Вадимовна. – Иркутск, 2006. – 22 с.
83. Чернявская, В. Е. Интерпретация научного текста / В. Е. Чернявская. – М. : URSS, 2007. – 128 с.
84. Шатин, Ю. В. Исторический нарратив и мифология XX столетия / Ю. В. Шатин // Критика и семиотика. Вып. 5. – Новосибирск, 2002. – С. 100–108.
85. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
86. Acham, K. Über Parteilichkeit und Objektivität in den Gesellschaftswissenschaften. Einige methodologische Betrachtungen / K. Acham // Studiengruppe „Theorie der Geschichte“. Werner-Reimers-Stiftung, Bad Homburg. Beiträge zur Historik. Band I. Objektivität und Parteilichkeit in der Geschichtswissenschaft. Hrsg. von R. Koselleck, W. J. Mommsen, J. Rüsen. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1977. – S. 393–424.
87. Alter, P. Bismarck und die Historiker der DDR / P. Alter // Otto von Bismarck: Person – Politik – Mythos. Hrsg. von J. Dülffer und H. Hübner. – Berlin : Akademie Verlag, 1993. – S. 13–30.
88. Barudio, G. Gustav Adolf – der Große. Eine politische Biographie / G. Barudio. – Frankfurt/M. : Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1985. – 723 S.
89. Baumgartner, H. M. Die subjektiven Voraussetzungen der Historie und der Sinn von Parteilichkeit / H. M. Baumgartner // Studiengruppe „Theorie der

- Geschichte“. Werner-Reimers-Stiftung, Bad Homburg. Beiträge zur Historik. Band I. Objektivität und Parteilichkeit in der Geschichtswissenschaft. Hrsg. von R. Koselleck, W. J. Mommsen, J. Rüsen. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1977. – S. 425–440.
90. Baumgartner, H. M. Erzählung und Theorie in der Geschichte / H. M. Baumgartner // Studiengruppe „Theorie der Geschichte“. Werner-Reimers-Stiftung, Bad Homburg. Beiträge zur Historik. Band 3: Theorie und Erzählung in der Geschichte. Hrsg. von J. Kocka und Th. Nipperdey. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1979. – S. 259–289.
91. Benjamin, W. Der Erzähler. Betrachtungen zum Werk Nikolaj Lesskows / W. Benjamin. // Gesammelte Schriften. Hrsg. von R. Tiedemann, H. Schweppenhüser. Bd. 2. – Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1991. – S. 438–465.
92. Benveniste, E. Problems in General Linguistics / E. Benveniste : translated from French by M. E. Meek. – Coral Gables, Florida : University of Miami Press, 1971. – Pp. 223–230.
93. Bergmann, W. DDR-Forschung am Ziel? – Zur historischen DDR-Forschung und politischen Wende in der DDR / W. Bergmann // Zur Geschichte der Historiographie nach 1945. Beiträge eines Kolloquiums zum 75. Geburtstag von Gerhard Lozek. Hrsg. von A. Loesdau und H. Meyer. – Berlin : Trafo Verlag, 2001. – S. 141–172.
94. Berkhofer, R. F. – A Behavioral Approach to Historical Analysis / R. F. Berkhofer. – NY, London : The Free Press, 1969. – 339 pp.
95. Breckner, R. Bild und Biographie: Ein Kaleidoskop von Selbstbildern? / R. Breckner // Medialisierungsformen des (Auto-)Biographischen. Hrsg. von C. Heinze und A. Hornung. – Konstanz, München : UVK Verlagsgesellschaft, 2013. – S. 159–180.
96. Berthold, W. Von Bochum 1990 nach Frankfurt a. M. 1998 – Über das Verhältnis der Geschichtswissenschaft der Alt-BRD zur Geschichtswissenschaft der Ex-DDR / W. Berthold // Zur Geschichte der Historiographie nach 1945. Beiträge

- eines Kolloquiums zum 75. Geburtstag von Gerhard Lozek. – Hrsg. von A. Loesdau und H. Meyer. – Berlin : Trafo Verlag, 2001. – S. 33–60.
97. Brinks, J. H. Die DDR-Geschichtswissenschaft auf dem Weg zur deutschen Einheit. Luther, Friedrich II. und Bismarck als Paradigmen politischen Wandels / J. H. Brinks. – Frankfurt/NY : Campus Verlag, 1992. – 342 S.
98. Carlyle, Th. Über Helden, Heldenverehrung und das Heldentümliche in der Geschichte / Th. Carlyle : aus dem Englischen von E. Pfannkuche // Theorie der Biographie: Grundlagentexte und Kommentar. Hrsg. v. B. Fetz und W. Hemecker. – Berlin : De Gruyter, 2011. – S. 29–32.
99. Chatman, S. Story and Discourse. Narrative Structure in Fiction and Film. Fifth printing / S. Chatman. – London : Cornell University Press, 1989. – 277 pp.
100. Corni, G. Die Historiographie der DDR zwischen Dogmatismus und Erneuerung. Versuch einer Bilanz nach dem Zusammenbruch / G. Corni // Die Mauern der Geschichte. Historiographie in Europa zwischen Diktatur und Demokratie. – Hrsg. von G. Corni und M. Sabrow. – Leipzig : Akademische Verlagsanstalt, 1996. – S. 64–78.
101. Czicza, D., Hennig, M. Zur Pragmatik und Grammatik der Wissenschaftskommunikation. Ein Modellierungsvorschlag / D. Czicza, M. Hennig // Fachsprache 1–2. – Wien : Facultas, 2011. – S. 36–60.
102. Demandt, A. Ungeschehene Geschichte. Ein Traktat über die Frage: Was wäre geschehen, wenn...? 3., erweiterte Auflage / A. Demandt. – Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 2001. – 176 S.
103. Dorschel, A. Historische Konjunktive: zur Geschichtsschreibung des Möglichen/ A. Dorschel // Vom Preis des Fortschritts: Gewinn und Verlust in der Musikgeschichte. – Wien : Universal Edition, 2008. – S. 33–52.
104. Erdmann, J. E. Versuch einer wissenschaftlichen Darstellung der neueren Philosophie. Bd. 1.1 / J. E. Erdmann. – Riga : Eduard Frantzens Buchhandlung, 1834. – 756 S.

105. Eschenburg, J. J. Entwurf einer Theorie und Literatur der schönen Redekünste / J. J. Eschenburg. – Berlin, Stettin : Friedrich Nicolai, 1783. – 250 S.
106. Eschenburg, J. J., Pinder, M. Entwurf einer Theorie und Literatur der schönen Redekünste / J. J. Eschenburg, M. Pinder. – Berlin : Nicolai'sche Buchhandlung, 1836. – 411 S.
107. Eßbach, W. Über soziale Konstruktionen von Biographien / W. Eßbach // Biographie und Interkulturalität. Diskurs und Lebenspraxis. Stauffenburg Diskussion, Bd. 16. – Tübingen : Stauffenburg Verlag Brigitte Narr GmbH, 2001. – S. 59–68.
108. Evans, R. J. Veränderte Vergangenheiten. Über kontrafaktisches Erzählen in der Geschichte / R. J. Evans : aus dem Englischen von R. Barth. – München : Deutsche Verlags-Anstalt, 2014. – 213 S.
109. Ferguson, N. Virtual History: Alternatives and Counterfactuals / N. Ferguson. – NY : Basic Books, 1999. – 558 pp.
110. Fischer, A., Heydemann, G. Weg und Wandel der Geschichtswissenschaft und des Geschichtsverständnisses in der SBZ/DDR seit 1945 / A. Fischer, G. Heydemann // Geschichtswissenschaft in der DDR. Band 1: Historische Entwicklung, Theoriediskussion und Geschichtsdidaktik. Hrsg. von A. Fischer und G. Heydemann. – Berlin : Duncker und Humblot, 1988. – S. 3–32.
111. Fludernik, M. An Introduction to Narratology / M. Fludernik. – London : Routledge, 2009. – 82 pp.
112. Forster, E. M. Aspects of the Novel / E. M. Forster. – London : Penguin Books, 2000. – 204 pp.
113. Foucault, M. Die Ordnung der Dinge. Eine Archäologie der Humanwissenschaften (Les mots et les choses) / M. Foucault : aus dem Französischen von U. Köppen. – Frankfurt/M. : Suhrkamp, 1966. – 470 S.
114. Franceschini, R. (Hrsg.). Biographie und Interkulturalität. Diskurs und Lebenspraxis. Stauffenburg Diskussion / R. Franceschini. – Bd. 16. – Tübingen : Stauffenburg Verlag Brigitte Narr GmbH, 2001. – 287 S.

115. Gans, E. Biographische Denkmale von K. A. Varnhagen v. Ense / E. Gans // Vermischte Schriften juristischen, historischen, staatswissenschaftlichen und ästhetischen Inhalts. Bd. 2. – Berlin : Duncker und Humblot, 1843. – S. 224–236.
116. Gansel, Chr., Jesan, I., Kovtunova, E., Nefedov, S., Ros, G., Schäfer, P. Textorganisation / Chr. Gansel, I. Jesan u. a. // In: Wissenschaftliches Schreiben. Ein Handbuch. Hrsg. von Chr. Gansel und S. Nefedov. – Greifswald : 2018. – S. 55–84.
117. Genette, G. Die Erzählung / G. Genette : aus dem Französischen von A. Knop. – München : Wilhelm Fink Verlag, 2010. – 319 S.
118. Genette G. Paratexte / G. Genette : aus dem Französischen von D. Hornig. – Frankfurt/NY : Campus Verlag, 1989. – 391 S.
119. Hamburger, K. Die Logik der Dichtung / K. Hamburger. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1987. – 255 p.
120. Heinrich, T. Biographie als Hermeneutik. Johann Gottfried Herders biographisches Essay *Über Thomas Abbts Schriften* / T. Heinrich // Die Biographie – Beiträge zu ihrer Geschichte. Hg. v. W. Hemecker. – Berlin : De Gruyter, 2009. – S. 13–42.
121. Hempel, C. Explanation in Science and History / C. Hempel // C. Hempel. Frontiers of Science and Philosophy. – London : George Allen & Unwin, 1965. – Pp. 9–19.
122. Herder, J. G. Über Thomas Abbts Schriften. Der Torso zu einem Denkmal, an seinem Grabe errichtet / J. G. Herder // Herders Werke in zehn Bänden. Hrsg. v. M. Bollacher u. a., Bd. 2. – Frankfurt/M. : Deutscher Klassiker Verlag, 1993. – S. 565–608.
123. Heydemann, G. Geschichtswissenschaft im geteilten Deutschland. Entwicklungsgeschichte, Organisationsstruktur, Funktionen, Theorie- und Methodenprobleme in der Bundesrepublik Deutschland und in der DDR / G. Heydemann. – Frankfurt a. M. : Verlag Peter D. Lang, 1980. – 267 S.

124. Iggers, G. G. Einige Bemerkungen zu neueren historischen Studien aus der DDR / G. G. Iggers // Geschichtswissenschaft in der DDR. Band 1: Historische Entwicklung, Theoriediskussion und Geschichtsdidaktik. – Hrsg. von A. Fischer und G. Heydemann. – Berlin : Duncker und Humblot, 1988. – S. 155–178.
125. Iggers, G. G. Geschichtsschreibung und Politik in 20. Jahrhundert / G. G. Iggers // In: Die Mauern der Geschichte. Historiographie in Europa zwischen Diktatur und Demokratie. Hrsg. von G. Corni und M. Sabrow. – Leipzig : Akademische Verlagsanstalt, 1996. S. 21–36.
126. James, H. The Point of View / H. James. – 2001. – URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/2869>.
127. Knaut, A. Politische Imaginative. Vom Narrativ der Öffentlichkeit zu transnationalen Diskursräumen / A. Knaut // Politische Narrative. Konzepte – Analysen – Forschungspraxis. Hrsg. von F. Gadinger, S. Jarzebski, T. Yildiz. – Wiesbaden : Springer, 2014. – S. 93–117.
128. Köppe, T., Kindt, T. Erzähltheorie: Eine Einführung / T. Köppe, T. Kindt. – Stuttgart : Reclam, 2014. – 294 S.
129. Koschorke, A. Wahrheit und Erfindung. Grundzüge einer allgemeinen Erzähltheorie / A. Koschorke. – Frankfurt/M. : S. Fischer Verlag, 2012. – 398 S.
130. Kretzenbacher, H. L. Syntax des wissenschaftlichen Fachtextes / H. L. Kretzenbacher // Fachsprache 13 (3–4). – Wien : Facultas, 1991. – S. 118–137.
131. Kretzenbacher, H. L. Wie durchsichtig ist die Sprache der Wissenschaften? / H. L. Kretzenbacher // Linguistik der Wissenschaftssprache. Hrsg. von H. L. Kretzenbacher und H. Weinrich. – Berlin, De Gruyter : 1995. – S. 15–40.
132. Kruppa, R. Historiographie und Geschichtsunterricht in der DDR / R. Kruppa // Zur Geschichte der Historiographie nach 1945. Beiträge eines Kolloquiums zum 75. Geburtstag von G. Lozek. Hrsg. von A. Loesdau und H. Meyer. – Berlin : Trafo Verlag, 2001. – S. 95–114.

133. Kuppe, J. Die Geschichtsschreibung der SED im Umbruch / J. Kuppe // Geschichtswissenschaft in der DDR. Band 1: Historische Entwicklung, Theoriediskussion und Geschichtsdidaktik. Hrsg. von A. Fischer und G. Heydemann. – Berlin : Duncker und Humblot, 1988. – S. 103–128.
134. Lämmert, E. Bauformen des Erzählens / E. Lämmert. – Stuttgart : J. B. Metzler, 1955. – 296 S.
135. Lozek, G. Zu Erfahrungen der DDR-Geschichtswissenschaft bei der Analyse und Kritik der nichtmarxistischen Historiographie / G. Lozek // Zur Geschichte der Historiographie nach 1945. Beiträge eines Kolloquiums zum 75. Geburtstag von G. Lozek. Hrsg. von A. Loesdau und H. Meyer. – Berlin : Trafo Verlag, 2001. – S. 15–32.
136. Lubbock, P. The Craft of Fiction / P. Lubbock. – London, NY : Charles Scribner's Sons, 1921. – 277 pp.
137. Lukács, G. Die Theorie des Romans / G. Lukács. – Neuwied, Berlin : Luchterhand, 1965. – 169 S.
138. Mandelbaum, M. The Anatomy of Historical Knowledge / M. Mandelbaum. – Baltimore & London : The Johns Hopkins University Press, 1977. – 238 pp.
139. Mann, G. Plädoyer für die historische Erzählung / G. Mann // Studiengruppe „Theorie der Geschichte“. Werner-Reimers-Stiftung, Bad Homburg. Beiträge zur Historik. Band 3: Theorie und Erzählung in der Geschichte. Hrsg. von J. Kocka und Th. Nipperdey. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1979. – S. 40–56.
140. Meier, Chr. Vor der Schwierigkeit, ein Leben zu erzählen. Zum Projekt einer Caesar-Biographie / Chr. Meier // Studiengruppe „Theorie der Geschichte“. Werner-Reimers-Stiftung, Bad Homburg. Beiträge zur Historik. Band 3: Theorie und Erzählung in der Geschichte. Hrsg. von J. Kocka und Th. Nipperdey. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1979. – S. 229–258.

141. Mertens L. Priester der Klio oder Hofchronisten der Partei? Kollektivbiographische Analysen zur DDR-Historikerschaft. / L. Mertens. – Göttingen : V&R Unipress, 2006. – 179 S.
142. Mommsen, W. J. Der perspektivische Charakter historischer Aussagen und das Problem von Parteilichkeit und Objektivität historischer Erkenntnis / W. J. Mommsen // Studiengruppe „Theorie der Geschichte“. Werner-Reimers-Stiftung, Bad Homburg. Beiträge zur Historik. Band I. Objektivität und Parteilichkeit in der Geschichtswissenschaft. Hrsg. von R. Koselleck, W. J. Mommsen, J. Rüsen. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1977. – S. 441–468.
143. Müller, G. Aufbauformen des Romans // G. Müller. Morphologische Poetik. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1968. – S. 556–570.
144. Neuhäuser-Wespy, U. Erbe und Tradition in der DDR. Zum gewandelten Geschichtsbild der SED / U. Neuhäuser-Wespy // Geschichtswissenschaft in der DDR. Band 1: Historische Entwicklung, Theoriediskussion und Geschichtsdidaktik. Hrsg. von A. Fischer und G. Heydemann. – Berlin : Duncker und Humblot, 1988. – S. 129–154.
145. Ni Dhuill, C. Der Kanon des Heroischen: Ernst Bertrams Nietzsche. Versuch einer Mythologie / C. Ni Dhuill // Die Biographie – Beiträge zu ihrer Geschichte. Hg. v. W. Hemecker. – Berlin : De Gruyter, 2009. – S. 123–154.
146. Ni Dhuill, C. Widerstand gegen die Biographie: Sigrid Weigels Ingeborg-Bachmann-Studie / C. Ni Dhuill // Die Biographie – Beiträge zu ihrer Geschichte. Hg. v. W. Hemecker. – Berlin : De Gruyter, 2009. – S. 43–68.
147. Paetau, R. 1830 als Zäsur in der europäischen und deutschen Geschichte des 19. Jahrhunderts in der DDR-Historiographie. Zum Wandel einer ideologischen Geschichtslehre / R. Paetau // Historische Zeitschrift. – Berlin : De Gruyter, 1993. – S. 323–352.
148. Pape, W. Cultural Change and Cultural Memory: The Principle of Hope in the Times of German Unification / W. Pape // 1870/71 – 1989/90. German

- Unification and the Change in Literary Discourse. – Ed. by W. Pape. – Berlin, NY : De Gruyter, 1993. – S. 1–24.
149. Pecheux, M. Analyse automatique du discours / M. Pecheux. – Paris : Dunod, 1969. – 148 pp.
 150. Perelman, Ch., Olbrechts-Tyteca, L. The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation / Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca. – Translated by J. Wilkinson and P. Weaver. – Notre Dame, London : University of Notre Dame Press, 1971. – 566 pp.
 151. Petsch, R. Wesen und Formen der Erzählkunst / R. Petsch. – Halle/Saale : Max-Niemeyer-Verlag, 1942. – 582 S.
 152. Pfeifer, H. Das liberale Metanarrativ und Identitätskonflikte: Wider den liberalen Gerechten Frieden als Skript für die Lösung des israelisch-palästinensischen Konfliktes / H. Pfeifer // Politische Narrative. Konzepte – Analysen – Forschungspraxis. Hrsg. von F. Gadinger, S. Jarzebski, T. Yildiz. – Wiesbaden : Springer, 2014. – S. 259–283.
 153. Plutarch. Fünf Doppelbiographien. 2 Teile / Plutarch: übersetzt von K. Ziegler u. W. Wuhrmann. – Zürich : Artemis & Winkler, 1994. – 1180 S.
 154. Pohlig, M. Was wäre, wenn Luther seine Thesen für sich behalten hätte? / M. Pohlig. – 2017. – URL: <https://www.deutschlandfunk.de/kontrafaktische-geschichtsforschung-was-waere-wenn-luther-100.html>.
 155. Ranke, L. von. Geschichten der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1514 / L. von Ranke. – Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1885. – 544 S.
 156. Riesenberger, D. Biographie als historiographisches Problem / D. Riesenberger // Persönlichkeit und Struktur in der Geschichte. Historische Bestandsaufnahme und didaktische Implikationen. Hg. v. M. Bösch. – Düsseldorf : Schwann, 1977. – S. 25–39.

157. Rosenfeld, G. *The World Hitler Never Made. Alternative History and the Memory of Nazism* / G. Rosenfeld. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 538 pp.
158. Roth, P. A. *Narrative Explanations: The Case of History* / P. A. Roth // *History and Theory*, Vol. 27, No. 1. – New Jersey, 1988. – Pp. 1–13.
159. Rüsen, J. *Wie kann man Geschichte vernünftig schreiben? Über das Verhältnis von Narrativität und Theoriegebrauch in der Geschichtswissenschaft* / J. Rüsen // Studiengruppe „Theorie der Geschichte“. Werner-Reimers-Stiftung, Bad Homburg. *Beiträge zur Historik. Band 3: Theorie und Erzählung in der Geschichte*. Hrsg. von J. Kocka und Th. Nipperdey. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1979. – S. 300–333.
160. Rüsen, J. *The Didactics of History in West Germany: Towards a New Self-Awareness of Historical Studies* / J. Rüsen // *History and Theory*, Vol. 26, No. 3. – Middletown, 1987. – Pp. 275–286.
161. Rüsen, J., Vasicek, Z. *Geschichtswissenschaft zwischen Ideologie und Fachlichkeit. Zur Entwicklung der Historik in der DDR* / J. Rüsen, Z. Vasicek // *Geschichtswissenschaft in der DDR. Band 1: Historische Entwicklung, Theoriediskussion und Geschichtsdidaktik*. – Hrsg. von A. Fischer und G. Heydemann. – Berlin : Duncker und Humblot, 1988. – S. 307–332.
162. Sabrow, M. *Der „ehrliche Meinungsstreit“ und die Grenzen der Kritik* / M. Sabrow // *Die Mauern der Geschichte. Historiographie in Europa zwischen Diktatur und Demokratie*. – Hrsg. von G. Corni und M. Sabrow. – Leipzig : Akademische Verlagsanstalt, 1996. – S. 79–117.
163. Schapp, W. *In Geschichten verstrickt. Zum Sein von Mensch und Ding* / W. Schapp. – Hamburg : Richard Meiner Verlag, 1953. – 210 S.
164. Scheuer, H. *„Dichter und Helden“ – zur Biographik des George-Kreises* / H. Scheuer // *Stefan George. Werk und Wirkung seit dem „Siebenten Ring“*. Hrsg. v. W. Braungart. – Tübingen : Niemeyer, 2001. – S. 300–314.

165. Scholes, R. et al. *The Nature of Narrative* / R. Scholes, J. Phelan, R. Kellogg. – Oxford : Oxford University Press, 2006. – 403 pp.
166. Sheehan, J. *National History and National Identity in the New Germany* / J. Sheehan // 1870/71–1989/90. *German Unification and the Change in Literary Discourse*. – Ed. by W. Pape. – Berlin, New York : De Gruyter, 1993. – S. 25–36.
167. Spitzmüller, J., Warnke, I. H. *Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse* / J. Spitzmüller, I. H. Warnke. – Berlin : De Gruyter, 2011. – 236 S.
168. Stanzel, F. K. *Theorie des Erzählens* / F. K. Stanzel. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1989. – 321 S.
169. Steinhoff, T. *Alltägliche Wissenschaftssprache und wissenschaftliche Textprozeduren* / T. Steinhoff // In: Dalmas, M., Foschi, A., Foschi, M., Neuland, E. (Hrsg.). *Wissenschaftliche Textsorten im Germanistikstudium deutsch-italienisch-französisch kontrastiv*. – Lovenjo di Menaggio : Villa Vigoni Editore, 2009. – S. 99–109.
170. Steinhoff, T. *Zum ich-Gebrauch in Wissenschaftstexten* / T. Steinhoff // *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, Vol. 35. – Berlin, Boston : De Gruyter, 2007. – S. 1–26.
171. Stierle, K. *Erfahrung und narrative Form. Bemerkungen zu ihrem Zusammenhang in Fiktion und Historiographie* / K. Stierle // Studiengruppe „Theorie der Geschichte“. Werner-Reimers-Stiftung, Bad Homburg. Beiträge zur Historik. Band 3: *Theorie und Erzählung in der Geschichte*. Hrsg. von J. Kocka und Th. Nipperdey. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1979. – S. 85–118.
172. Tjupa, V. *Narrative Strategies* / V. Tjupa // *The Living Handbook of Narratology*. – 2014. – URL: <http://www.lhn.uni-hamburg.de/article/narrative-strategies>.
173. Velleman, J. D. *Narrative Explanation* / J. D. Velleman // *The Philosophical Review*, Vol. 112, No. 1. – Durham, 2003. – Pp. 1–25.

174. Viehöver, W. Erzählungen im Feld der Politik, Politik durch Erzählungen. Überlegungen zur Rolle der Narrationen in den politischen Wissenschaften / W. Viehöver // Politische Narrative. Konzepte – Analysen – Forschungspraxis. Hrsg. von F. Gadinger, S. Jarzebski, T. Yildiz. – Wiesbaden : Springer, 2014. – S. 67–91.
175. Virtuelle Geschichte. Historische Alternativen im 20. Jahrhundert. Hrsg. von N. Ferguson. Aus dem Englischen übersetzt von R. Niemann. – Darmstadt : Primus Verlag, 1999. – 410 S.
176. Wehler, H.-U. Anwendung von Theorien in der Geschichtswissenschaft / H.-U. Wehler // Studiengruppe „Theorie der Geschichte“. Werner-Reimers-Stiftung, Bad Homburg. Beiträge zur Historik. Band 3: Theorie und Erzählung in der Geschichte. Hrsg. von J. Kocka und Th. Nipperdey. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1979. – S. 17–39.
177. Wehler, H.-U. Fragen an Fragwürdiges. Eine gedämpfte Replik auf Golo Manns „Plädoyer“ / H.-U. Wehler // Studiengruppe „Theorie der Geschichte“. Werner-Reimers-Stiftung, Bad Homburg. Beiträge zur Historik. Band 3: Theorie und Erzählung in der Geschichte. Hrsg. von J. Kocka und Th. Nipperdey. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1979. – S. 57–60.
178. Weinrich, H. Sprache und Wissenschaft / H. Weinrich // Linguistik der Wissenschaftssprache. Hrsg. von H. L. Kretzenbacher und H. Weinrich. – Berlin : De Gruyter, 1995. – S. 3–13.
179. Weinrich, H. Wissenschaftssprache, Sprachkultur, und die Einheit der Wissenschaft / H. Weinrich // Linguistik der Wissenschaftssprache. Hrsg. von H. L. Kretzenbacher und H. Weinrich. – Berlin : De Gruyter, 1995. – S. 155–172.
180. White, H. Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe / H. White. – Baltimore & London : Johns Hopkins University Press, 1975. – 448 pp.
181. White, H. Tropics of Discourse. Essays in Cultural Criticism / H. White. – Baltimore & London : Johns Hopkins University Press, 1992. – 287 pp.

182. Windelband, W. Geschichte und Naturwissenschaft: Rede zum Antritt des Rectorats der Kaiser-Wilhelms-Universität Strassburg / W. Windelband. – 1894. – URL: <https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/windelband1894>.
183. Zimmermann, Chr. Geschichte oder Biographie: Leopold Rankes Porträts Papst Pauls III. und Wallensteins / Chr. Zimmermann // Die Biographie – Beiträge zu ihrer Geschichte. Hg. v. W. Hemecker. – Berlin : De Gruyter, 2009. – S. 71–104.

Справочные источники

1. Биографический метод [Электронный ресурс] // Большая Российская энциклопедия. – 2019. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/sociology/text/1866743>.
2. Коммуникативное намерение (интенция) // Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ped_recheved.academic.ru/86/Коммуникативное_намерение_%28интенция%29.

Текстовые источники

1. Aretin, K. O. von. Friedrich der Große. Größe und Grenzen eines Preußenkönigs / K. O. von Aretin. – Freiburg : Herder, 1985. – 173 S.
2. Börner, K. H. Kaiser Wilhelm I. 1797 bis 1888. Deutscher Kaiser und König von Preußen. Eine Biographie / K. H. Börner. – Köln : Pahl-Rugenstein Verlag, 1984. – 292 S.
3. Brendler, G. Martin Luther: Theologie und Revolution / G. Brendler. – Berlin : VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1983. – 452 S.
4. Engelberg, E. Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer / E. Engelberg. – Berlin : Akademie-Verlag, 1985. – 855 S.
5. Engelberg, E. Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer / E. Engelberg. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1991. – 711 S.
6. Gall, L. Bismarck: Der Weiße Revolutionär / L. Gall. – München : Ullstein, 2002. – 926 S.
7. Herre, F. Wilhelm I. Der letzte Preuße / F. Herre. – München : Wilhelm Heyne Verlag, 1983. – 573 S.
8. Kantzenbach, F.-W. Martin Luther. Der bürgerliche Reformator / F.-W. Kantzenbach. – Göttingen : Musterschmidt, 1972. – 104 S.
9. Mittenzwei, I. Friedrich II. von Preußen. Eine Biographie / I. Mittenzwei. – Köln : Pahl-Rugenstein, 1986. – 253 S.
10. Mittenzwei, I. Friedrich II. von Preußen. Eine Biographie / I. Mittenzwei. – Berlin : VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1987. – 250 S.